738421

8(c)P
C 31

Книга должна быть
возвращена не позже
указанного сдесь срока

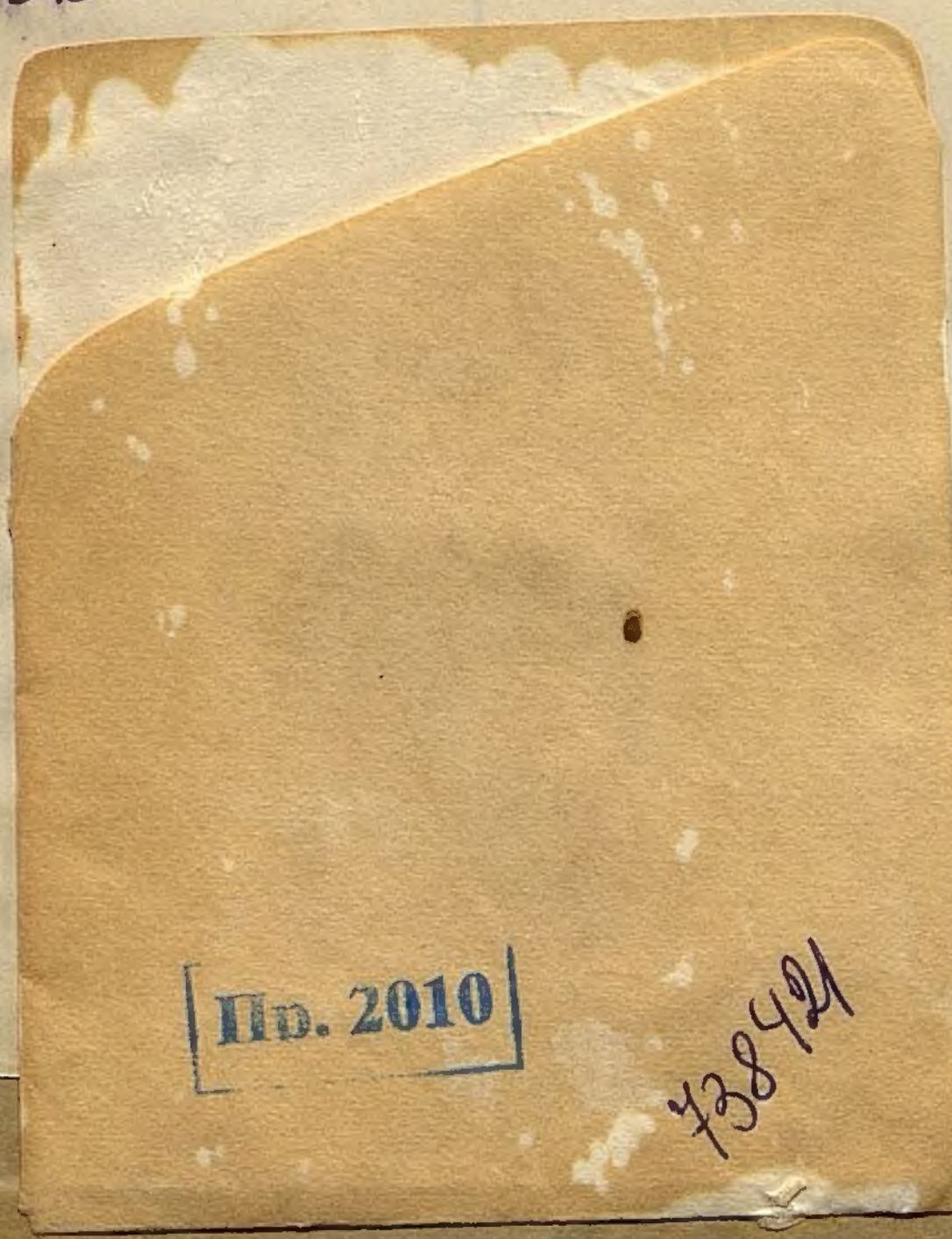
12/XII 47 8045 ч/з.

8/VI-47 г

3 11/IV-48

Пр. 2010

738421



8857

П. Сергѣенко.

ТОЛСТОЙ

И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

ОЧЕРКИ.

ГЕРЦЕНЪ, НЕКРАСОВЪ, ДОСТОЕВСКІЙ,
ТУРГЕНЕВЪ, ЛѢСКОВЪ, ЧЕХОВЪ,
БРАЙАНЪ, І. КРОНШТАДСКІЙ,
ТОЛСТОЙ И ДѢТИ.

Инв. № 1156
8857.
КАМЫШЛОВСКАЯ РАЙОННАЯ БИБЛИОТЕКА

Изданіе В. М. Саблина.
МОСКВА. — 1911.

1.33 [Толстой Л.Н.] - 1

8 р
С 31

№38421

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского
Государственного университета
г. Свердловск

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва — 1911.

Толстой и Герценъ.

Начало сентября 1904 г.

Въ Ясной Полянѣ группа гостей.

За вечернимъ чаемъ въ большой полуосвѣщенной столовой идетъ оживленная бесѣда, поминутно подогрѣваемая извѣстнымъ художественнымъ критикомъ и энтузіастомъ Вл. В. Стасовымъ.

Онъ гоститъ въ Ясной Полянѣ со своимъ неизмѣннымъ спутникомъ и другомъ скульпторомъ И. Я. Гинцбургомъ. И въ столовой то и дѣло гремитъ богатырскій голосъ «апостола могучей кучки». Все въ немъ было огромно и громозвучно.

Стасовъ сидитъ въ концѣ стола и демонстрируетъ привезенныя имъ фотографіи, изображающія въ различныхъ положеніяхъ М. Горькаго, И. Е. Рѣпина и В. В. Стасова на дачѣ въ Куакколо...

Левъ Николаевичъ не принимаетъ особеннаго участія въ разговорахъ. И демонстрація фотографій, видимо, совсѣмъ его не интересуетъ. Но, чтобы не огорчать увлекающагося 80-лѣтняго юношу, Л. Н. иногда полуободрительно произносилъ какую-нибудь сочувственную реплику.

Весь этотъ день Л. Н. былъ поглощенъ какой-то сосредоточенной работой. И его полугрустное лицо съ бѣлой раздвоившейся бородою являло не то, чтобы

усталость, а нѣкоторое отчужденіе или, скорѣе, отдаленіе отъ происходившаго вокругъ него. Казалось, что онъ вотъ-вотъ скажетъ намъ:

— Вы занимайтесь своими дѣлами, а на меня не обращайте вниманія: меня здѣсь нѣтъ.

Зашла рѣчь о тогдашней «веснѣ», дѣлаемой въ Россіи кн. Святополкъ-Мирскимъ. Стасовъ и другіе гости очень увлекались тогдашнимъ весеннимъ періодомъ и возлагали на кн. Святополкъ-Мирскаго великія надежды.

Л. Н. покачалъ головой.

— Ну, что можетъ сдѣлать одинъ... какой-то Миропольскій или какъ тамъ его?.. Нѣтъ, нѣтъ, я не вѣрю, чтобы изъ этого вышло что-нибудь хорошее.

Рѣчь перешла на прежніе «весенніе періоды» въ Россіи: на 50-е и 60-е годы. Кто-то упомянулъ о Герценѣ.

На Стасова имя Герцена подѣйствовало, какъ стукъ дирижерской палочки на музыкантовъ. И онъ съ юношескимъ увлеченіемъ заговорилъ о Герценѣ, о его обаятельной личности и о своемъ знакомствѣ съ Герценомъ въ Лондонѣ. Но, лишенный художественной палитры, милѣйшій Владиміръ Васильевичъ не прибавилъ къ общеизвѣстному гражданскому портрету Герцена ни одного яркаго мазка. Наступила пауза.

— Ахъ, Герценъ! — заговорилъ Левъ Николаевичъ. — А я какъ разъ сегодня просматривалъ его. Какой это удивительный талантъ!

И Л. Н. началъ цитировать прочитанный имъ намедни юмористическій очеркъ Герцена о смотрѣ войскъ въ Австріи. Но затѣмъ, видимо, не полагаясь на память

и желая угостить присутствующихъ чѣмъ-то особенно вкуснымъ, Л. Н. попросилъ принести изъ его кабинета книгу Герцена.

— Вы послушайте, какъ все это удивительно у него!—говорилъ Л. Н., оживляясь и подсаживаясь къ столу.

Принесли небольшую потертую книгу...

* * *

Будучи въ ударѣ, Л. Н. иногда безподобно читалъ юмористическія произведенія.

И тутъ, читая искрящіеся юморомъ отрывки изъ Герцена, онъ какъ-то особенно вкусно пропускалъ сквозь бѣлые пушистые усы юмористическія потки. Особенно забавно было, когда онъ произносилъ фразы о «габсбургской губѣ» кронъ-принца, о «зачисленіи по химіи» послѣ смерти и т. п.

Получилось, дѣйствительно, особенное эстетическое угощеніе, прерываемое взрывами смѣха и присутствовавшихъ и самого Льва Николаевича.

Онъ бываетъ очень смѣшливъ. И его такъ же тянетъ посмѣяться, какъ нѣкоторыхъ къ рюмкѣ водки или къ хорошей сигарѣ.

Послѣ чтенія В. В. Стасовъ опять заговорилъ о Герценѣ, о его внѣшности, о жизни Герцена въ Лондонѣ и т. п. Но опять не было ни яркихъ красокъ, ни характерныхъ штриховъ.

Одинъ только эпизодъ въ жизни Герцена произ-

велъ значительное впечатлѣніе. Стасовъ разсказывалъ со словъ извѣстнаго фотографа и родственника Герцена—С. Л. Левицкаго, что однажды, въ 60-хъ годахъ, во время свиданія обоихъ семействъ, т.-е. Левицкихъ и Герценовъ, Герценъ, разговорившись о Россіи вдругъ, будто, всталъ, заперъ двери и сказалъ:

— Ну, теперь, господа, мы вотъ что сдѣлаемъ. Давайте пропоемъ «Боже царя храни».

Всѣ удивились, но будто исполнили желаніе Герцена. «Боже царя» было пропѣто нѣсколько разъ всѣми присутствующими.

— Конечно,—говорилъ В. Стасовъ,—ни слова Жуковскаго, ни музыка Львова не интересовали Герцена, но дорого и горячо было воспоминаніе о Россіи, о молодыхъ невозвратныхъ годахъ, о толпѣ народа, о давно невиданныхъ лицахъ друзей и знакомыхъ.

Левъ Николаевичъ слушалъ, не возражая и не поддакивая Стасову, а только повторялъ свое универсальное «Гмъ!».

Стасовъ началъ говорить о внѣшности Герцена.

— Владиміръ Васильевичъ, а вы знаете, что Левъ Николаевичъ лично зналъ Герцена и бывалъ у него въ Лондонѣ,—шепнулъ Стасову одинъ изъ присутствовавшихъ, когда вниманіе Льва Николаевича было на минуту отвлечено чѣмъ-то.

Стасовъ порывисто откинулся богатырской фигурой на спинку стула, всплеснулъ отъ радостнаго изумленія руками и загудѣлъ на весь домъ:

— Левъ Николаевичъ! Ради Господа, напишите ваши воспоминанія о Герценѣ! Вѣдь это такъ страшно

интересно! Такъ глубокозначительно!.. Ради Бога, не откладывайте!..

Л. Н. улыбнулся.

Ужъ столько я написалъ пустяковъ въ своей жизни, что пора и честь знать.

В. В. Стасовъ вскрикнулъ, какъ-будто ему надавливали на больной зубъ:

— Что вы говорите!

* * *

Описанный эпизодъ говоритъ самъ за себя: какъ мало мы интересуемся нашими «героями», если даже такой огромности фактъ, какъ отношеніе между Толстымъ и Герценомъ—этими орлами русской мысли—все еще находится во мракѣ неизвѣстности и могъ ускользнуть отъ вниманія такого знатока русскаго искусства, какимъ, несомнѣнно, былъ В. В. Стасовъ.

И чѣмъ были Герценъ и Толстой относительно другъ для друга: «братьями», «чужаками» или даже «противниками»? Въ сущности это до сихъ поръ не выяснено надлежащимъ образомъ.

По разбросаннымъ же въ различныхъ мѣстахъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, касающимся этихъ вопросовъ, можно съ одинаковыхъ успѣхомъ выводить и то, и другое, и третье.

Такъ, Г. П. Данилевскій разсказываетъ о слѣдующемъ эпизодѣ. Онъ познакомился съ Толстымъ въ Петербургѣ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ минувшаго

вѣка, въ семействѣ одного извѣстнаго скульптора-художника. Авторъ «Севастопольскихъ разсказовъ» только что пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ «молодымъ статнымъ артиллерійскимъ офицеромъ». Его очень схожій портретъ того времени помѣщенъ въ извѣстной фотографической группѣ Левицкаго, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ изображены: Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій и Дружининъ.

«Какъ теперь помню, — говоритъ Данилевскій, — вошелъ тогда графъ Л. Н. Толстой въ гостиную хозяйки дома во время чтенія вслухъ новаго произведенія Герцена. Тихо ставъ за кресломъ чтеца и дождавшись конца чтенія, онъ сначала мягко и сдержанно, а потомъ съ такой горячностью и смѣлостью напалъ на Герцена и на общее тогдашнее увлеченіе его сочиненіями, и говорилъ съ такой искренностью и доказательностью, что въ этомъ семействѣ впослѣдствіи я уже не встрѣчалъ изданій Герцена».

Многимъ покажется, что этотъ разсказъ сгущенъ въ своихъ краскахъ. Что жъ эти за люди, которые могли восхищаться писателемъ или терять интересъ къ нему въ зависимости отъ того, какъ высказался о писателѣ тотъ или иной статный артиллерійскій офицеръ?

И еще: какъ совмѣстить въ авторѣ «Севастопольскихъ разсказовъ», съ одной стороны, необыкновенно тонкое писательское чутье, а, съ другой, своего рода «анаѳему» такому безподобному писателю, какъ А. И. Герценъ?

Но нѣкоторые считаютъ приведенный Данилевскимъ разсказъ возможнымъ при одномъ, однако, усло-

вiи, что рѣчь шла не вообще о Герценѣ, а о нѣкоторыхъ его политическихъ статьяхъ, гремѣвшихъ тогда на всю Европу.

И тогда все становится понятнымъ, потому что тогдашнiй Толстой не могъ иначе отнестись къ революцiонеру Герцену, какъ отрицательно.

Понятiя же: «Герценъ» и «революцiонеръ» даже до сихъ поръ еще для многихъ однозначащи и только произносятся различно.

Съ особенной рѣзкостью вылилось у Толстого его отрицательное отношенiе къ революцiонной дѣятельности Герцена въ одномъ изъ писемъ за 1862 г. по поводу обыска, произведеннаго въ Ясной Полянѣ.

«Теперь я имѣю злобу и отвращенiе,—писалъ Толстой,—почти ненависть къ тому милому правительству, которое отыскиваетъ у меня литографскiе и типографскiе станки для перепечатыванiя прокламацiй Герцена, которыя я презираю и не имѣю терпѣнiя дочесть отъ скуки. Это фактъ—у меня разъ лежали недѣли всѣ эти прелести—прокламацiи и «Колоколъ». И я такъ и отдалъ, не прочтя. Мнѣ это скучно. Я все это знаю и презираю не для фразы, а отъ всей души».

И дальше, говоря о своемъ рѣшенiи уѣхать за границу, Толстой пишетъ: «Къ Герцену я не поѣду. Герценъ самъ по себѣ, а я самъ по себѣ».

Изъ всего здѣсь приведеннаго значительную дозу надобно, конечно, отнести къ особенно возбужденному состоянiю, въ которомъ находился тогда Л. Н. Онъ былъ потрясенъ и возмущенъ грубымъ отношенiемъ

къ нему тогдашнихъ спасателей отечества. (Явились, конечно, ночью, читали интимнѣйшія письма, довели до обморока тетку-старуху и проч. и проч.) Л. Н. впослѣдствіи говорилъ, что онъ благословляетъ судьбу, избавившую его отъ присутствія при обыскѣ и помѣшавшую ему сдѣлаться убійцей.

Но фактъ остается фактомъ. И письмо Л. Н—ча не отрицаетъ, а подкрѣпляетъ возможность того, что приписываетъ Толстому Данилевскій, но что совершенно расходится съ позднѣйшимъ (почти восторженнымъ) отношеніемъ Толстого къ Герцену, какъ къ писателю. Остается предположить, что Толстой только впослѣдствіи обстоятельно познакомился съ писательской личностью автора «Былое и думы». Иначе трудно понять толстовскую характеристику Герцена, какъ «разметавшагося ума съ больнымъ самолюбіемъ», сдѣланную Л. Н—чемъ въ своемъ дневникѣ въ 1860 г.

Трудно понять, потому что Толстого, видимо, тянуло къ Герцену даже и тогда, когда онъ «разносилъ» его. Относительно этого есть летучій намекъ въ одномъ изъ писемъ Тургенева къ Герцену.

«Некрасовъ (котораго ты не любишь), — пишетъ Тургеневъ,—былъ въ восхищеніи отъ послѣдняго отрывка твоихъ мемуаровъ. Толстой тоже будетъ въ Англіи; ты его полюбишь, я надѣюсь, и онъ тебя». (Курсивъ нашъ). Парижъ, 1857 г., II, 16.

Но почему-то въ 1857 г. поѣздка Толстого въ Лондонъ не состоялась, хотя онъ и разъѣзжалъ по всей Европѣ. Онъ посѣтилъ Герцена только въ 1861 г. и прожилъ въ Лондонѣ около 6-ти недѣль. Во время

своего пребыванія въ Англіи Толстой жадно отдавался лондонскимъ впечатлѣніямъ, много ходилъ, много ѣздилъ и часто бывалъ у Герцена. Однако ни Герценъ, ни Толстой, повидимому, не вынесли изъ своихъ свиданій ничего согрѣвающаго.

И ни у Герцена, ни у Толстого нѣтъ ни одной яркой страницы объ ихъ знакомствѣ. Между тѣмъ, Толстой описывалъ въ своихъ письмахъ изъ-за границы даже незначительныя (сравнительно) встрѣчи и знакомства.

По нѣкоторымъ отрывочнымъ намекамъ, слышаннымъ мною, я позволяю себѣ думать, что тутъ сыграли роль индивидуальныя свойства, лежащія въ натурахъ Герцена и Толстого: ихъ огневые темпераменты и независимые характеры, столкнувшіеся на почвѣ принципіальныхъ разногласій.

И Герценъ и Толстой не то, чтобы разочаровались другъ въ другѣ, но и не притянулись одинъ къ другому, какъ два предмета, насыщенные однороднымъ электричествомъ. И, не имѣя возможности писать другъ о другѣ въ повышенномъ тонѣ, предпочли ничего не писать другъ о другѣ.

Такъ и осталась незаполненной одна изъ самыхъ любопытныхъ страницъ русской исторіи. Только кое-гдѣ черпѣютъ на ней отдѣльныя фразы, написанныя къ тому же неопытными перстами.

Н. А. Огарева (Тучнова) разсказываетъ, что когда, по пріѣздѣ ея изъ Россіи въ Лондонъ, она начала говорить съ Герценомъ о новой литературной звѣздѣ въ Россіи, о писателѣ Толстомъ, написавшемъ

«Дѣтство», «Отрочество», «Юность» и проч., то оказалось, что Герценъ уже читалъ многое изъ толстовскихъ произведеній и восхищался ими. Особенно удивлялся Герценъ толстовской смѣлости говорить о тонкихъ и глубоко затаенныхъ чувствахъ, которыя никѣмъ еще не были высказаны съ такой прямотою.

«И вотъ,—разсказываетъ Н. А. Огарева, — Толстой у насъ (т.-е. въ Лондонѣ, у Герценовъ). Мы поспѣшили съ Наташей (жена Герцена) въ гостиную, чтобы взглянуть на замѣчательнаго соотечественника, котораго читала вся Россія. Когда мы вошли, графъ Толстой о чемъ-то горячо спорилъ съ Тургеневымъ. Огаревъ и Герценъ тоже принимали участіе въ этомъ разговорѣ. Въ то время (въ 1861 г.) Толстому было на видъ около тридцати лѣтъ. Онъ былъ средняго роста, черты его лица были некрасивы, маленькіе, сѣрые (?) глаза исполнены какой-то проницательности и задумчивости. Странно только, что вообще выраженіе его лица никогда не имѣло того дѣтскаго добродушія, которое видѣлось иногда въ улыбкѣ Ивана Сергѣевича (Тургенева), и было такъ привлекательно въ немъ.

«Когда мы вошли, начались обыкновенныя представленія. Конечно, Толстой и не воображалъ, съ какимъ трепетомъ мы пожали ему руку и не говорили даже съ нимъ, а только слушали его и разговоры съ другими...

«Онъ ѣздилъ къ намъ ежедневно. Спустя нѣсколько дней стало очевидно, что какъ писатель онъ гораздо симпатичнѣе, чѣмъ какъ мыслитель, потому что былъ иногда не логиченъ, сторонникъ фатализма, онъ часто

имѣлъ горячіе споры съ Тургеневымъ, въ которыхъ они говорили другъ другу весьма непріятныя вещи. Когда споры прекращались, и Толстой былъ въ хорошемъ настроеніи, онъ пѣлъ, аккомпанируя себѣ на фортепіано, солдатскія пѣсни, сочиненныя имъ во время войны. Слушая его, мы много смѣялись».

Другая свидѣтельница пребыванія Толстого у Герценовъ въ Лондонѣ — дочь Герцена, Наталія Александровна, разсказывала П. И. Бирюкову, что она смутно помнитъ свиданіе Толстого съ ея отцомъ. Она была тогда еще маленькой дѣвочкой, хотя уже читала первыя произведенія Толстого и восхищалась ими. Узнавъ отъ отца, что Толстой будетъ у нихъ, она выпросила разрѣшеніе присутствовать при свиданіи... И вотъ въ назначенный день и часъ она забралась къ отцу въ кабинетъ и помѣстилась въ креслѣ въ самомъ дальнемъ углу, стараясь быть незамѣченной. Вскорѣ лакей доложилъ о пріѣздѣ графа Толстого. Наташа съ замираніемъ сердца ждала его появленія. И каково же было ея разочарованіе, когда она увидала франтоватаго, по послѣдней англійской модѣ одѣтаго человѣка, со свѣтскими манерами, вошедшаго въ кабинетъ и начавшаго съ увлеченіемъ разсказывать о пѣтушиныхъ бояхъ и о состязаніяхъ боксеровъ, которыхъ онъ насмотрѣлся въ Лондонѣ! Вотъ и все, что осталось въ памяти у дочери Герцена отъ свиданія ея знаменитаго отца съ величайшимъ изъ русскихъ писателей!

Былъ франтовски одѣтъ и говорилъ о пѣтухахъ.

Но разсказы, какъ Н. А. Огаревой, такъ и дочери Герцена, нуждаются въ поясненіи.

Очевидно, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ рѣчь шла не о первомъ свиданіи Л. Н—ча съ Герценомъ, а объ одномъ изъ послѣдующихъ свиданій.

Первое свиданіе Толстого съ Герценомъ произошло не въ квартирѣ Герцена, а на лѣстницѣ дома, въ которомъ жилъ Герценъ. И ни Тургеневъ и никто изъ семьи Герцена при этомъ не присутствовалъ.

Объ этомъ разсказывалъ самъ Левъ Николаевичъ въ январѣ 1908 г., щеголяя такими подробностями о первомъ свиданіи съ Герценомъ, какъ-будто свиданіе происходило на-дняхъ.

Въ январѣ 1908 г., въ Ясную Поляну пришелъ съ чемоданчикомъ въ рукѣ одинъ изъ почитателей Льва Николаевича, нѣкто В. П. Онъ совершилъ чуть не кругосвѣтное путешествіе, пока добрался до Ясной Поляны. Сибирякъ, сынъ зажиточныхъ родителей, В. П. почувствовалъ влеченіе къ «новой жизни», оставилъ отца и мать и прилѣпился къ своей идеѣ. Былъ въ Японіи, былъ въ Америкѣ, въ Англіи и достигъ, наконецъ, обѣтованной земли.

Съ этимъ искателемъ новой жизни и бесѣдовалъ Левъ Николаевичъ за обѣдомъ, разспрашивая своего гостя о Сибири, объ Японіи, объ Америкѣ и подробностяхъ морского путешествія.

Разговоръ сосредоточивается на подробностяхъ лондонской жизни.

Л. Н., давеча полужаловавшійся, что онъ въ послѣднее время иногда забываетъ, что было вчера, вдругъ началъ съ мельчайшими подробностями разсказывать о лондонскихъ улицахъ въ 60-хъ годахъ минувшаго

вѣка, объ экипажахъ, о литературномъ вечерѣ, на которомъ читалъ Диккенсъ и проч. И нѣсколькими характерными штрихами набросалъ портретъ Диккенса, затѣмъ, очевидно, по ассоціаціи идей, началъ разсказывать о своемъ свиданіи съ Герценомъ.

Сначала Л. Н. хотѣлъ просто посѣтить Герцена, какъ пріѣзжій русскій. Но его не приняли. Тогда онъ послалъ свою карточку. Черезъ нѣкоторое время наверху послышались быстрые шаги, и по лѣстницѣ, какъ мячъ, слетѣлъ Герценъ. Онъ поразилъ Льва Николаевича своей внѣшностью небольшого, толстенькаго человѣка и внутреннимъ электричествомъ, исходившимъ изъ него.

— Живой, отзывчивый, умный, интересный, — пояснилъ Левъ Николаевичъ, по обыкновенію иллюстрируя оттѣнки своихъ мыслей движеніями рукъ, — Герценъ сразу заговорилъ со мною такъ, какъ будто мы давно знакомы, и сразу заинтересовалъ меня своей личностью, Я ни у кого уже потомъ не встрѣчалъ такого рѣдкаго соединенія глубины и блеска мыслей... Онъ сейчасъ же, это я хорошо помню, повелъ меня почему-то не къ себѣ, а въ какой-то сосѣдній ресторанъ сомнительнаго достоинства. Помню, меня это даже нѣсколько шокировало. Я былъ въ то время большимъ франтомъ, носилъ цилиндръ, пальмерстонъ и проч. А Герценъ былъ даже не въ шляпѣ, а въ какой-то плоской фуражкѣ. Къ намъ тутъ же подошли польскіе дѣятели, съ которыми Герценъ возился тогда. Онъ познакомилъ меня съ ними, но потомъ, вѣроятно, пожалѣлъ, потому что сказалъ мнѣ, когда мы остались вдвоемъ:

«—Сейчасъ видна русская безтактность. Развѣ можно было такъ говорить при полякахъ?»

— Но все это вышло у Герцена просто, дружественно и даже обаятельно. Я не встрѣчалъ болѣе такихъ обаятельныхъ людей, какъ онъ. Онъ неизмѣримо выше всѣхъ политическихъ дѣятелей того и этого времени. Главное же его преимущество заключалось въ томъ, что у него, кромѣ всего, было еще и высокое религіозное сознаніе... У него же я познакомился и съ Огаревымъ. Но Огаревъ уже не то. Это былъ милый, хорошій человѣкъ, но далеко *не то*. И у Тургенева *этого* не было, хотя Тургеневъ былъ тоже милый и обаятельный человѣкъ, — поспѣшно добавилъ Л. Н., какъ бы желая предупредить всякую мысль, будто онъ питаетъ къ Тургеневу неблагожелательное чувство.— Кстати, куда дѣвалась фотографія Герцена съ Огаревымъ, которую они мнѣ подарили? — спросилъ Левъ Николаевичъ, обращаясь къ домашнимъ.

Кто-то сказалъ, что фотографія взята графомъ Сергѣемъ Львовичемъ Толстымъ для отпечатанія и распространенія.

Л. Н. сдѣлалъ одобрительный знакъ и опять съ особеннымъ одушевленіемъ говорилъ о Герценѣ, о его замѣчательномъ языкѣ и о силѣ мысли.

— Какъ это удивительно глубоко у него сказано: «Когда бы люди захотѣли вмѣсто того, чтобы спасать міръ, спасать себя, вмѣсто того, чтобы освобождать человѣчество, себя освобождать,—какъ много бы они сдѣлали для спасенія міра и для освобожденія человѣчества»...

И, сдѣлавъ паузу, Левъ Николаевичъ произнесъ:

— Не будь русское правительство такъ остроумно и будь Герценъ общедоступенъ русскому обществу, — не было бы перваго марта.

Продолжая говорить о значеніи и заслугахъ Герцена, Л. Н. вспоминаетъ съ особеннымъ оттѣнкомъ въ голосѣ объ одномъ своемъ другѣ, молодомъ французѣ, Лебренѣ, живущемъ на Кавказѣ и написавшемъ монографію о Герценѣ.

Л. Н. съ нѣжнымъ сочувствіемъ отзывается объ этой работѣ и говоритъ:

— Очень бы хотѣлось написать предисловіе къ его статьѣ. Но не знаю, успѣю ли. Жить осталось такъ мало.

Наступило глубокое молчаніе.

* * *

Вспоминается еще одна бесѣда со Львомъ Николаевичемъ о Герценѣ.

Дѣло было въ 1893 г. Пишущему это пришлось быть вечеромъ въ концѣ марта у Толстыхъ въ ихъ домѣ, что въ Долго-Хамовническомъ переулкѣ. По обыкновенію, были гости. Помню, были: И. И. Горбуновъ-Посадовъ, художникъ Н. А. Касаткинъ, потомъ пришелъ студентъ Маклаковъ (теперешній членъ Государственной Думы) и др. Льва Николаевича не было. Но вотъ онъ появился, и всѣ сразу оживились, несмотря на его усталый видъ. Но усталость его была только кажущаяся.

У Льва Николаевича въ этотъ день было нѣчто въ родѣ праздника: онъ закончилъ, наконецъ, и отправилъ за границу свою любимѣйшую работу, надъ которой горѣлъ душою нѣсколько лѣтъ: «Царство Божіе внутри васъ». Это и сообщало его лицу особенный оттѣнокъ. Не помню ужъ, по какому-то поводу заговорили о Герценѣ. Л. Н. какъ бы засвѣтился изнутри и началъ одушевленно говорить о томъ, какъ огромно значеніе Герцена для Россіи.

— Вѣдь ежели бы выразить значеніе русскихъ писателей процентно, въ цифрахъ, — сказалъ Л. Н., показывая на пальцахъ, — то Пушкину надо бы отвести 30%, Гоголю—20%, Тургеневу—10%, Григоровичу и всѣмъ остальнымъ около 20%. Все же остальное принадлежитъ Герцену. Онъ изумительный писатель. Онъ глубокъ, блестящъ и проницателенъ. И будь онъ доступенъ русской молодежи, — не было бы 1-го марта.

Въ одномъ же изъ своихъ писемъ къ Н. Н. Ге Левъ Николаевичъ еще опредѣленнѣе развиваетъ эту мысль:

«Все послѣднее время мы читали и читали Герцена, — пишетъ Л. Н. — Что за удивительный писатель! Наша русская жизнь за послѣднія 20 лѣтъ была не та, еслибъ этотъ писатель не былъ скрытъ отъ молодого поколѣнія. Изъ организма русскаго общества былъ вынутъ насильственно очень важный органъ»...

Съ такимъ отношеніемъ къ Герцену и умеръ Левъ Николаевичъ.

С-31

438421

Толстой и Некрасовъ.

Къ числу лицъ, имѣвшихъ на Л. Н. Толстого литературное вліяніе, принадлежитъ несомнѣнно и Некрасовъ. Онъ былъ старше Толстого и умудреннѣе жизнью. И когда послѣдній переѣхалъ осенью 1856 г. въ Петербургъ блестящимъ офицеромъ, успѣвшимъ прочесть только нѣсколько главъ изъ книги жизни, Некрасовъ уже былъ сформировавшимся и закаленнымъ бойцомъ, душою и главою «Современника», стягивавшаго вокругъ себя всѣ лучшія литературныя силы тогдашняго времени.

Некрасовъ былъ, между прочимъ, и литературнымъ воспріемникомъ Толстого, угадавъ въ молодомъ невѣдомомъ поручикѣ выдающагося художника. Пріютивъ въ «Современникѣ» молодого автора, Некрасовъ устранилъ съ дороги Толстого многія и многія терніи.

Отношенія у нихъ завязались слѣдующимъ образомъ.

Получивъ, какъ издатель «Современника», въ 1852 г. съ Кавказа рукопись невѣдомаго автора съ подписью «Л. Н.», Некрасовъ немедленно написалъ автору рукописи:

«Я прочелъ вашу рукопись («Исторія моего дѣтства»). Она имѣетъ въ себѣ настолько интереса, что я ее напечатаю. Не зная продолженія, не могу сказать

рѣшительно, но мнѣ кажется, что въ авторѣ ея есть талантъ. Во всякомъ случаѣ, направленіе автора, простота и дѣйствительность содержанія составляютъ неотъемлемое достоинство этого произведенія. Если въ дальнѣйшихъ частяхъ (какъ и слѣдуетъ ожидать) будетъ побольше живописи и движенія, то это будетъ хорошій романъ.

«Прошу васъ прислать мнѣ продолженіе. И романъ вашъ, и талантъ меня заинтересовали. Еще я совѣтовалъ бы вамъ не прикрываться буквами, а начать печататься прямо со своей фамиліей, если только вы не случайный гость въ литературѣ. Жду вашего отвѣта».

На это письмо, однако, отвѣта не послѣдовало.

Но повѣсть неизвѣстнаго автора такъ заинтересовала Некрасова, что онъ, не взирая на всѣ хлопоты, связанныя съ изданіемъ и редактированіемъ «Современника», шлетъ черезъ мѣсяцъ (на Кавказъ) новое посланіе.

«Я писалъ вамъ о вашей повѣсти, но теперь считаю своимъ долгомъ еще сказать вамъ о ней нѣсколько словъ.

«Я далъ ее въ наборъ въ IX книжку «Современника» и, прочитавъ внимательно въ корректурѣ, а не въ слѣпо написанной рукописи, нашелъ, что эта повѣсть *) го-

---

*) Справедливость требуетъ, однако, сказать, что первый литературный трудъ Толстого былъ значительно „исправленъ“ редакторской и цензорской руками. Вѣроятно это обстоятельство и вызывало всегда со стороны Льва Николаевича отношеніе какъ бы отчужденности къ своему первому произведенію, о появленіи котораго въ „Современникѣ“ онъ писалъ своему брату Сергѣю Николаевичу:

раздо лучше, чѣмъ показалась мнѣ съ перваго раза. Могу сказать положительно, что у автора есть талантъ. Убѣжденіе въ этомъ для васъ, какъ для начинающаго, думаю, всего важнѣе въ настоящее время. Книжка «Современника» съ вашей повѣстью завтра выйдетъ въ Петербургѣ, а къ вамъ (я пошлю ее по вашему адресу), вѣроятно, попадетъ еще не ранѣе, какъ недѣли черезъ три. Изъ нея кое-что исключено (немного впрочемъ). Не прибавлено ничего. Скоро напишу вамъ подробнѣе, а теперь некогда. Жду вашего отвѣта и прошу васъ, если у васъ есть продолженіе, прислать мнѣ его».

Достойны вниманія, что Некрасовъ, не скупясь на похвалы автору, однако, ни слова не говоритъ о гонорарѣ, а молодой авторъ, получившій письмо, раскрывавшее передъ нимъ двери популярнѣйшей въ Россіи редакціи журнала, заноситъ въ свой дневникъ:

«Получилъ письмо отъ Некрасова. Похвалы, но не деньги».

Какъ ни странно звучатъ эти слова, но въ интересахъ истины ихъ надлежитъ объяснить, а не обойти молчаніемъ.

Дѣло въ томъ, что одной изъ главныхъ побудительныхъ причинъ поѣздки на Кавказъ Л. Н. Толстого въ

„Ты не повѣришь, какъ мнѣ непріятно было читать свою повѣсть въ печати: столько въ ней выкинуто и перемѣнено цензурой и редакціей. Смѣло могу сказать, что всѣ пошлости и нелѣпости, которыя ты вѣрно замѣтилъ въ ней, произошли не отъ меня. Чтобы показать тебѣ, какія пошлыя перемѣны сдѣланы въ ней и какъ онѣ раздосадовали меня, посылаю тебѣ письмо, которое я написалъ въ первую минуту редактору, но не послалъ“... (15-го декабря 1852 г.).

1851 г. была его неудачная страсть къ игрѣ. Онъ проигрался до такой степени, что для уплаты карточнаго долга долженъ былъ продать яснополянскій домъ, въ которомъ родился.

И огромный барскій домъ съ балконами и колоннами былъ купленъ помѣщикомъ Гороховымъ за пять тысячъ рублей ассигнаціями и перевезенъ въ село Долгое, Крапивенскаго уѣзда. На Кавказѣ Л. Н. Толстому тоже случалось поддаваться приливамъ игорной страсти, и въ большинствѣ случаевъ неудачно. Такимъ образомъ, мечты о гонорарѣ обусловливались у молодого автора критическими обстоятельствами жизни, а въ періодъ переписки съ Некрасовымъ, вѣроятно, еще и какимъ-нибудь особенно острымъ и нетерпящимъ платежомъ.

Это подтверждаетъ и дальнѣйшая, необыкновенно интересная по своеобразнымъ подробностямъ, переписка между Некрасовымъ и авторомъ «Исторіи моего дѣтства». Не ограничившись обмѣномъ любезностей, Толстой пишетъ Некрасову ужъ прямо о гонорарѣ. Въ тѣ времена, однако, подобныя операціи совершались не такъ-то легко. И на письмо Толстого о гонорарѣ Некрасовъ отвѣчаетъ поистинѣ историческимъ посланіемъ:

„30-го октября, 1852 года. Спб.“

«Прошу извинить меня, что я замедлилъ отвѣтомъ на послѣднее ваше письмо,—я былъ очень занятъ. Что касается вопроса о деньгахъ, то я умолчалъ объ этомъ въ прежнихъ моихъ письмахъ по слѣдующей причинѣ: въ лучшихъ нашихъ журналахъ издавна существуетъ

обычай не платить за первую повѣсть начинающему автору, котораго журналъ рекомендовалъ публикѣ. Этому обычаю подверглись всѣ, доселѣ начинавшіе въ «Современникѣ» свое литературное поприще, какъ-то: Гончаровъ, Дружининъ, Авдѣевъ и др. Этому же обычаю подверглись въ свое время какъ мои, такъ и Панаева первыя произведенія. Я предлагаю вамъ то же, съ условіемъ, что за дальнѣйшія ваши произведенія прямо назначу вамъ лучшую плату, какую получаютъ наши извѣстнѣйшіе (весьма немногіе) беллетристы, т.-е. 50 рублей серебромъ съ печатнаго листа. Я промѣшкалъ писать вамъ еще и потому, что не могъ сдѣлать вамъ этого предложенія ранѣе, не провѣривъ моего впечатлѣнія судомъ публики: этотъ судъ оказался какъ нельзя болѣе въ вашу пользу, и я очень радъ, что не ошибся въ мнѣніи своемъ о вашемъ первомъ произведеніи, и съ удовольствіемъ предлагаю вамъ теперь вышенаписанныя условія.

«Напишите мнѣ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, могу вамъ ручаться, что въ этомъ отношеніи мы сойдемся. Такъ какъ ваша повѣсть имѣла успѣхъ, то намъ очень было бы пріятно получить поскорѣе второе ваше произведеніе. Сдѣлайте одолженіе, вышлите намъ, что у васъ готово. Я хотѣлъ выслать вамъ 9-й номеръ «Современника», но, къ сожалѣнію, забылъ распорядиться, чтобы отпечатали лишній, а у насъ весь журналъ за этотъ годъ въ расходѣ. Впрочемъ, если вамъ нужно, я могу выслать вамъ одинъ или два оттиска одной вашей повѣсти, набравъ изъ дефектовъ».

Въ заключеніе Некрасовъ категорически настаива-

ѣтъ, чтобы «милостивый государь» открылъ, наконецъ, маску и показалъ свое лицо. «Мы обязаны, — пишетъ онъ, — знать имя каждаго автора, котораго сочиненія печатаемъ, и потому дайте мнѣ положительныя извѣстія на этотъ счетъ. Если вы хотите, то никто, кромѣ насъ, этого знать не будетъ».

Проходитъ нѣсколько лѣтъ.

Толстой уѣзжаетъ съ Кавказа въ Задунайскую армію, затѣмъ въ Севастополь, продолжая поддерживать дѣловыя отношенія съ Некрасовымъ, какъ съ издателемъ «Современника».

За три года молодой авторъ создаетъ «Казаковъ», «Утро помѣщика», «Набѣгъ», «Отрочество», «Записки маркера», «Рубку лѣса» и др.

Вообще, можно сказать съ увѣренностью, что между 1852-мъ и 1855-мъ годами душою поручика артиллеріи владѣла не военная служба, а иные интересы. Въ одномъ изъ писемъ къ Некрасову Толстой вполнѣ опредѣленно подтверждаетъ это.

„Севастополь, 1855 г., апрѣль“.

«Милостивый Государь, Николай Алексѣевичъ.

Вы уже должны получить статью мою: «Севастополь въ декабрѣ» и обѣщаніе статьи Столыпина *). Вотъ она. Несмотря на дикую орфографію этой рукописи, которую вы уже сами распорядитесь исправить, ежели она будетъ напечатана безъ цензурныхъ вырѣзокъ, чего старается всѣми силами избѣжать авторъ, вы со-

*) Отецъ премьеръ-министра П. А. Столыпина — полковой товарищъ и другъ Л. Н. Толстого.

гласитесь, я надѣюсь, что статей такихъ военныхъ или очень мало, или вовсе не печатается у насъ, къ несчастью. Можетъ быть, съ этимъ же курьеромъ пошлется статья Сакена, о которой ничего не говорю и которую, надѣюсь, вы не напечатаете. Поправки сдѣланы черными чернилами Хрулевымъ лѣвой рукой, потому что правая ранена. Столыпинъ проситъ помѣстить ихъ въ выноскахъ, ежели можно помѣстить, какъ мою, такъ и столыпинскую въ іюньской книжкѣ. Теперь мы всѣ собрались, и литературное общество падшаго журнала начинаетъ организоваться, и, какъ я вамъ писалъ, ежемѣсячно вы будете получать отъ меня двѣ, три или четыре статьи современнаго военнаго содержанія. Лучше два сотрудника, Бакунинъ и Ростовцевъ, еще не успѣли кончить своихъ статей. Будьте такъ добры, отвѣчайте мнѣ, и пишите вообще съ этимъ курьеромъ, адъютантомъ Горчакова, и съ будущими, которые безпрестанно снуютъ отъ васъ и сюда.

«Затѣмъ съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь быть покорный слуга

Гр. Л. Толстой.

Черезъ нѣкоторое время, т.-е. въ іюнѣ 1855 г., Толстой пишетъ изъ Бельбека (около Севастополя) второму соиздателю и соредактору «Современника», И. И. Панаеву:

«Милостивый Государь, Иванъ Ивановичъ.

«Повѣрите ли, что я долженъ переломить стыдъ, который испытываю, чтобы взяться за перо и писать вамъ. Мнѣ стыдно, что я живъ и здоровъ, что

только одно, ежели бы было наоборотъ, могло бы служить извиненіемъ молчанія на 3 письма вашихъ и на письма, столь любезныя, волнующія меня иногда, въ минуты самолюбиваго заблужденія, заставляющія вѣрить въ талантъ и значеніе мое въ литературѣ, которые, признаюсь, мнѣ бы очень хотѣлось имѣть. На вопросы ваши въ предыдущемъ письмѣ отвѣчаю по пунктамъ: 1) Деньги за «Отрочество» я получилъ, 2) пріисылать мнѣ деньги и книги по старому адресу въ Главный Штабъ, 3) и за каждую статью отдѣльно.— На мое несчастье, я обѣщалъ вамъ слишкомъ много; сотрудники мои лѣнились, когда я былъ въ Севастополѣ; теперь же съ мѣсяцъ, какъ я уѣхалъ; ничего не знаю о ихъ статьяхъ. Самъ я былъ боленъ, но, несмотря на то, надѣюсь, что дня черезъ 3 пошлю вамъ «Разсказъ юнкера» — довольно большую статью, но не севастопольскую, а кавказскую, которая поспѣетъ къ VII книжкѣ. Вѣрьте, что мысль о военныхъ статьяхъ занимаетъ меня теперь столько же, сколько и прежде, и я на-дняхъ поѣду въ Севастополь съ тѣмъ, чтобы подгонять Ростовцева и Бакунина и взять у нихъ статьи, ежели онѣ готовы; но дѣйствительность слишкомъ богата событіями, чтобы у кого-нибудь оставалось время для мысли. За себя я все-таки вамъ отвѣчаю—по статьѣ каждый мѣсяцъ, за другихъ не навѣрное. Адресъ мой все тотъ же и все-таки черезъ курьеровъ, ежели вы устроили это. Ежели Тургеневъ въ Петербургѣ, то спросите у него позволенія на статьѣ «Разсказъ юнкера» надписать посвящается И. Тургеневу. Эта мысль пришла мнѣ потому, что, когда я

перечелъ статью, я нашелъ въ ней много невольнаго подражанія его разсказамъ.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашъ покорный слуга

Гр. Л. Толстой.

„Бельбекъ, 14-го іюня 1855 г.“

Пріѣхавъ въ Петербургъ курьеромъ и своего рода героемъ послѣ битвы при Черной рѣчкѣ, Толстой сразу вступаетъ, какъ равный между равными, въ семью «Современника» и дѣлается однимъ изъ желанныхъ гостей на обѣдахъ и вечеринкахъ «Современника».

Ему прощались даже такія еретическія выходки, какъ отрицательное отношеніе къ Жоржъ-Зандъ, что едва ли прошло бы безнаказанно кому-нибудь другому въ приходѣ «Современника».

Особенно отличился Толстой на первомъ обѣдѣ у Панаевыхъ. Д. В. Григоровичъ, знавшій Толстого еще по Москвѣ и взявшій на себя задачу руководить молодымъ графомъ въ литературныхъ сферахъ, поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ на обѣдъ къ Панаевымъ и всю дорогу посвящалъ его въ редакціонныя и другія тайны «Современника». Особенно настойчиво проповѣдовалъ Григоровичъ о неумѣстности критики жоржъ-зандовскихъ идей въ присутствіи г-жи Панаевой, представлявшей хозяйку на собраніяхъ «Современника».

Толстой, видимо, былъ подавленъ аргументами Григоровича и за обѣдомъ держалъ себя «выше всякихъ похвалъ». Но въ концѣ обѣда, услыхавъ восторженный отзывъ объ одномъ изъ послѣднихъ романовъ Жоржъ-

Зандъ; Л. Н. не выдержалъ и громко заявилъ себя ея непримиримымъ противникомъ.

— А героиня ея романовъ,—возгласилъ онъ горячо, т.-е. дѣлая какъ разъ противное тому, о чемъ Григоровичъ читалъ лекцію по дорогѣ,—если бы онѣ существовали въ дѣйствительности, слѣдовало бы, ради назиданія, привязать къ похоронной колесницѣ и возить по петербургскимъ улицамъ!

Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвели на присутствовавшихъ слова Толстого! И тѣмъ не менѣе, ему это сошло съ рукъ.

Но на одной изъ вечеринокъ у Некрасова съ авторомъ «Севастопольскихъ разсказовъ» произошелъ пренепріятный эпизодъ, разсказанный недавно самимъ Львомъ Николаевичемъ.

Пишущаго эти строки не разъ озадачивало одно мѣсто въ «Исповѣди» Толстого:

«Безъ ужаса, — говоритъ онъ, — безъ омерзенія и боли сердечной не могу вспоминать объ этихъ годахъ (1855 и 1856 гг., въ Петербургѣ). Я убивалъ людей на войнѣ, вызывалъ на дуэли, чтобы убить, и т. д.».

О какой дуэли тутъ могла быть рѣчь? Не о дуэли же съ Тургеневымъ, которая относилась къ болѣе позднему періоду — къ 1862 г.

И вотъ, будучи какъ-то въ Ясной Полянѣ, я вспомнилъ о моихъ недоумѣніяхъ и спросилъ Льва Николаевича, вызывалъ ли онъ кого-нибудь на дуэль въ 50-хъ годахъ.

Дѣло было за обѣдомъ. Левъ Николаевичъ проговорилъ что-то неопредѣленное, видимо, чтобы толь-

ко замять этотъ вопросъ. Но, проходя черезъ нѣкоторое время мимо меня, онъ наклонился и шепнулъ:

— Я вамъ разскажу о дуэли. Приходите потомъ ко мнѣ.

И черезъ нѣсколько минутъ Левъ Николаевичъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

Зимою 1855—1856 гг. онъ былъ на вечеринкѣ у Некрасова. (Весь разсказъ Л. Н. велъ въ полу-элегическомъ, полу-юмористическомъ тонѣ «Дѣтства и отрочества».) Послѣ обѣда сѣли за карты. Некрасову принесли письмо отъ М. Лонгинова, бывшаго позднѣе начальникомъ цензуры, но въ пятидесятыхъ годахъ иногда кокетничавшаго съ «Современникомъ» и любившаго, чтобы его считали за большого либерала. И вотъ, неизвѣстно почему, М. Лонгинову вздумалось написать Некрасову въ некорректной для Толстого формѣ относительно недостаточнаго свободомыслія послѣдняго, а Некрасовъ, неизвѣстно почему, счелъ нужнымъ прочитать Толстому выдержку изъ письма Лонгинова. Вѣроятнѣе всего, что Некрасовъ посмотрѣлъ на выходку Лонгинова, какъ на комическій эпизодъ. Но Толстой посмотрѣлъ на это иначе. Онъ ничего не сказалъ Некрасову. Но, придя домой, послалъ Лонгинову рѣзкое письмо съ вызовомъ на дуэль.

На другой день вмѣсто секундантовъ къ Толстому пріѣхалъ Некрасовъ. Онъ былъ взволнованъ и удрученъ.

— Если вы не возьмете вашего вызова Лонгинову назадъ, — сказалъ Некрасовъ, — то вы и со мной долж-

ны будете стрѣляться. Я — виновникъ всей заварившейся каши и долженъ нести за нее отвѣтственность.

Но Толстой вызова своего назадъ не взялъ. Напротивъ, будучи въ тотъ же день на какомъ-то собраніи, гдѣ присутствовалъ и Лонгиновъ, Л. Н. нѣсколько разъ проходилъ мимо него à la Лермонтовъ,— съ вызывающимъ, мрачнымъ видомъ. Лонгиновъ, однако, ничего не отвѣтилъ. И все свелось въ концѣ-концовъ на-нѣтъ, нисколько не омрачивъ отношеній между Толстымъ и Некрасовымъ.

Левъ Николаевичъ никогда не принадлежалъ къ особеннымъ поклонникамъ Некрасова. Но всегда относился къ нему дружелюбно, признавая за нимъ «огромное драгоцѣнное качество — сочувствіе къ народу».

* * *

Какъ-то вечеромъ, зимою 1896 года, Левъ Николаевичъ возвращался изъ Хлудовскихъ бань въ Москвѣ съ однимъ изъ своихъ пріятелей. Былъ тихій морозный вечеръ, дѣйствовавшій на Льва Николаевича, какъ хорошая музыка. Л. Н. размечтался и началъ разсказывать о своей молодости, о первыхъ дебютахъ въ литературѣ, о кружкѣ «Современника»: Панаевѣ, Добролюбовѣ, Некрасовѣ и др.

Собесѣдникъ Л—а Н—а спросилъ:

— А вамъ былъ ясенъ Некрасовъ, какъ человѣкъ, какъ типъ?

— О, вполнѣ.

— Вы могли бы быть его другомъ?

— Другомъ? Другомъ, пожалуй, нѣтъ. Но мнѣ онъ нравился больше, нежели другіе. Въ немъ не было никогда ненавистнаго мнѣ лицемѣрія, игры въ благородство. Этого въ немъ никогда не было. Напротивъ, въ немъ зачастую прорывались скорѣе грубоватость и нѣкоторый цинизмъ, нежели притворство. Однажды мы разговорились съ нимъ о нѣкоторыхъ его слабостяхъ. Некрасовъ откровенно призналъ ихъ. Я и говорю ему:

— А какъ помрете! Не боитесь, что *тамъ* будетъ?

«— А ничего тамъ не будетъ, — отвѣтилъ Некрасовъ. — Прежде я колебался на этотъ счетъ. А какъ однажды на охотѣ близкая мнѣ женщина застрѣлила мою собаку, которая была мнѣ дороже всего,—и когда собака начала околѣвать и на моихъ глазахъ околѣла, тогда я рѣшилъ: и наша такова же участь... И ничего другого съ нами не будетъ»...

Левъ Николаевичъ задумался и перевелъ разговоръ на другую тему.

Толстой и Достоевскій.

Достоевскій началъ жить и писать на 7 лѣтъ раньше Толстого. Но время размыло эту разницу. И полосы полнаго расцвѣта художественной дѣятельности какъ Достоевскаго, такъ и Толстого прошли черезъ 60-е годы.

Достоевскій въ 1865 г. создалъ свое изумительное по внутреннему анализу произведеніе «Преступленіе и наказаніе». Толстой приблизительно въ тотъ же періодъ создаетъ русскую Иліаду — «Войну и миръ».

Такимъ образомъ оба наиболѣе яркихъ русскихъ писателя могли сливаться въ дружескомъ единеніи, какъ равные боги. Тѣмъ болѣе, что ихъ и влекло другъ къ другу. Достоевскій, будучи еще въ Сибири, на каторгѣ, очень интересовался авторомъ «Дѣтства» и писалъ въ Петербургъ, чтобы его извѣстили, кто скрывается подъ таинственными инициалами «Л. Н.». Когда же появился въ печати романъ Толстого — «Война и миръ», то Достоевскій буквально зачитывался этимъ произведеніемъ и до такой степени находился подъ его вліяніемъ, что одно время серьезно носился съ мыслью, написать, въ pendant къ толстовскому роману, свой историческій романъ, который охватывалъ бы эпоху отъ Чаадаева до 60-хъ годовъ XIX вѣка.

У Достоевскаго было даже придумано и названіе для романа: «Житіе великаго грѣшника». Но впослѣдствіи онъ оставилъ эту мысль, ограничившись только концомъ «Великаго грѣшника», вылившагося въ «Братьяхъ Карамазовыхъ».

Но еще ярче выразилъ Достоевскій свое отношеніе къ Толстому въ 1877 г. въ разгаръ русско-турецкой войны, когда автору «Дневника писателя» казалось, что Россія, «какъ носительница христіанскихъ завѣтовъ» наканунѣ исполненія великой вселенской роли.

Однажды у него спросили:

— Какія данныя у васъ на такое утвержденіе?

Достоевскій, не задумавшись, сослался на «Анну Каренину».

— Западъ спроситъ насъ, — сказалъ онъ: — что великое вынесли вы изъ тайниковъ вашего духа? Мы укажемъ на Толстого и его послѣднее произведеніе. И этого будетъ достаточно.

Въ свою очередь и Левъ Николаевичъ очень высоко ставилъ Достоевскаго, называя его «художественнымъ произведеніемъ природы». Особенно высоко цѣнилъ Толстой «Преступленіе и наказаніе», преимущественно первую часть романа, считая ее перломъ искусства въ міровой литературѣ.

Послѣ «Преступленія и наказанія» Толстой отводилъ слѣдующее мѣсто «Запискамъ изъ мертваго дома». Въ этомъ произведеніи Л. Н. усматривалъ «столько содержанія, что его хватило бы на нѣсколько писателей».

Достойно вниманія, что Толстой считалъ иногда недостаткомъ произведеній Достоевскаго именно то са-

мое, отсутствіе чего отбивало у него вкусъ къ представителямъ новой литературы: содержательность. У Достоевскаго, по мнѣнію Толстого, слишкомъ много содержанія, слишкомъ много всегда у него, что онъ хочетъ сказать читателю. Это обиліе матеріала зачастую и мѣшаетъ сосредоточиваться на фокусѣ объектива.

Составляя «Кругъ Чтенія» и перечитывая въ 1909 г. Достоевскаго, Толстой не переставалъ восхищаться художественной силой и прозорливостью автора «Братьевъ Карамазовыхъ», а также и его личностью. Особенно умиляло всегда Толстого, что Достоевскій совершилъ путь на каторгу съ Библіей въ рукахъ и умеръ со словами Евангелія на устахъ.

И все-таки Достоевскій и Толстой не только не были дружны, но даже не были и знакомы.

— Случая не было познакомиться,—объяснялъ Л. Н.

И дѣйствительно, въ теченіе десятковъ лѣтъ все, какъ нарочно, складывалось такъ, что Достоевскій и Толстой не могли познакомиться.

Въ періодъ толстовскихъ пріѣздовъ въ Петербургъ, то-есть въ 1855—6 гг., Достоевскій былъ въ Сибири и въ Петербургъ пріѣхалъ только въ 1860 году, когда Толстой, стряхнувъ петербургскій прахъ съ ногъ своихъ, и думать не хотѣлъ ни о Петербургѣ, ни о петербургскихъ литературныхъ кружкахъ. Затѣмъ для Достоевскаго началась длинная полоса неотразимыхъ заботъ о самомъ необходимомъ: онъ едва успѣвалъ написать романъ, деньги за который были давнымъ-давно прожиты, какъ обстоятельства прину-

ждали продавать «на корню» другой литературный посѣвъ.

Такъ продолжалось до 70-хъ годовъ, когда Достоевскій нѣсколько оперился въ матеріальномъ отношеніи и могъ существовать безъ тревоги о завтрашнемъ днѣ. Но его всегда тянуло къ общенію съ Толстымъ. И однимъ изъ завѣтныхъ мечтаній Достоевскаго была поѣздка въ Ясную Поляну.

И въ 1879 г. былъ случай, когда два величайшихъ русскихъ писателя могли, наконецъ, познакомиться. Они были одновременно въ Петербургѣ, на лекціи Вл. С. Соловьева. Но опять случай помѣшалъ знакомству.

Толстой, избѣгавшій въ Петербургѣ новыхъ знакомыхъ, просилъ Н. Н. Страхова, съ которымъ былъ на лекціи, чтобы тотъ не знакомилъ его ни съ кѣмъ. Разумѣется этотъ запретъ не могъ относиться къ Достоевскому. Но Страховъ настолько поусердствовалъ въ этомъ отношеніи, что когда увидѣлъ Достоевскаго съ женою, то, опасаясь, что послѣдніе, узнавъ о присутствіи Толстого на лекціи, попросятъ Страхова познакомить ихъ съ авторомъ «Войны и мира», сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ Достоевскихъ, и вихремъ проносился мимо нихъ.

Узнавъ впослѣдствіи, что Толстой былъ на лекціи Соловьева, Достоевскій былъ очень огорченъ и говорилъ объ этомъ, какъ о горестной неудачѣ въ его жизни.

Наступилъ 1880-й годъ съ памятными «пушкинскими» днями. Собираясь въ Москву, Достоевскій еще въ

Петербургѣ рѣшилъ, что на этотъ разъ онъ уже не пропуститъ случая познакомиться съ Толстымъ и, если не встрѣтится съ нимъ въ Москвѣ, то поѣдетъ въ Ясную Поляну.

— А то и умрешь, не повидавъ Толстого, — говорилъ онъ передъ поѣздкой въ Москву.

Но тутъ опять случай разстроилъ планы Достоевскаго.

Тургеневъ, ѣздившій въ Ясную Поляну, чтобы лично пригласить Льва Николаевича на пушкинскій праздникъ, вернулся изъ Ясной Поляны въ нервно критическомъ настроеніи и изобразилъ яснополянскую конъюнктуру въ такихъ не радужныхъ краскахъ, что Достоевскій смутился духомъ и отложилъ поѣздку до другого раза. Но другого раза не случилось. Черезъ полгода съ небольшимъ послѣ пушкинскихъ дней Достоевскій умеръ.

Смерть Достоевскаго глубоко потрясла Толстого.

«Я никогда не видалъ этого человѣка, — писалъ онъ Н. Страхову подъ ошеломляющимъ впечатлѣніемъ смерти Достоевскаго, — и никогда не имѣлъ прямыхъ отношеній съ нимъ, и вдругъ, когда онъ умеръ, я понялъ, что онъ былъ самый близкій, дорогой, нужный мнѣ человѣкъ. Опора какая-то отскочила отъ меня. Я растерялся».

Узнавъ отъ одного изъ своихъ друзей о несостоявшейся въ 1880 г. поѣздкѣ Достоевскаго въ Ясную Поляну, Л. Н. выразилъ глубокое сожалѣніе.

И какъ было не сожалѣть?

Толстой и Тургеневъ.

I.

Тургеневъ и Толстой — два безцѣнныхъ, два милыхъ имени для русскаго сознанія. Никто изъ русскихъ писателей не волновалъ такъ и не трогалъ молодыя сердца, какъ Тургеневъ и Толстой. И благодарная память невольно связываетъ ихъ вмѣстѣ, въ дружескомъ единеніи, какъ нѣмцы сплетаютъ имена Гёте и Шиллера.

Увы, въ дѣйствительности было не такъ.

Познакомились Тургеневъ и Толстой осенью 1855 г. Л. Н. Толстой, послѣ взятія Малахова Кургана, пріѣхалъ изъ Севастополя курьеромъ въ Петербургъ и въ первый же день своего пріѣзда, по внутреннему влеченію, посѣтилъ Тургенева. Авторъ «Записокъ Охотника» уже и тогда пользовался широкой извѣстностью, какъ писатель и какъ одинъ изъ самыхъ передовыхъ и просвѣщенныхъ людей въ Россіи.

Тургеневымъ были уже написаны тогда очерки изъ охотничьей жизни и пьесы: «Нахлѣбникъ», «Мѣсяцъ въ деревнѣ», «Завтракъ у предводителя» и др. Л. Толстой только входилъ въ славу и въ литературномъ мірѣ еще не былъ лично никому извѣстенъ.

Существуетъ мнѣніе — и самъ Л. Н. Толстой отча-

сти поддерживалъ его, — что онъ никогда не находился подъ литературнымъ вліяніемъ Тургенева. Это не вѣрно и опровергается собственноручнымъ письмомъ Л. Н. Толстого къ И. И. Панаеву за 1855 г.

Посылая для «Современника» «Рубку лѣса» и еще не будучи знакомъ съ Тургеневымъ, Л. Н. Толстой писалъ Панаеву:

«Ежели Тургеневъ въ Петербургѣ, то спросите у него разрѣшенія на статью «Разсказъ юнкера» надписать: посвящается И. Тургеневу. Эта мысль пришла мнѣ потому, что когда я перечелъ статью, я нашелъ въ ней много невольнаго подражанія его разсказамъ».

Такимъ образомъ первое посѣщеніе въ Петербургѣ Л. Толстымъ Тургенева было какъ бы сознательной данью должника.

Невзирая на разницу лѣтъ (Тургеневу было подъ 40, а Л. Толстому 26 лѣтъ), писатели сразу такъ сблизились, что Толстой въ тотъ же день переѣхалъ на квартиру Тургенева. Столь скороспѣлая дружба должна имѣть свои корни. Дѣло въ томъ, что Тургеневъ и Толстой еще до встрѣчи въ Петербургѣ знали многое другъ о другѣ и очень интересовались одинъ другимъ.

II.

Невдалекѣ отъ села Спасскаго, гдѣ Тургеневъ проводилъ почти всякое лѣто, проживала сестра Льва Николаевича графиня Марья Николаевна съ своимъ мужемъ В. Н. Толстымъ. Тургеневъ былъ хорошо знакомъ съ ними и бывалъ у нихъ въ с. Покровскомъ довольно часто. Его притягивали туда и мужъ, и жена. Съ В. Н. Толстымъ Тургенева связывали страсть къ охотѣ и общіе помѣщичьи интересы, съ графиней Марьей Николаевной—долгая и чистая дружба на почвѣ идеалистическихъ интересовъ.

Марья Николаевна до сихъ поръ говоритъ о Тургеневѣ мягкимъ, дружественнымъ тономъ, смягчающимъ ея сурово серьезныя черты. М. Н. Толстая много лѣтъ живетъ монахиней близъ Оптиной Пустыни. Въ чертахъ ея лица и, особенно въ глазахъ съ нависшими бровями есть много общаго со Львомъ Николаевичемъ. Есть общее и въ манерѣ говорить, не поддѣлываясь подъ слушателя, а всегда выражая свои мысли самостоятельно.

Безъ привычки страшно видѣть и слушать эту строгую и суровую на видъ женщину въ черномъ шлыкѣ, всю ушедшую въ интересы женской обители. Но тогда, въ шестидесятые годы, — это была молодая привлекательная женщина съ необыкновенно своеобразнымъ духовнымъ міромъ... Она никогда не старалась

казаться чѣмъ-нибудь, а всегда была тѣмъ, чѣмъ она была, независимо выражая все, что думала. Такъ, между прочимъ, будучи одной изъ лучшихъ музыкантшъ своего времени и питая, вѣроятно, фамильную склонность къ искусству, графиня Марья Николаевна не любила стиховъ. Поэтически трогательный образъ Вѣры Ельцовой въ тургеневскомъ «Фаустѣ» сотканъ авторомъ изъ характерныхъ чертъ графини Марьи Николаевны.

«Она, — пишетъ Тургеневъ, — съ перваго раза поражала удивительнымъ спокойствіемъ всѣхъ ея движеній и рѣчи. Казалось, она ни о чемъ не хлопотала, не тревожилась, отвѣчала просто и умно, слушала внимательно. Выраженіе ея лица было искреннее и правдивое, какъ ребенка, но нѣсколько холодно и однообразно. Веселою она бывала рѣдко и не такъ, какъ другіе: ясность невинной души свѣтилась во всемъ ея существѣ. Она была небольшого роста, очень хорошо сложена, немного тонка... Сѣрые съ чернотой глаза глядѣли какъ-то слишкомъ прямо изъ-подъ пушистыхъ, кверху загнутыхъ рѣсницъ... Въ восторгъ она ни отъ чего не приходила: все шумное ей было чуждо. Съ самаго ранняго дѣтства она не знала, что такое ложь: она привыкла къ правдѣ, она думала ею. На вѣру она ничего не принимала; авторитетомъ ее нельзя было запугать; она не спорила, но и не поддавалась».

Такова въ общихъ чертахъ была хозяйка с. Покровскаго, гр. Марья Николаевна Толстая.

Понятно, почему Тургеневъ смотрѣлъ на с. Покровское какъ на художественный оазисъ въ Орловской

губерніи, и, не считаясь визитами, пріѣзжалъ къ Толстымъ, какъ въ родную семью, гдѣ и его встрѣчали всегда какъ родного. Здѣсь изъ разсказовъ Маріи Николаевны Тургеневъ многое узналъ о ея братьяхъ: Николаѣ, Сергѣѣ, Дмитріѣ и Львѣ Николаевичахъ, и очень интересовался ими.

Но особенно часто, т.-е. почти ежедневно, бывалъ Тургеневъ въ с. Покровскомъ въ періодъ своего пресловутаго «изгнанія». Извѣстно, что Тургеневъ напечаталъ послѣ смерти Гоголя свою статью въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», начинающуюся: «Гоголь умеръ. Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова»... и т. д.

Въ статьѣ этой даже и въ микроскопъ нельзя было бы разсмотрѣть ничего, кромѣ жгучей скорби человѣка, понимавшаго огромное для Россіи значеніе Гоголя. И это была невольная дань, какъ и выражается Тургеневъ: «скорби и любви на свѣжую могилу Гоголя».

Поистинѣ заслуживаетъ мѣста въ исторіи исторія этой невинной статьи. Сначала Тургеневъ отдалъ статью для напечатанія въ «Петербургскія Вѣдомости». Но тамъ ее не помѣстили. При встрѣчѣ съ издателемъ Тургеневъ спросилъ, что это значитъ.

— Видите, какая погода, — отвѣтилъ иносказательно издатель и пояснилъ, что имя Гоголя не велѣно упоминать.

И о величайшемъ изъ міровыхъ писателей такъ и не было ничего напечатано въ петербургскихъ журналахъ. «Не велѣно», и конецъ. И только когда изъ Мо-

сквы Тургеневымъ былъ полученъ отъ В. П. Боткина укоръ въ позорномъ молчаніи петербургской журналистики, авторъ «Записокъ Охотника» послалъ В. Боткину, въ видѣ отвѣта на обвиненіе, свою статью о Гоголѣ, съ просьбой, напечатать ее въ Москвѣ.

Достойно вниманія, что статья была напечатана не съ полной фамиліей Тургенева, а только съ инищіалами «Т...въ». И затѣмъ: сидя подъ арестомъ за статью «Т...ва», Тургеневъ писалъ тогдашнему наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу, что «не только не думалъ ослушаться начальства, или противиться его волѣ, но не имѣлъ даже помышленія о томъ, что дѣлаю что-нибудь противозаконное, иначе тотчасъ уничтожилъ бы эту статью, если бы хоть отдаленно могъ предвидѣть, что мой поступокъ будетъ сочтенъ за ослушаніе».

Остается добавить, что въ петербургскомъ высшемъ обществѣ главную вину Тургенева въ статьѣ о смерти Гоголя усматривали въ томъ, что Тургеневъ имѣлъ дерзновеніе печатно назвать Гоголя... *великимъ человѣкомъ*.

Самъ Тургеневъ разсказывалъ, что когда одной высокопоставленной дамѣ, защищавшей его, сказали, что онъ назвалъ въ своей статьѣ Гоголя великимъ человѣкомъ, дама сначала не повѣрила собственнымъ ушамъ, а затѣмъ объявила, что въ такомъ случаѣ вполнѣ понимаетъ мѣру, принятую относительно Тургенева:

— Je regrette, mais je comprend qu'on a dû sévir.

«Въ то время,—разсказываетъ жена издателя «Современника», г-жа Панаева, — строго смотрѣли, чтобы

подъ названіемъ («1805 годъ»), Тургеневъ отзывается о новомъ произведеніи Л. Толстого съ большой строгостью.

«Вторая часть «1805 года» слаба: какъ это все мелко и хитро, и неужели не надоѣли Толстому эти вѣчныя разсужденія о томъ,—трусъ, молъ, я или нѣтъ? И эта патологія сраженія. Гдѣ тутъ черты эпохи? Гдѣ краски историческія? Фигура Денисова бойко начерчена; но она была бы хороша, какъ узоръ на фонѣ,—а фона-то и нѣтъ» (Баденъ-Баденъ, 1866 г., III, 25).

Черезъ нѣкоторое время Тургеневъ еще строже осуждаетъ новое произведеніе Толстого:

«Романъ Толстого плохъ не потому, что онъ также заразился «разсудительствомъ»; этой бѣды ему бояться нечего; онъ плохъ потому, что авторъ ничего не изучилъ, ничего не знаетъ и подъ именемъ Кутузова и Багратіона выводитъ намъ какихъ-то рабски списанныхъ современныхъ генеральчиковъ».

И затѣмъ:

«Романъ Толстого—вещь удивительная; но самое слабое въ немъ именно то, чѣмъ восторгается публика: историческая сторона и психологія. Исторія его фокусъ, битье тонкими мелочами по глазамъ; психологія — капризно-однообразная возня въ однихъ и тѣхъ же ощущеніяхъ. Все бытовое, описательное, военное—это первый сортъ; и подобнаго Толстому мастера у насъ не имѣется».

Но вышедшій въ свѣтъ романъ Л. Толстого производитъ почти вездѣ ошеломляющее впечатлѣніе. Даже осторожный В. Боткинъ — и тотъ приходитъ въ вос-

торгъ отъ «Войны и мира». Тургеневъ тоже, видимо, поддается временно общему потоку восхищенія, хотя и съ оговорками.

«Я ѣду въ Россію...—пишетъ онъ Фету.—Не сомнѣваюсь въ томъ, что вы пріѣдете ко мнѣ... То-то мы поспоримъ. Впрочемъ, Богъ знаетъ: я очень сталъ тихонькій... Только что прочелъ 4-й томъ «Войны и мира». Есть вещи невыносимыя и есть вещи удивительныя; и удивительныя эти вещи, которыя въ сущности преобладаютъ, такъ великолѣпно хороши, что ничего лучшаго у насъ никогда не было написано никѣмъ: да врядъ ли было написано что-нибудь столь хорошее. 4-й и 1-й томъ слабѣе 2-го и особенно 3-го; 3-й томъ почти весь chef-d'œuvre (Баденъ, 1868 г., VI, 12).

Но затѣмъ внезапно опять съ большой строгостью обрушивается на «Войну и миръ»:

«... Самый печальный примѣръ,—пишетъ Тургеневъ,—отсутствія истинной свободы, проистекающаго изъ отсутствія истиннаго знанія, представляетъ намъ послѣднее произведеніе графа Л. Н. Толстого («Война и миръ»), которое въ то же время, по силѣ творческаго, поэтическаго дара, стоитъ едва ли не во главѣ всего, что явилось въ нашей литературѣ съ 1840 года. Нѣтъ! безъ образованія, безъ свободы въ обширнѣйшемъ смыслѣ, въ отношеніи къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже къ своему народу, къ своей исторіи,—немыслимъ истинный художникъ; безъ этого воздуха дышать нельзя».

Но совершенно иной тонъ звучитъ въ отзывѣ о «Войнѣ и мирѣ», сдѣланномъ въ это же время В. Боткинымъ,

бѣгать съ просьбами даже къ Достоевскому, издававшему тогда журналъ «Эпоху»:

«Любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, — пишетъ Тургеневъ, — спѣшу извѣстить васъ, что я получилъ вашъ вексель въ 300 рублей и благодарю васъ. Я бы, конечно, не сталъ васъ безпокоить, если бъ свадьба моей дочери со всѣми своими предвидѣнными и непредвидѣнными издержками не заставила меня постучаться во всѣ двери» (Баденъ, 1865 г., II, 21).

XXX.

Пріѣзжая каждый годъ въ Россію послѣ 1861 г., Тургеневъ иногда живалъ подолгу въ Спасскомъ, бывалъ у Фета, охотился съ нимъ, мечталъ о томъ, какъ они отрастятъ животы и предадутся образцовому эпикурейству, но шаговъ для примиренія съ Л. Толстымъ ни самъ не дѣлалъ, ни зова не слышалъ изъ Ясной Поляны. Выдающіеся русскіе писатели продолжали быть чужаками. Это нерѣдко сказывалось и въ ихъ литературныхъ отзывахъ.

Тургеневъ писалъ о «Поликушкѣ» Л. Толстого:

«Прочелъ «Поликушку» Толстого и удивился силѣ этого крупнаго таланта. Только матеріалу ужъ больно много потрачено, да и сынишку онъ напрасно утопилъ. Ужъ очень страшно выходитъ. Но есть страницы

поистинѣ удивительныя. Даже до холода въ спинной кости пробирастъ, а вѣдь у насъ уже и толстая, и грубая. Мастеръ, мастеръ» (СПБ., 1864, I, 25).

Л. Толстой, работавшій надъ «Войной и миромъ», интересовался критическимъ мнѣніемъ Тургенева.

«Ваше мнѣніе, — писалъ онъ Фету, — да еще мнѣніе одного человѣка, котораго я не люблю тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе я вырастаю большой, мнѣ дорого—Тургенева» (Ясная Поляна, 1865 г., I, 23).

Но относительно тургеневскихъ художественныхъ произведеній того времени Л. Толстой держится не особенно высокаго мнѣнія.

— Тургеневское «Довольно» мнѣ не нравится, — говорилъ онъ. — Личное, субъективное хорошо только тогда, когда оно полно жизни, страсти, а тутъ субъективность полна безжизненнаго страданія.

Между тѣмъ Тургеневу такъ нравилось его «Довольно», что онъ увѣрялъ, будто «не только В. Боткинъ, но даже сто Боткиныхъ не въ состояніи увѣрить, что «Довольно» *одинъ наборъ словъ*. Не такъ оно писалось».

И очевидно уязвленный неблагопріятнымъ отзывомъ Боткина, Тургеневъ отдается перебоямъ души и прибѣгаетъ даже къ каламбурамъ относительно автора «Писемъ объ Испаніи»:

«A propos des bottes... kine... Я получилъ отъ этого франта письмо изъ Парижа» и т. д. (Баденъ-Баденъ, 1865, X, 10).

По выходѣ изъ печати «Войны и мира» (сначала

ровье!» и только посовѣтуемъ имъ выставить изъ среды своей хотя такихъ плохихъ писателей, каковы были тѣ, въ кого они плюютъ.... Жду большой брани, но я на этотъ счетъ порядочно равнодушенъ» (Парижъ, 1862, I, 24).

Но анонсируемое равнодушіе Тургенева къ критическимъ отзывамъ ограничивается только словами. На дѣлѣ же всякій удобный и неудобный случай дастъ Тургеневу поводъ возвращаться къ «Отцамъ и дѣтямъ». Онъ даже вступаетъ по этому поводу въ переписку съ молодежью, заявляя, что «мнѣніемъ молодежи нельзя не дорожить». Сочувственныя слова Ѳ. Достоевскаго (съ которымъ Тургеневъ не былъ въ ладахъ) объ «Отцахъ и дѣтяхъ» вызываютъ въ Тургеневѣ неудержимый приливъ радости.

«Вы, — пишетъ онъ Достоевскому, — до того полно и тонко схватили то, что я хотѣлъ выразить Базаровымъ, что я только руки разставлялъ отъ изумленія и удовольствія. Точно вы въ душу мнѣ вошли и почувствовали даже то, что я не счелъ нужнымъ вымолвить... Теперь я спокоенъ насчетъ участи моей повѣсти; она сдѣлала свое дѣло, и мнѣ раскаиваться нечего...» и т. д., и т. п. (Парижъ, 1852 г., III, 18).

Правда, Тургеневъ заявляетъ при этомъ Достоевскому, что «тутъ дѣло не въ удовольствіи самолюбія, а въ удостовѣреніи, что ты, стало быть, не ошибся и не совсѣмъ промахнулся». Но позволительно кое-что изъ этого занести и по адресу авторскаго самолюбія, которое было сильно изранено въ тотъ періодъ.

Къ этому же времени на Тургенева обрушиваются

сложныя и гнетущія хлопоты по поводу свадьбы его дочери Полины съ французомъ Гастономъ Брюэромъ. Для заключенія брака требовались документы о рожденіи Полины. А ихъ-то и не было. Приходилось разыскивать мать Полины и вступать съ нею въ тягостные переговоры.

Увлекшись въ сороковыхъ годахъ миловидной дѣвушкой Дуняшей и приживъ съ ней ребенка, Тургеневъ испыталъ много тяжелыхъ минутъ по поводу этой связи. Послѣ долгой борьбы затянувшійся узелъ былъ наконецъ разрѣзанъ: Тургеневъ взялъ маленькую Полину къ себѣ на воспитаніе, а ея мать Дуню обезпечилъ извѣстной пенсіей. Во избѣжаніе недоразумѣній со стороны Дуни уплата пенсіи производилась черезъ довѣреннаго слугу. Такимъ образомъ Полина росла внѣ Россіи, внѣ материнской ласки, внѣ условій своего происхожденія. Но официально она числилась дочерью мѣщанки Авдотьи Ермолаевны Ивановой. И вотъ, когда Полинѣ пришлось выходить замужъ, то Тургеневу поневолѣ надо было прикоснуться къ старымъ ранамъ и входить въ сношенія съ матерью Полины. Можно думать, что деликатному Тургеневу пришлось пережить въ этотъ періодъ не мало горькихъ минутъ и въ связи съ своимъ будущимъ зятемъ Гастономъ, слишкомъ явно подчеркивавшимъ финансовую сторону брака.

Послѣ свадьбы Полины матеріальныя дѣла Тургенева осложнились до такой степени, что онъ нуждался иногда въ сотнѣ рублей и принужденъ былъ при-

дѣлу. Его «Дѣтство и юность» появилось въ англійскомъ переводѣ и, сколько слышно, нравится. Я попросилъ одного знакомаго написать объ этомъ статью въ «Revue des deux mondes». Знаться съ народомъ необходимо, но истерически льнуть къ нему, какъ берменная женщина, безсмысленно» (Парижъ, 1862, III, 6).

Когда вышли изъ печати «Казаки» Л. Толстого, Тургеневъ поддался ихъ художественному обаянію, но отзывы о нихъ давалъ все-таки съ примѣсью желчи.

«Казаковъ» я читалъ и пришелъ отъ нихъ въ восторгъ (и Боткинъ также). Одно лицо Оленина портитъ общее великолѣпное впечатлѣніе. Для контраста цивилизаціи съ первобытною, нетронутою природой не было никакой нужды снова выводить это возящееся съ самимъ собою, скучное и болѣзненное существо. Какъ это Толстой не сброситъ съ себя этотъ кошмаръ»? (Парижъ, 1863 г., IV, 7).

Но Л. Толстой былъ въ это время внѣ обстрѣла. Онъ женился и былъ счастливъ, какъ можетъ только быть счастливъ человѣкъ на землѣ.

«Фетушка, дяденька и просто милый другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, — писалъ онъ Фету въ сіяньи своего счастья. — Я двѣ недѣли женатъ и счастливъ, и новый, совсѣмъ новый человѣкъ» (Ясная Поляна, 1862 г., X, 9).

Такимъ образомъ Тургеневъ и Л. Толстой какъ бы по взаимному соглашенію признали, что они относительно другъ друга въ родѣ соды и кислоты. И лучше ужъ не соединяться, чѣмъ только шипѣть и пѣниться.

Но и на далекомъ разстояніи отношенія ихъ были

не изъ лучшихъ. Да и условія жизни Тургенева и Л. Толстого съ 1862 г. приняли различныя направленія. Л. Толстой послѣ женитьбы шелъ на всѣхъ парахъ удачи. У Тургенева, напротивъ, этотъ періодъ жизни отличался наибольшими дефектами. Послѣ «Отцовъ и дѣтей» литературная нива Тургенева не дала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ни одного обильнаго урожая: «Довольно», «Призраки» — вотъ и все, что написалъ Тургеневъ за нѣсколько лѣтъ.

Складывается неудачно въ этотъ періодъ и личная жизнь Тургенева. Ему часто нездоровится, а затѣмъ онъ никакъ не можетъ нигдѣ прочно припаяться, ни во Франціи, ни въ Россіи, живя безпочвенной жизнью номада.

И появленіе «Отцовъ и дѣтей» въ печати не дало Тургеневу желаннаго удовлетворенія, нанесши его самолюбію много неотразимыхъ ранъ, которыя онъ потомъ долго бередилъ въ себѣ. Либеральная печать и молодежь, какъ извѣстно, отнеслись къ «Отцамъ и дѣтямъ» недоброжелательно и съ явнымъ раздраженіемъ. Тургеневъ пытается стать выше всего этого, но постоянно прорывается отъ зудящей боли и самъ себѣ дѣлаетъ больное мѣсто изъ своего произведенія.

«Отрывокъ изъ статейки г-на Писарева, — пишетъ онъ Полонскому, — показываетъ, что молодые люди плюются; погоди, еще не такъ плеваться будутъ. Это все въ порядкѣ вещей—и особенно на Руси не диво, гдѣ мы всѣ такіе деспоты въ душѣ, что намъ кажется, что мы не живемъ, если не бьемъ кого-нибудь по мордѣ. А мы скажемъ этимъ юнымъ плевателямъ: «на здо-

дѣюсь, что онъ совсѣмъ поправился въ своемъ здоровьѣ (Парижъ, 1874 г., III, 4)

Появленіе Анны Карениной не встрѣтило со стороны Тургенева особеннаго сочувствія. Его попрежнему отталкивало «философствованіе», котораго онъ никакъ не могъ простить Л. Толстому. И Тургеневъ и устно, и письменно всячески старается доказать свою непогрѣшимость въ этомъ отношеніи.

«Талантъ изъ ряду вонъ, — пишетъ онъ изъ Парижа А. С. Суворину: — но въ «Аннѣ Карениной» Толстой, какъ говорятъ здѣсь, a fait fausse route: вліяніе Москвы, славянофильскаго дворянства, старыхъ православныхъ дѣвъ, собственнаго уединенія и отсутствія настоящей, художнической свободы. Вторая часть просто скучна и мелка, вотъ что горе» (Парижъ, 1875 г., мартъ, 14).

Затѣмъ и дальше Тургеневъ продолжаетъ варіировать въ своихъ отзывахъ и письмахъ объ «Аннѣ Карениной» взятый имъ аккордъ съ неразлучнымъ лейтмотивомъ полураздраженія:

— Неужели же, — говорилъ Тургеневъ Полонскому, — ты хоть одну минуту могъ подумать, что Левинъ влюбленъ или любитъ Кити или что Левинъ вообще можетъ любить кого-нибудь? Нѣтъ, любовь есть одна изъ тѣхъ страстей, которая надламливаетъ наше «я», заставляетъ какъ бы забывать о себѣ и о своихъ интересахъ. Левинъ же, узнавши, что онъ любимъ и счастливъ, не перестаетъ носиться съ своимъ собственнымъ «я», ухаживаетъ за собой. Ему кажется, что даже

извозчики, и тѣ, какъ-то особенно, съ особеннымъ уваженіемъ и охотой, предлагаютъ ему свои услуги. Онъ злится, когда его поздравляютъ люди, близкіе къ Кити. Онъ ни на минуту не перестаетъ быть эгоистомъ и носится съ собой до того, что воображаетъ себя чѣмъ-то особеннымъ. Психологически все это очень вѣрно (хотя я и не люблю психологическихъ подробностей и тонкостей въ романѣ), но всѣ эти подробности доказываютъ, что Левинъ эгоистъ до мозга костей, и понятно, почему на женщинъ онъ смотритъ, какъ на существъ, созданныхъ только для хозяйственныхъ и семейныхъ заботъ и дрязгъ. Говорятъ, что самъ авторъ похожъ на этого Левина—это едва ли! Все можетъ быть—это только одна изъ сторонъ его характера, всецѣло перешедшая въ характеръ Левина и въ немъ художественно обработанная. Но я все-таки не понимаю, чему тутъ сочувствовать? Не одна любовь, — всякая сильная страсть, религіозная, политическая, общественная, даже страсть къ наукѣ, надламливаетъ нашъ эгоизмъ. Фанатики идеи, часто нелѣпой и безразсудной, тоже не жалѣютъ головы своей. Такова и любовь...»

Въ другой разъ Тургеневъ еще неблагосклоннѣе отозвался объ «Аннѣ Карениной»:

— Анна Каренина» мнѣ не нравится, хотя въ ней есть дѣйствительно великолѣпныя мѣста (скачки, косьба, охота). Но все это отзывается кислятиной, пахнетъ Москвою, лампаднымъ масломъ, старыми дѣвами, славянофильствомъ, юнкерствомъ и т. п.

Всѣ эти неблагосклонные отзывы не мѣшали, однако, Тургеневу съ увлеченіемъ вспахивать почву въ Ев-

XXXII.

Л. Толстой все это время ни въ одномъ изъ своихъ писемъ не упоминаетъ о Тургеневѣ. И въ бесѣдахъ съ пріятелями старается избѣгать разговоровъ о Тургеневѣ, не питая къ нему добрыхъ чувствъ, но боясь поддаться внушенію и дурныхъ. Тургеневъ, зная это, тѣмъ не менѣе интересуется Л. Толстымъ и доходитъ иногда даже до самоуниженія:

«Что вы мнѣ ничего не говорите о Львѣ Толстомъ?— спрашиваетъ онъ Фета. — Онъ меня «ненавидитъ и презираетъ», а я продолжаю имъ сильно интересоваться, какъ самымъ крупнымъ современнымъ талантомъ» (Буживаль, 1873 г., авг. 21).

И когда Тургеневъ узналъ, что Л. Толстой ни разу не отзывался о немъ во враждебномъ тонѣ, авторъ «Дворянскаго гнѣзда» очень обрадовался этому, хотя все-таки никакъ не могъ примириться съ пристрастіемъ Л. Толстого къ философіи. И, гостя въ 1873 г. у Жоржъ-Зандъ въ ея Chateau de Nohant, Тургеневъ пишетъ оттуда:

«Радуюсь, что Левъ Толстой меня не ненавидитъ, и еще болѣе радуюсь слухамъ о томъ, что онъ оканчиваетъ большой романъ. Дай только Богъ, чтобы тамъ философіи не было» (1873 г., сент. 13).

Въ 1874 году Тургеневъ, значительно перегорѣвшій въ своемъ раздраженіи противъ Л. Толстого и ду-

шевно тямящійся по немъ, дѣлаетъ нѣчто въ родѣ пробныхъ развѣдокъ для проведенія дороги между Парижемъ и Ясной Поляной. Онъ обращается черезъ Фета къ Л. Толстому о разрѣшеніи напечатать на французскомъ языкѣ нѣкоторыя произведенія Л. Толстого и затѣмъ присылаетъ Л. Толстому французскій переводъ «Двухъ гусаровъ» и письмо въ третьемъ лицѣ. Толстой изъявляетъ согласіе и благодарность за вниманіе, но Фету пишетъ:

«Отъ Тургенева получилъ переводъ, напечатанный въ «Temps», «Двухъ гусаровъ», письмо въ третьемъ лицѣ, просящее извѣстить, что я получилъ и что г-жей Віардо и Тургеневымъ переводятся другія повѣсти, — что ни то, ни другое совсѣмъ не нужно было». (Ясная Поляна, 1874 г. III.)

Тургеневъ видимо доволенъ результатами развѣдочныхъ работъ и продолжаетъ ихъ съ новой энергіей.

«Ваше письмо, — пишетъ онъ Фету, — съ уполномочіемъ Толстого прибыло въ rue de Douai только вчера, т.-е. черезъ съ небольшимъ три недѣли! Мнѣ этотъ фактъ въ сущности только потому непріятенъ, что онъ могъ внушить вамъ мысль, что я не умѣлъ оцѣнить готовность, съ которой вы исполнили мою просьбу. А я и вамъ, и Л. Н. Толстому очень благодаренъ. Теперь уже сезонъ на исходѣ, но я все-таки постараюсь помѣстить въ «Revue des deux mondes» или въ «Temps» его «Три смерти», а къ осени непремѣнно напечатаю «Казаковъ». Чѣмъ чаще перечитываю я эту повѣсть, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что это chef-d'œuvre Толстого и всей русской повѣствовательной литературы. На-

И, вѣрно, ни одинъ студентъ въ свой курсъ не учился такъ много и столь многаго не узналъ, какъ я въ нынѣшнее лѣто. Не знаю, перемѣню ли я когда мнѣнiе, но теперь увѣренъ, что Шопенгауэръ геніальнѣйшій изъ людей. Вы говорили, что онъ такъ себѣ кое-что писалъ о философскихъ предметахъ. Какъ кое-что? Это весь міръ въ невѣроятно ясномъ и красивомъ отраженіи. Я началъ переводить его. Не возьметесь ли и вы за переводъ его? Мы бы издали вмѣстѣ. Читая его, мнѣ непостижимо, какимъ образомъ можетъ оставаться имя его неизвѣстнымъ? Объясненіе только одно, то самое, которое онъ такъ часто повторяетъ, что кромѣ идіотовъ на свѣтѣ почти никого нѣтъ» (Ясная Поляна, 1869, VIII, 30).

Въ 1871 году Л. Толстой отдался изученію богословскихъ наукъ и началъ усиленно заниматься греческимъ языкомъ. Въ концѣ-концовъ усиленныя занятія сломили желѣзное здоровье, и Л. Н. заболѣлъ отъ переутомленія. Рѣшили отправить его въ Самарскую губернію на кумисъ. Фетъ не преминулъ сообщить отъ этомъ Тургеневу, который находился тогда въ Лондонѣ. Авторъ «Отцовъ и дѣтей» съ благородствомъ отбрасываетъ отъ себя непріязненное чувство и пишетъ:

«Я очень боюсь за Л. Толстого, недаромъ у него два брата умерли чахоткой, — и я очень радъ, что онъ ѣдетъ на кумысъ, въ дѣйствительность и пользу котораго я вѣрю. Л. Толстой, эта единственная надежда нашей осиротѣвшей литературы, не можетъ и не долженъ такъ же скоро исчезнуть съ лица земли, какъ его предшественники—Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь.

И дался же ему вдругъ греческій языкъ» (Лондонъ, 1871 г., іюль, 2).

Но черезъ нѣкоторое время скрипящій лейтъ-мотивъ опять пробивается въ пѣсняхъ Тургенева.

«Я очень радъ, что Толстому лучше и что онъ греческій языкъ-таки одолѣлъ, это дѣлаетъ ему великую честь и приноситъ ему великую пользу. Но зачѣмъ онъ толкуетъ о необходимости создать какой-то особый русскій языкъ? Создать языкъ!.. — создать море. Оно разлилось кругомъ безбрежными и бездонными волнами; наше писательское дѣло — направить часть этихъ волнъ въ наше русло, на нашу мельницу. И Толстой это умѣетъ дѣлать. А потому его фраза лишь настолько меня безпокоитъ, насколько она показываетъ, что ему все еще хочется мудрить» (Баденъ-Баденъ, 1871 г., авг. 6).

Черезъ два мѣсяца Тургеневъ пишетъ изъ Парижа:

«Я очень радъ, что здоровье Л. Толстого исправилось и что онъ работаетъ. Что бы онъ ни дѣлалъ, будетъ хорошо, если онъ самъ не исковеркаетъ дѣла рукъ своихъ. Философія, которую онъ ненавидитъ, оригинальнымъ образомъ отмстила ему: она его самого заразила, и нашъ врагъ резонерства сталъ резонерствовать напропалую. Авось это все съ него теперь соскочило, и остался только чистый и могучій художникъ» (Парижъ, 1871 г., ноябрь 24).

не принадлежащимъ къ поклонникамъ Л. Толстого, но не загипнотизированнымъ и личной непріязнью:

«Мы только на-дняхъ кончили «Войну и миръ»,— пишетъ онъ.—Исключая страницы о масонствѣ, которыя мало интересны и какъ-то скучно изложены,— этотъ романъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходенъ. Но неужели Толстой остановится на пятой части? Мнѣ кажется, что это невозможно. Какая яркость и вмѣстѣ глубина характеристики! Какой характеръ Наташи и какъ выдержанъ! Да, все въ этомъ превосходномъ произведеніи возбуждаетъ глубочайшій интересъ. Даже его военныя соображенія полны интереса, и мнѣ въ большей части случаевъ кажется, что онъ совершенно правъ. И потомъ какое это глубоко-русское произведеніе» (Островъ Искія, 1869, IV, 9).

XXXI.

Въ письмахъ къ Фету, который продолжалъ дружить съ Л. Толстымъ, Тургеневъ продолжаетъ отъ времени до времени отдавать дань конвульсіямъ своего сердца.

«Мысленно рисую васъ,—пишетъ онъ,—то съ ружьемъ въ рукѣ, то просто бесѣдующаго о томъ, что Шекспиръ былъ глупецъ и что, говоря словами Л. Н. Толстого, только та дѣятельность приноситъ плоды,

которая безсознательна. Какъ это, подумаешь, сѣверные американцы во снѣ, безъ всякаго сознанія, провели желѣзную дорогу отъ Нью-Іорка до С.-Франциско? Или это не плодъ?» (Баденъ-Баденъ, 1869 г., X, 3).

И черезъ нѣкоторое время опять:

«Новаго ничего нѣтъ подъ луною, повѣрьте, даже въ Степановкѣ; даже ваши три философскихъ этажа не новы. Предоставьте Толстому открывать, какъ говаривалъ Вас. П. Боткинъ, Средиземное море» («Баденъ-Баденъ, 1869 г., XII, 21).

Всѣ эти намеки, выпады и булавки по адресу Толстого Тургеневъ дѣлалъ тогда отчасти изъ непріязненнаго чувства къ автору «Войны и мира» и изъ досады на Л. Н. Толстого за его пристрастіе къ философіи.

«Изъ вашего послѣдняго письма, — пишетъ Тургеневъ, — я, грѣшный человѣкъ, понялъ мало. Чую въ немъ вѣяніе того духа, которымъ наполнена половина «Войны и мира» Толстого, — и потому уже и не суюсь» (Баденъ-Баденъ, 1869 г., XII, 21).

А однажды Тургеневъ заявилъ:

— Только можно читать Толстого, когда онъ не философствуетъ, да Рѣшетникова...

Между тѣмъ Л. Толстой, какъ нарочно, только и увлекался въ то время философіей.

«Знаете ли, что было для меня нынѣшнее лѣто? — писалъ онъ Фету. — Неперестающій восторгъ передъ Шопенгауэромъ и рядъ духовныхъ наслажденій, которыхъ я никогда не испытывалъ. Я выписалъ всѣ его сочиненія и читалъ и читаю (прочелъ и Канта).

въ Петербургѣ въ качествѣ героя и восходящей литературной звѣзды, — въ тотъ же день навѣстилъ Тургенева, послѣдняго это очень тронуло. И онъ встрѣтилъ молодого графа какъ младшаго брата.

Вниманіе Тургенева плѣнило гостя и не могло не льстить чувствительному самолюбію артиллерійскаго офицера, горѣвшаго жаждой всякихъ тріумфовъ.

VIII.

Черезъ нѣсколько дней послѣ знакомства съ Л. Толстымъ Тургеневъ писалъ графинѣ Маріѣ Николаевнѣ и отзывался почти восторженно о Львѣ Николаевичѣ. И молодой писатель, дѣйствительно, производилъ, когда хотѣлъ того, обаятельное впечатлѣніе, невзирая на бросающееся въ глаза стремленіе къ комильфотности и щегольству. Онъ хотѣлъ нравиться, заботливо слѣдилъ за своей наружностью и всячески старался взять отъ жизни все, что было въ ней наипрекраснѣйшаго.

Тургеневъ, составлявшій въ то время центръ умственно-литературной жизни, велъ жизнь древняго аѳинянина. Женская красота, изящная литература, музыка, театръ и различныя артистическія вечеринки съ утонченной гастрономической приправой составляли если не цѣль, то путь жизни Тургенева.

В. Боткинъ, Дружининъ, Григоровичъ, Анненковъ, Гончаровъ, Островскій, Некрасовъ, Панаевъ, М. Языковъ и др. являлись какъ бы млечнымъ путемъ, на которомъ Тургеневъ выдѣлялся наиболѣе яркой звѣздой. Большинство его друзей-пріятелей принадлежало къ редакціи «Современника», издававшагося на товарищескихъ началахъ Панаевымъ и Некрасовымъ. Товарищескія начала заключались въ томъ, что всѣ были какъ бы хозяевами журнала: вся прибыль дѣлилась на двѣ равныя части, и одна шла Панаеву и Некрасову, другая — всѣмъ остальнымъ сотрудникамъ. Сотрудники «Современника» обязывались не участвовать въ другихъ конкурирующихъ изданіяхъ, что и послужило темой для тогдашняго карикатуриста Степанова изобразить Тургенева, Григоровича, Островскаго и Л. Толстого подъ кличкой: «обязательныхъ литераторовъ».

Л. Н. Толстой сразу былъ принятъ въ кружкѣ «Современника» какъ равный со всѣми тогдашними знаменитостями въ литературѣ. Особенно ухаживали за Л. Толстымъ руководители «Современника» — Некрасовъ и Панаевъ.

Изъ-за монопольныхъ правъ «Современника» возникъ, между прочимъ, и громкій скандалъ, организованный издателемъ «Русскаго Вѣстника» — М. Катковымъ. Передъ тѣмъ, какъ войти въ соглашеніе съ «Современникомъ», Тургеневъ помѣщалъ нѣкоторыя свои произведенія въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и обѣщалъ М. Каткову повѣсть «Призраки». И, войдя въ соглашеніе съ «Современникомъ», Тургеневъ выговорилъ право относительно «Призраковъ». Но никакъ не могъ за-

кончить обѣщанную повѣсть. Въ это время въ Петербургѣ жилъ братъ Каткова, настойчиво посѣщавшій по порученію изъ Москвы петербургскихъ писателей и добивавшійся дѣятельнаго участія въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Когда дошло дѣло до Л. Толстого, тотъ, съ присущей ему прямотой, наотрѣзъ отказался имѣть дѣло съ «Русскимъ Вѣстникомъ», заявивъ, что никто изъ главныхъ сотрудниковъ «Современника» по заключенному договору не можетъ участвовать въ другихъ изданіяхъ. Въ это время какъ разъ въ «Современникѣ» появился тургеневскій «Фаустъ», принятый подозрительнымъ Катковымъ за обѣщанные «Призраки».

Катковъ вышелъ изъ себя и напечаталъ рѣзкую статью противъ Тургенева. Толстой, хотя и считалъ М. Каткова правымъ съ формальной стороны, тѣмъ не менѣе написалъ ему укоряющее письмо, нисколько не боясь московскихъ громовъ. Этотъ поступокъ характеризуетъ и тогдашняго Толстого, и его дружескую пріязнь къ Тургеневу.

Но дружба ихъ скоро отцвѣла. Чтобъ понять неизбѣжность этого процесса, необходимо ознакомиться съ условіями жизни, которыми были обставлены Тургеневъ и Толстой.

IX.

Тургеневъ велъ сравнительно съ другими петербургскими знаменитостями болѣе или менѣе правильную жизнь. Онъ вставалъ довольно рано и всегда почти въ одно и то же время, съ аккуратностью нѣмецкаго философа. Затѣмъ, по своей наклонности или вслѣдствіе долгаго пребыванія за границей, онъ отличался привычкою къ извѣстному порядку въ мелочахъ. Такъ, напримѣръ: онъ иначе не могъ написать самую простую записку, какъ предварительно не убравши бумагъ на письменномъ столѣ. Разъ ночью, — разсказывалъ Фетъ, — Тургеневъ вспомнилъ, что, ложась спать, позабылъ положить на мѣсто свои ножницы; Тургеневъ зажегъ свѣчу, всталъ и тогда только вернулся въ свою постель, когда все уже на письменномъ столѣ его лежало какъ слѣдуетъ.

Что же касается туалета, то въ этомъ отношеніи Тургеневъ могъ иногда поспорить даже и съ Евгеніемъ Онѣгинымъ. Тургеневская же прическа волосъ была своего рода священнодѣйствіемъ.

«Однажды Тургеневъ былъ очень доволенъ, — разсказываетъ Я. Полонскій, — что процедура причесыванія повергла меня какъ бы въ нѣкоторое изумленіе.

«— Видишь,—говорилъ онъ, весело поглядывая своими добрыми глазами. — Я беру эту щетку... теперь я начинаю чесать ею вправо: разъ, два, три... и такъ до пя-

тидесяти разъ; теперь начну чесать влѣво, и тоже до пятидесяти... Ну, вотъ теперь со щеткой кончено... Беру этотъ гребень, — имъ я долженъ до ста разъ пройтись по волосамъ... Чему ты удивляешься? Постой, это еще не все... Погоди, погоди!.. За этимъ гребнемъ есть еще другой — съ частыми зубьями... Ни одной соринки, ни одной пылинки не должно быть у меня въ волосахъ, — говорилъ онъ, уже одѣваясь. — Причесываться — это страсть моя, это у меня съ дѣтства. Когда мать моя еще «носила меня подъ сердцемъ», на нее, ни съ того, ни съ сего, вдругъ нашла манія всѣхъ причесывать. Призывала горничныхъ, сама расчесывала имъ косы и сама заплетала. Разъ, въ Москвѣ, съ улицы позвала она какого-то инвалида-солдата, должно быть, нищаго (воображаю себѣ, въ какомъ порядкѣ была его шевелюра!), усадила его за свой туалетъ, вычесала, причесала, напомадила, дала ему денегъ и отпустила... Можетъ-быть, эта манія и перешла ко мнѣ отъ матери».

Такое стремленіе къ порядку не приводило, однако, Тургенева къ устройству своей собственной жизни въ Петербургѣ на западный манеръ порядка и аккуратности. Этому мѣшала отчасти и не дисциплинированная тургеневская прислуга, и самъ хозяинъ.

Случалось такъ, что онъ созывалъ, бывало, въ Петербургѣ къ извѣстному часу на обѣдъ гостей, а самъ застрявалъ гдѣ-нибудь. И подъ темною аркою воротъ тургеневской квартиры происходили такія сцены:

— Кто это? — опрашивали въ темнотѣ пришедшіе.

– Ахъ, это вы, Дружининъ?

— Добродушный, но разсѣянный человѣкъ, — говорилъ укоризненно В. Боткинъ, — онъ просто забылъ, что позвалъ всѣхъ обѣдать, и я ухожу. Что же звонить понапрасну? Явно, что ни Ивана Тургенева, ни Ивана лакея нѣтъ на квартирѣ.

Бывали и такіе курьезы:

Къ Тургеневу должны были притти гости, а въ комнатахъ стоялъ холодъ. И Тургеневъ, дрожа отъ холода и злости, вопилъ жалобнымъ голосомъ:

— Иванъ! Ну, какъ же мнѣ еще тебя умолять? Сколько разъ уже я слезно просилъ тебя: сильнѣе топить въ такіе морозы.

— Помилуйте-съ. Помилуйте-съ!.. — увертывался Иванъ.

— Да вѣдь я, — прерывалъ его Тургеневъ все выше забирающимъ фальцетомъ, — и не спорю съ тобою. Ну, ты уменъ, а я дуракъ. Но помилосердствуй! Не до такой же степени я глупъ, чтобы не могъ разобрать, холодно мнѣ или тепло.

Чтобы понять еще одинъ случай съ Иваномъ, не оставшійся безъ литературнаго слѣда, необходимо упомянуть о нѣкоемъ Видертѣ, по временамъ появлявшемся въ кругу «современниковъ».

— Это былъ, — разсказываетъ Фетъ, — небольшого роста, бѣлокурый молодой нѣмецъ Видертъ, весьма удачно переводившій русскіе стихи и прозу на нѣмецкій языкъ. Его переводы Кольцова пользовались въ Германіи заслуженнымъ успѣхомъ. Появлялся онъ обыкновенно къ вечернему чаю. Во время одного изъ

такихъ посѣщеній, на требованіе чаю со стороны Тургенева, Иванъ объявилъ, что чай весь вышелъ.

— Помилуй, любезный другъ, — воскликнулъ изумленный Тургеневъ, — какъ же могъ такъ скоро выйти чай, когда я только третьяго дня принесъ фунтъ?

— Помилуйте-съ, помилуйте-съ! — отвѣчалъ Иванъ. — Стаканы малы.

Ожидавшій въ числѣ прочихъ чаю Н. Некрасовъ не преминулъ воспроизвести эту сцену въ стихахъ:

«Столъ накрытъ, подсвѣчникъ вытертъ,
Самоваръ давно кипитъ,
Сладковатый нѣмчикъ Видертъ
У Тургенева сидитъ.
По запросу господина
Отвѣчаетъ невзначай
Крѣпостной его дѣтина,
Что «у насъ-де вышелъ чай».
Содрогнулся переводчикъ,
А Тургеневъ возопилъ:
«Чаю нѣтъ! Каковъ молодчикъ!
Не вчера ли я купилъ?»
Замѣчаніе услышалъ
И отвѣтствовалъ Иванъ:
«Чай у насъ такъ скоро вышелъ
Оттого, что малъ стаканъ».

X.

Для характеристики того времени не лишне посвятить нѣсколько словъ гастрономіи, игравшей значительную роль среди тогдашнихъ «властителей думъ». Они любили покушать. У Тургенева былъ даже свой собственный поваръ, въ нѣкоторомъ родѣ виртуозъ, купленный писателемъ за тысячу рублей. Когда на столѣ появлялось какое-нибудь особенно соблазнительное кушанье, Тургеневъ иногда говаривалъ особеннымъ тономъ:

— Вотъ это я понимаю!

Онъ любилъ принять друзей и угостить ихъ на славу. Одинъ недостатокъ былъ въ его хозяйствѣ: столоваго серебра было всего на 12 персонъ, такъ что онъ могъ приглашать къ обѣду не болѣе, какъ одиннадцать человѣкъ, что иногда очень сокрушало Тургенева. Во дни обѣдовъ въ его квартирѣ происходило какъ бы нѣкое священнодѣйствіе подъ верховнымъ управленіемъ великаго жреца и магистра гастрономіи В. П. Боткина. И когда за обѣдомъ какой-нибудь дебютный соусъ выходилъ особенно тонокъ и вкусенъ, Тургеневъ многозначительно подмигивалъ магистру гастрономіи и спрашивалъ:

— А что ты скажешь объ этомъ соусѣ?

— Надо непремѣнно позвать повара: я буду плакать у него на жилетѣ, — отвѣчалъ съ умиленіемъ Боткинъ.

Но особенно любили покушать критики Гончаровъ и И. П. Анненковъ. Иногда передъ обѣдомъ они съ такимъ рвеніемъ атаковывали муравленный горшокъ съ зернистою икрой отъ Елисѣева, что Тургеневу приходилось прибѣгать къ ихъ гражданскимъ чувствамъ и взывать подъ громкій хохотъ присутствующихъ:

— Господа, не забудьте, что вы не одни здѣсь.

Объ Анненковѣ Тургеневъ даже составилъ эпиграмму, кончавшуюся:

«Чужимъ наполненный виномъ,
Виляетъ острымъ животомъ».

Нанчаще обѣды русскихъ парнасцевъ происходили у Панаева. Его квартира была при редакціи «Современника» и въ шутку называлась «литературнымъ подворьемъ». Здѣсь часто гостили пріѣзжіе писатели, постоянно жили нѣкоторые изъ сотрудниковъ «Современника», и всегда происходила такая толчея, что Бѣлинскій во время пребыванія въ Петербургѣ говорилъ съ досадою:

— Придешь поговорить о дѣлѣ, а у васъ непротолченая труба народа.

Но особенно многолюдно бывало у Панаева на ежемѣсячныхъ тризнахъ послѣ одержаній побѣдъ «Современникомъ» надъ цензурными печенѣгами.

Обѣды у Панаева почти всегда происходили подъ предсѣдательствомъ его красавицы-жены, признававшей только мужское общество. Моложавая и привлекательная, она всегда бывала нарядно одѣта и вносила въ свои отношенія къ гостямъ тонкій оттѣнокъ женствен-

ности, что сообщало литературнымъ обѣдамъ колоритъ особенной привлекательности. Въ ожиданіи обѣда все общество обыкновенно усаживалось на мягкой мебели уютнаго хозяйскаго кабинета, и открывался каскадъ остротъ и веселыхъ шутокъ, прерывавшійся только на мгновеніе при появленіи какого-нибудь новаго гостя.

Но бывали ли обѣды у Панаева или у Тургенева — одинаково обязательной приправой считались шутки во всѣхъ видахъ и категоріяхъ: анекдоты, экспромпты, каламбуры и всякія эпиграммы на отсутствующихъ и присутствующихъ. Мягкій и деликатный Тургеневъ отличался, тѣмъ не менѣе, наибольшей язвительностью въ своихъ прозаическихъ и стихотворныхъ шуткахъ. Такъ, насчетъ Дружинина онъ придумалъ:

«Дружининъ корчитъ европейца,
Какъ ошибается, бѣднякъ!
Онъ трупъ россійскаго гвардейца,
Одѣтый въ англійскій пиджакъ».

На Кетчера:

«Вотъ еще свѣтило міра!
Кетчеръ, другъ шипучихъ винъ;
Переперъ онъ намъ Шекспира
На языкъ родныхъ осинъ».

На Никитенко:

«Исполненный ненужныхъ словъ
И мыслей, ставшихъ общимъ мѣстомъ,
Онъ краснорѣчья прѣснымъ тѣстомъ
Всю землю вымазать готовъ»...

На В. П. Боткина была большая эпиграмма, пародировавшая пушкинское стихотвореніе «Анчаръ». Кончалась эпиграмма:

Къ нему читатель не спѣшитъ,
И журналистъ его боится,
Панаевъ сдуру набѣжитъ
И, корчась въ мукахъ, далѣ мчится...»

На Достоевскаго:

«Рыцарь горестной фигуры,
Достоевскій, юный пыщъ;
На носу литературы
Ты вскочилъ, какъ яркій прыщъ.
Хоть ты новый литераторъ,
Но въ восторгъ ужъ всѣхъ повергъ.
Тебя хвалитъ императоръ,
Уважаетъ Лейхтенбергъ».

Извѣстно, что тургеневская эпиграмма на Достоевскаго причинила автору «Бѣдныхъ людей» острое страданіе, которое, быть-можетъ, и легло въ основу дальнѣйшихъ недружелюбныхъ отношеній между Достоевскимъ и Тургеневымъ. Извѣстенъ еще случай съ нѣкіимъ Арапетовымъ, который пересталъ кланяться Тургеневу за его ядовитую шутку. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что Тургеневъ въ своихъ юмористическихъ шуткахъ поддавался почти всегда исключительно художественной эмоціи. Но въ человѣческихъ отношеніяхъ, гдѣ все такъ нѣжно, тонко и хрупко,

иногда и легкій уколъ причиняетъ боль нестерпимую. А тургеневскія уколы не всегда бывали безболѣзненными.

— Послѣ вечера въ одномъ свѣтскомъ салонѣ,—разсказываетъ жена Панаева, — гдѣ Писемскій читалъ свой новый романъ, Тургеневъ на другой день, будто бы, говорилъ въ кругу сотрудниковъ «Современника»:

— Нѣтъ, господа, я болѣе ни за какія блага въ мірѣ нигдѣ не буду присутствовать при чтеніи Писемскаго, кромѣ какъ въ нашемъ кружкѣ. Это изъ рукъ вонъ, до чего онъ неприличенъ. Я готовъ былъ сквозь землю провалиться. Вообразите, явился читать свой романъ, страдая разстройствомъ желудка, по обыкновенію, рыгалъ поминутно, выскакивалъ изъ комнаты и, возвращаясь, оправлялъ свой туалетъ при дамахъ. Наконецъ, къ довершенію всего, потребовалъ себѣ рюмку водки. Каково? И какая безтактность: валяетъ главу за главой, всѣ утомились, зѣваютъ, а онъ читаетъ да читаетъ. Хозяйку дома довелъ до мигреня... Боже мой, уродятся же на свѣтѣ такіе оболтусы! Нѣтъ! Я теперь проученъ. Не покажусь нигдѣ въ обществѣ, если узнаю, что тамъ находится Писемскій.

Между тѣмъ Писемскій остался доволенъ своимъ чтеніемъ на великосвѣтскомъ вечерѣ и былъ убѣжденъ, что произвелъ фуроръ.

— Спросите Тургенева, — ссылался онъ, — когда мы вышли вмѣстѣ, то дорогой онъ мнѣ сказалъ, что мой романъ пронялъ даже бабье.

Когда въ литературныхъ кружкахъ появился картинно-изящный Фетъ и началъ угощать всѣхъ своими

прелестными стихами, Тургеневъ всячески поощрялъ Фета и пророчилъ ему великую славу, а въ редакціи «Современника», будто бы, не удержался однажды отъ шутки:

— Фетъ такъ же плодовитъ, какъ клопы. Должно быть, по головѣ его проскакалъ цѣлый эскадронъ, отчего и происходитъ такая безсмыслица въ его стихотвореніяхъ.

Когда въ кружкѣ «Современника» началъ появляться извѣстный впослѣдствіи Гербель и выпустилъ въ свѣтъ «Слово о полку Игоревѣ», Тургеневъ иначе не называлъ его, какъ авторомъ «Изюмскаго Игоря» (Гербель написалъ передъ этимъ «Исторію Изюмскаго полка»).

XI.

Существуетъ версія въ передачѣ г-жи Головачевой-Панаевой, будто и по поводу Л. Н. Толстого съ тургеневскаго языка срывались иногда шутки, приправленныя не только солью, но и перцемъ.

Когда въ «Современникѣ» 1852 г. появилась «Исторія моего дѣтства» Л. Толстого, то со всѣхъ сторонъ сыпались похвалы новому автору, и всѣ интересовались узнать его фамилію. А Панаевъ былъ въ такомъ восхищеніи отъ «Исторіи моего дѣтства», что каждый вечеръ читалъ произведеніе новаго автора у

кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ. По этому поводу Тургеневъ, будто бы, и трунилъ надъ Панаевымъ, увѣряя, что всѣ его знакомые прячутся отъ Панаева на Невскомъ, боясь, чтобы онъ имъ и тамъ не сталъ читать выдержки изъ толстовскаго сочиненія, успѣвши наизусть выучить произведеніе новаго автора. Панаева, будто бъ, задѣло подтруниваніе Тургенева, и онъ сказалъ:

— Меня удивляетъ, что ты такъ равнодушно относишься къ такой художественной вещи и не радуешься появленію новаго таланта?

Тургеневъ, будто бъ, пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— А меня удивляетъ, какъ вы щедры на похвалы; чуть появится новичокъ въ вашемъ журналѣ, сейчасъ начинаете кричать: талантъ! Отыскиваете въ его пробѣ пера художественность. Я объясняю это тѣмъ, что вы мало знакомы съ истинно-художественными произведеніями въ иностранной литературѣ, а если что и читали, то въ слабомъ переводѣ, вотъ и впадаете въ смѣшное преувеличеніе заурядныхъ вещицъ. Не только въ вашихъ пигмеяхъ, но даже въ Пушкинѣ, въ Лермонтовѣ, если строго разобрать, не много найдешь оригинальныхъ художественныхъ произведеній. Когда ихъ читаешь, то на каждомъ шагу натыкаешься на подражаніе геніальнымъ европейскимъ талантамъ, какъ, напримѣръ, Гете и Байрону. Россія отстала въ цивилизаціи отъ Европы. Развѣ у насъ могутъ народиться такіе великіе писатели, какъ Данте, Шекспиръ?

— И насъ Богъ не обидѣлъ, — заявилъ Некрасовъ, — для русскихъ Гоголь — Шекспиръ.

Тургеневъ улыбнулся.

— Хватилъ, любезный другъ, черезъ край. Ты сообрази громадную разницу. Шекспира читаютъ всѣ образованныя націи на всемъ земномъ шарѣ уже нѣсколько вѣковъ и безконечно будутъ читать. Это міровые писатели. А Гоголя будутъ читать только одни русскіе, да и то нѣсколько тысячъ. А Европа не будетъ знать даже о его существованіи... Да и что такое русскій писатель? Сидишь, пишешь и знаешь заранѣе, что участь твоего произведенія зависитъ отъ какихъ-то бухарцевъ, закутанныхъ въ десятки халатовъ, въ которыхъ они прѣютъ, и такъ принюхались къ своему вонючему поту, что, чуть пахнетъ на ихъ копусообразныя головы свѣжій воздухъ, приходятъ въ ярость и, какъ дикіе звѣри, начинаютъ вырывать куски изъ твоего сочиненія. По-моему раціональнѣе было бы поломать всѣ типографскіе станки, сжечь всѣ бумажныя фабрики, а у кого увидятъ перо въ рукахъ — сажать на колъ... Нѣтъ, только меня и видѣли. Какъ получу наслѣдство, убѣгу и строки не напишу для русскихъ читателей...

Когда однажды въ кругу литераторовъ зашла рѣчь объ Анненковѣ, Тургеневъ, будто, сказалъ:

— Замѣтили вы, господа, что отъ Анненкова никогда не услышишь его собственнаго мнѣнія о чемъ бы то ни было; онъ ограничивается только поддакиваніемъ. Большой промахъ сдѣлалъ онъ, избравъ себѣ литературную карьеру; съ его бездарностью онъ всегда будетъ только повторять чужія мысли. Это ходячая контрафакція. Я часто для потѣхи говорю ему

одно, и онъ глубокомысленно поддакиваетъ мнѣ; черезъ нѣсколько времени говорю другое, и онъ точно такъ же поддакиваетъ. Если бы онъ избралъ чиновничью карьеру, то начальство вытянуло его за уши на видное мѣсто за его умѣнье поддакивать. Какъ онъ увивается за Бѣлинскимъ, точно мелкій чиновникъ за своимъ непосредственнымъ начальникомъ. Но что замѣчательно въ немъ, это простодушіе въ его постоянномъ смѣхѣ, которымъ онъ старается замаскировать свою пронырливую натуру.

Когда въ «Современникѣ» было напечатано первое произведеніе Дружинина, Тургеневъ, будто, говорилъ Некрасову и Панаеву:

— Положительно везетъ «Современнику». Вотъ это талантъ, не чета вашему «литературному прыщу» и вознесенному до небесъ вами апатичному чиновнику Ивану Александровичу Гончарову. Эти, по-вашему, свѣтила, слѣпорожденные кроты, выползшіе изъ-подъ земли; что они могутъ создать? А у Дружинина знаніе общества: обрисовка Полиньки Саксъ — художественная. Видишь гетевскіе, тонкіе штрихи. И никто въ мірѣ, кромѣ Гете, не обладалъ такимъ искусствомъ создавать граціозные типы женщинъ. Я прозакладываю голову, что Дружининъ быстро займетъ мѣсто передового писателя въ современной литературѣ...

А черезъ нѣкоторое время Тургеневъ, будто, утверждалъ, что «Полинька Саксъ» была на безрыбьѣ ракомъ, и ядовито прохаживался на счетъ Дружинина.

XII.

Всѣ лица, которыхъ такъ юмористически вышучивалъ Тургеневъ, тѣмъ не менѣе бывали у него и въ свою очередь козыряли насчетъ Тургенева лично и заочно разными шутками. Такъ, одно время къ его имени было пристегнуто слово слабецъ и даже составлено нѣчто въ родѣ оды, кончавшейся, однако далеко не поэтически:

Но нравъ его разслабленный
Такъ жидокъ и мучнистъ,
Что въ лавръ его самъ просится
Александрійскій листъ.

Но наибольшимъ успѣхомъ пользовались на литературно-гастрономическихъ собраніяхъ потѣшно-карикатурныя поэмы Дружинина и забавнаго Логинова, вызывавшія взрывы хохота. О политикѣ, о «камерахъ присяжныхъ и матеріяхъ важныхъ» тутъ почти и не заикались.

— Ну, что это, господа! — говорилъ съ оттѣнкомъ подавленной досады Дружининъ, когда завязывался при немъ споръ о политикѣ. — И охота вамъ поднимать такіе скучные предметы! Гораздо лучше поговоримъ о дамахъ.

И говорили о дамахъ.

Гости Тургенева иногда сговаривались и устраивали для него обѣдъ въ складчину со всѣми «операми»: съ зернистой икрой, съ шампанскимъ, съ застольными рѣчами и всякими шутливыми экспромтами. Въ одинъ изъ такихъ обѣдовъ, послѣ обильныхъ тостовъ во славу Тургенева, обильно запиваемыхъ шампанскимъ, Тургеневъ поднялся во весь свой богатырскій ростъ и, указывая на молчаливо сидѣвшаго М. Языкова, возгласилъ:

— Господа, позвольте просить вашего вниманія. Вы видите; М. А. Языковъ желаетъ говорить.

Послышались крики:

— Языковъ! Языковъ желаетъ сказать спичъ!

Языковъ поднялъ бокалъ и серьезнымъ тономъ сказалъ:

Хотя мы спичемъ и не тычемъ,
Но чтобъ не быть разбиту параличемъ....

и сѣлъ. Раздался дружный продолжительный хохотъ. А это только и требовалось. Поэту Фету, присутствующему однажды на обѣдѣ, не захотѣлось ударить лицомъ въ грязь по части поэзіи, и, вынувъ записную книжку и написавъ на колѣняхъ четверостишіе, онъ громко прочелъ:

Поднять бокалъ въ честь дружнаго союза
Къ Тургеневу мы нынче собрались.
Надѣнь ему вѣнокъ, шалунья муза,
Надѣнь и улыбнись.

Тургеневъ не остался въ долгу и отвѣтилъ:

Всѣ эти похвалы едва ль ко мнѣ придутся,
Но вы одно за мной признать должны:
Я Тютчева заставилъ разстегнуться
И Фету вычистилъ штаны *).

Дружный гомерическій хохотъ былъ отвѣтомъ им провизатору

XIII.

Такъ жили и проводили свои досуги тогдашніе боги русскаго Олимпа, куда, благодаря Тургеневу, вошелъ свободно, какъ свой къ своимъ, и Л. Н. Толстой. Онъ былъ моложе всѣхъ годами, но богаче всѣхъ силами, чувствами и надеждами. Кавказъ, Дунай, Севастополъ, военно-боевая жизнь съ ея яркими впечатлѣніями, феноменальный успѣхъ въ литературѣ — все это не могло не отразиться на натурѣ гр. Л. Н. Толстого, и безъ того обильной внутренними процессами. Неутолимая жажда исключительнаго счастья, исключительнаго

*) Намекъ на курьезной эпизодъ: спускаясь однажды по лѣстницѣ съ А. А. Фетомъ, Тургеневъ вдругъ нагнулся и провелъ рукою по ногѣ Фета. Фетъ вскрикнулъ отъ неожиданности. Тургеневъ сказалъ, что хотѣлъ убѣдиться, подбиты ли кожей рейтузы Фета, бывшаго тогда офицеромъ. „Мои воспоминанія“ А. А. Фета.

положенія въ мірѣ, юношеская мечта стать выше всѣхъ, лучше всѣхъ, сильнѣе и знаменитѣе всѣхъ людей Стараго и Новаго Свѣта, мечта о «драгоцѣннѣйшей жемчужинѣ», временно притаившаяся въ трудностяхъ походной жизни, — снова ярко вспыхнула въ молодомъ сердцѣ. Вотъ она гдѣ — его драгоцѣнная жемчужина, въ литературѣ, во всемірной славѣ, въ безпримѣрномъ вліяніи на людей.

Темлякъ съ анненской лентой, щегольство и модная прическа — все это были только орнаменты кипѣвшей молодости; главная же цѣль жизни сосредоточилась на писательской славѣ, разливающейся широкимъ потокомъ по лицу всей земли. Л. Толстой въ то время былъ уже авторомъ «Дѣтства и Отрочества», «Набѣга», «Записокъ маркера» и таилъ въ себѣ зачатки великихъ произведеній.

Тургеневъ всегда тянулся къ молодежи и любилъ бывать воспріемникомъ всякаго новаго дарованія. Тутъ же еще присоединились и обаятельная личность Л. Н. Толстого, и его выдающееся дарованіе, и предшествующій интересъ, подготовленный разсказами графини Марьи Николаевны Толстой.

И Тургеневъ съ особеннымъ рвеніемъ отдался чувству дядьки, стараясь угостить молодого графа всѣми умственными деликатесами Петербурга. И первое время Л. Толстой чувствовалъ себя въ тургеневскомъ обществѣ, какъ на мягкихъ рессорахъ, охотно отдаваясь волнѣ заботливаго вниманія. Тургеневъ самъ признавался впослѣдствіи, что относился нѣкогда къ Л. Толстому, «какъ нянька старая».

Въ короткое время молодой графъ сдѣлался непремѣннымъ членомъ всевозможныхъ литературныхъ и артистическихъ собраній, обѣдовъ и вечеринокъ. Гдѣ только заводились въ Петербургѣ музы, тамъ ужъ видѣлась на почтенномъ мѣстѣ и статная фигура графа Л. Н. Толстого во всей его «комильфотности». Онъ фигурируетъ, какъ модное украшеніе, на литературномъ чтеніи у тогдашняго министра народнаго просвѣщенія князя Вяземскаго; онъ участвуетъ въ адресѣ отъ петербургскихъ литераторовъ московскому артисту М. Щепкину по случаю 50-лѣтія его служенія искусству; онъ красуется въ фотографической группѣ тогдашнихъ выдающихся писателей, но всего усерднѣе молодой писатель посѣщаетъ различныя вечеринки съ загородными поѣздками, картами и цыганками. Пристрастіе къ цыганкамъ — родъ недуга у Толстыхъ. Словомъ, казалось, что Л. Толстой не только завертѣлся въ колесѣ праздной столичной жизни, но и самъ превратился въ одну изъ спицъ этого колеса.

Но внутренній «бумерангъ», достигшій въ Л. Толстомъ извѣстной точки, скоро повернулся обратно. Прежде всего Л. Толстой почувствовалъ оскомину къ петербургскому Парнасу. И постепенно въ его отношеніяхъ въ кружку «Современника» начало пробиваться пламя оппозиціи. Петербургскій литературный міръ, съ его буржуазной жизнью, вздутыми самолюбіями и однородными редакціонными интересами, скоро пріѣлся молодому писателю. Онъ сталъ охотнѣе посѣщать всякія частныя собранія, гдѣ могъ непосредственно отдаваться призывамъ своей непосредственной натуры.

И когда ему ужъ нельзя было, не нарушая приличій, избѣгнуть какой-нибудь чаши въ кружкѣ литераторовъ, онъ дѣлалъ гримасу и говорилъ съ досадливымъ выраженіемъ:

— Опять въ литера-туррр-ный кружокъ!

Скоро начала давать замѣтныя трещины и скороспѣлая дружба съ Тургеневымъ.

Поэтъ Фетъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ скорости послѣ Л. Толстого, засталъ уже листопадъ дружбы. Придя однажды утромъ къ Тургеневу, онъ увидѣлъ въ передней полусаблю съ анненской лентой.

— Что эта за сабля? — спросилъ онъ у слуги.

— Это графа Толстого, и они у насъ въ гостиной ночуютъ, — отвѣтилъ слуга.

Имя графа Толстого было тогда для Фета только звукомъ. Но Тургеневъ сейчасъ же заговорилъ съ гостемъ о Л. Н. Толстомъ и, указывая глазами на дверь, сказалъ, понизивъ голосъ:

— Вотъ такъ все время: вернулся изъ Севастополя съ батареи, остановился у меня и пустился во вся тяжкія. Кутежи, цыгане и карты всю ночь, а затѣмъ до двухъ часовъ спитъ, какъ убитый. Старался удерживать его, но теперь махнулъ рукой.

Ясно было, что медовый мѣсяцъ дружбы между Тургеневымъ и Толстымъ былъ на исходѣ.

Тургеневъ признается Фету, что дѣлалъ попытку образумить Л. Толстого, но махнулъ рукой. Значитъ, уже была какая-то сцена, въ которой Л. Толстой велъ себя такъ, что Тургеневъ почелъ за лучшее «махнуть рукой».

XIV.

Но это было легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Что-то болѣе властное мѣшало Тургеневу и ближе сойтись съ Л. Толстымъ и отойти отъ него. Между ними постоянно что-то вспыхивало и съ особенной силою, когда они бывали на людяхъ. Казалось, что Л. Толстому доставляло особенно удовольствіе задѣть какънибудь Тургенева и всячески подчеркнуть свою независимость отъ него. Всѣмъ другимъ изъ кружка «Современника» Л. Толстой могъ, если не уступать въ спорахъ, то, расходясь во взглядахъ, сохранять спокойный тонъ. Такъ, между прочимъ, онъ съ первой же встрѣчи, что называется, «понелюбилъ» П. Анненкова, но никогда не выражалъ этого въ какой-нибудь колючей формѣ. Относительно же Тургенева молодой графъ какъ бы нарочно всегда выбиралъ самыя острыя стрѣлы, которыя тѣмъ больнѣе должны были ранить Тургенева, что Л. Толстой почти всегда при этомъ сохранялъ наружное спокойствіе. Тургеневъ же только въ хорошемъ настроеніи былъ находчивъ и силенъ въ діалектикѣ. Но какъ только его что-нибудь задѣвало, онъ соскакивалъ съ тона и бралъ визгливыя ноты. И странно было слушать, когда этотъ великанъ съ могучею красивою головою начиналъ вдругъ пискливо вскрикивать, бѣгать по комнатѣ и задыхаться. А Л. Толстой, сохраняя небрежно-спокойный видъ, съ

суровой сосредоточенностью бретера, пускалъ стрѣлу за стрѣлой. И стоило Тургеневу громко заявить о чемъ-нибудь принципіальномъ, чтобы Л. Толстой началъ доказывать противное, при чемъ онъ не только не признавалъ въ лицѣ Тургенева какого-нибудь авторитета по спорному вопросу, но какъ бы съ особеннымъ упоеніемъ кромсалъ и топталъ все, что такъ или иначе являлось авторитетомъ для Тургенева. Такъ, между прочимъ, было съ Пушкинымъ, Шекспиромъ и другими писателями, къ которымъ Л. Н. Толстой относился отрицательно, Тургеневъ же боготворилъ ихъ.

— Что если бы дверь отворилась, — спросилъ онъ однажды Фета:—и вмѣсто Аѳанасія вошелъ бы Шекспиръ? Что бы вы сдѣлали тогда?

— Я старался бы разсмотрѣть и запомнить его черты, — отвѣтилъ Фетъ.

— А я, — воскликнулъ Тургеневъ, — упалъ бы ничкомъ да такъ бы на полу и лежалъ.

Нѣчто въ родѣ этого было и съ Жоржъ-Зандъ. Для Тургенева Жоржъ-Зандъ, подъ вліяніемъ которой онъ находился добровольно и безсознательно, была своего рода иконой. И самъ онъ говорилъ не разъ:

— Жоржъ-Зандъ одна изъ нашихъ святыхъ.

Для Л. Тостого же Жоржъ-Зандъ тогда являлась отрицательной величиной.

При такихъ разныхъ точкахъ зрѣнія между Тургеневымъ и Л. Толстымъ неминуемо должны были происходить горячія стычки. Особенно часто возникали онѣ на квартирѣ Некрасова, гдѣ собирались главные участники «Современника». Спорили тутъ обо всемъ:

о Западѣ и Россіи, о поэзіи, о принципахъ и убѣжденіяхъ.

— Я не могу признать, — говорилъ Л. Толстой Тургеневу, — чтобы высказанное вами было вашими убѣжденіями. Я стою съ кинжаломъ или саблею въ дверяхъ и говорю: «пока я живъ, никто сюда не войдетъ». Вотъ это убѣжденіе. А вы другъ отъ друга стараетесь скрывать сущность вашихъ мыслей и называете это убѣжденіемъ.

Тургеневъ обличалъ и скептическій тонъ Л. Толстого и задѣвающій смыслъ сказаннаго.

— Зачѣмъ же вы къ намъ ходите? — задыхаясь и голосомъ, переходящимъ въ фальцетъ, вскрикивалъ Тургеневъ. — Здѣсь не ваше знамя. Ступайте къ княгинѣ Бѣлозерской-Бѣлосельской.

— Зачѣмъ мнѣ спрашивать у васъ, куда мнѣ ходить? И праздные разговоры ни отъ какихъ моихъ приходовъ не превратятся въ убѣжденія, — отвѣчалъ холодно Л. Толстой.

Д. Григоровичъ, участникъ панаевско-некрасовскихъ собраній и неподражаемый разсказчикъ въ лицахъ, передавалъ Фету со слезами смѣха на глазахъ:

— Вы себѣ представить не можете, какія тутъ были сцены. Ахъ, Боже мой! Тургеневъ пищитъ, пищитъ, зажметъ рукою горло и съ глазами умирающей газели прошепчетъ:

— Не могу больше. У меня бронхитъ.

И громадными шагами начинаетъ ходить вдоль трехъ комнатъ.

— Бронхитъ,—ворчитъ Толстой вслѣдъ:—бронхитъ воображаемая болѣзнь. Бронхитъ, — это металлъ.

Конечно, у хозяина Некрасова душа замираетъ: онъ боится упустить и Тургенева и Толстого, въ которомъ чуетъ капитальную опору «Современника», и приходится лавировать. Мы всѣ взволнованы, не знаемъ, что говорить. Толстой въ средней проходной комнатѣ лежитъ на сафьянномъ диванѣ и дуется, а Тургеневъ, раздвинувъ полы своего короткаго пиджака, съ заложенными въ карманы руками, продолжаетъ ходить взадъ и впередъ по всѣмъ тремъ комнатамъ. Въ предупрежніе катастрофы подхожу къ дивану и говорю:

«— Голубчикъ Толстой, не волнуйтесь. Вы не знаете, какъ онъ васъ цѣнитъ и любитъ.

«— Я не позволю ему, — говоритъ съ раздувающимися ноздрями Толстой, — ничего дѣлать мнѣ на-зло. Это вотъ онъ нарочно теперь ходитъ взадъ и впередъ мимо меня и виляетъ своими демократическими ляжками».

Допуская даже нѣкоторую поэзію въ передачѣ Григоровичемъ приведенной сцены, — основной тонъ все-таки остается мрачнымъ и зловѣщимъ. И этотъ тонъ дѣлается преобладающимъ въ дальнѣйшихъ отношеніяхъ между Тургеневымъ и Л. Толстымъ.

Даже пріѣхавъ вмѣстѣ, въ 1861 году, въ Лондонъ къ Герцену, Тургеневъ и Л. Толстой не пропускали ни одного случая, чтобы не рнуться въ горячій споръ и не наговорить другъ другу непріятныхъ вещей.

XV.

Д. Григоровичъ пробовалъ объяснить постоянныя вспышки между Тургеневымъ и Толстымъ раздраженіемъ послѣдняго противъ всего петербургскаго и его склонностью къ противорѣчію вообще.

«Какое бы мнѣніе ни высказывалось, — говорилъ Григоровичъ, — и чѣмъ авторитетнѣе казался Толстому собесѣдникъ, тѣмъ настойчивѣе подзадоривало его высказать противоположное и начать рѣзаться на словахъ. Глядя, какъ онъ прислушивался, какъ всматривался въ собесѣдника изъ глубины сѣрыхъ (?) глубоко запрятанныхъ глазъ и какъ иронически сжимались его губы, онъ какъ бы заранѣе обдумывалъ не прямой отвѣтъ, но такое мнѣніе, которое должно было озадачить, сразить своею неожиданностью собесѣдника... Въ спорахъ онъ доходилъ иногда до крайностей. Я находился въ сосѣдней комнатѣ, когда разъ начался у него споръ съ Тургеневымъ; услышавъ крики, я вошелъ къ спорившимъ. Тургеневъ шагалъ изъ угла въ уголъ, выказывая всѣ признаки крайняго смущенія; онъ воспользовался отворенной дверью и тотчасъ же скрылся. Толстой лежалъ на диванѣ, но возбужденіе его было настолько сильно, что стоило не мало труда его успокоить и отвести домой. Предметъ спора мнѣ до сихъ поръ остался незнакомъ.

«Зима эта была первою и послѣднею, проведенною Л. Н. Толстымъ въ Петербургѣ».

XVI.

Пишущему эти строки приходилось не разъ задумываться надъ непріязненными отношеніями двухъ любимыхъ писателей и дѣлать попытки завязать съ авторомъ «Войны и мира» пояснительную бесѣду о Тургеневѣ. И я долженъ сказать по совѣсти, что личность Тургенева являлась всегда въ изображеніи Льва Николаевича какъ бы заслоненной чѣмъ-то. Правда, Л. Толстой признавалъ за Тургеневымъ большія заслуги, какъ за писателемъ. Но какъ къ человѣку относился въ лучшихъ случаяхъ полуснисходительно.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Москвѣ жила семья Русановыхъ, которыхъ Левъ Николаевичъ охотно посѣщалъ. Самъ Г. А. Русановъ, бывшій членъ суда, вслѣдствіе паралича ногъ и рукъ много лѣтъ не выходилъ изъ комнаты. Но онъ живо интересовался жизнью во всѣхъ ея духовныхъ проявленіяхъ и относился къ Л. Н. Толстому съ трогательной нѣжностью. Онъ зналъ почти на память все написанное Л. Толстымъ и иногда, въ видѣ шутки, дѣлалъ какъ бы провѣрочные экзамены Льву Николаевичу.

— Вы очень остроумны, а чаю намъ не дадите? Откуда это, Левъ Николаевичъ? — спрашивалъ Русановъ.

Л. Н. выражалъ недоумѣніе. Русановъ объяснялъ, что изъ «Анны Карениной», и спокойно-ласковымъ тономъ начиналъ разспрашивать Льва Николаевича о его жизни и работахъ. И нигдѣ, кажется, Толстой не бы-

валъ въ такомъ товарищески-непринужденномъ настроеніи, какъ у Русановыхъ.

Милѣйшій Гаврила Андреевичъ умѣлъ какъ-то особенно аппетитно разспрашивать, а его жена, Антонина Алексѣевна, являвшая рѣдкій образецъ духовной красоты, умѣла особенно хорошо слушать.

Какъ-то вечеромъ, за чайнымъ столомъ у Русановыхъ, зашла рѣчь и о Тургеневѣ. Нѣсколько растягивая слова и любовно поглядывая на Льва Николаевича своими свѣтлыми глазами, Г. А. Русановъ спросилъ:

— А вы, Левъ Николаевичъ, вѣдь не особенно, кажется, высоко ставите Тургенева, какъ романиста?

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтилъ съ готовностью Л. Н. Толстой. — Какъ романистъ онъ мнѣ никогда особенно не нравился, даже и во дни молодости. Иногда я даже удивлялся, какъ могъ такой умный, многосторонне образованный и талантливый человѣкъ, какъ Тургеневъ, писать такія незначительныя вещи, какъ нѣкоторыя его повѣсти... Недавно кто-то сравнилъ Тургенева съ Диккенсомъ. Какъ это можно сравнивать мышь съ горою? Не нравился мнѣ и Рудинъ Тургенева, которымъ, помню, многіе восхищались. Я слышалъ Рудина въ чтеніи самого Тургенева. Онъ читалъ эту повѣсть какъ-то послѣ обѣда у Некрасова. На чтеніи присутствовали: Анненковъ, Дружининъ, Григоровичъ, Некрасовъ, конечно, затѣмъ еще кажется... кажется, Гончаровъ и Фетъ... Впрочемъ, хорошо не помню. Но помню, что и тогда мнѣ не нравилось въ повѣсти Тургенева именно то, что я всегда считалъ у него слабой стороною, — это романическій элементъ. Искусственно

и ненужно все это. Вообще Тургеневъ былъ престранный человѣкъ. Такъ, между прочимъ, меня всегда удивляла въ немъ его боязнь смерти. Я не могъ понять, какъ онъ не б о я л с я б о я т ь с я смерти. Однажды онъ заспорилъ о религіи съ княземъ Урусовымъ — Леонидомъ Дмитріевичемъ. И странно было слышать, какъ Тургеневъ—человѣкъ многосторонне образованный—не могъ возразить Урусову на его доводы, а, закрывши уши и дѣлая видъ, что смѣшиваетъ Урусова съ Трубецкимъ, — закричалъ своимъ фальцетомъ (подражая голосу Тургенева): «Уберите отъ меня этого князя Трубецкого. Я не могу болѣе слушать его...»

— Были у Тургенева и комическія черты, — продолжалъ разсказывать Толстой. — Въ каждой красивой дѣвушкѣ или женщинѣ онъ видѣлъ какъ бы ключъ премудрости. Вотъ ее, молъ, надо послушать. Въ ней именно есть все то, что нужно...

Л. Толстой задумался на минуту, какъ бы погружаясь мыслью въ минувшее, и продолжалъ говорить о Тургеневѣ:

— А однажды Тургеневъ пресерьезно увѣрялъ, будто графиня Ламздорфъ просила его: б ы т ь в ѣ р у ю щ и м ъ. И взяла съ него слово, что онъ будетъ молиться Богу. «И я молюсь, — говаривалъ Тургеневъ, — каждый день хоть немного, а возьму и помолюсь». Но что всегда меня смѣшило...

Толстой неожиданно фыркнулъ и расхохотался.

— Вы только представьте себѣ, — сказалъ онъ, съ заблестѣвшими отъ влаги глазами, — фигуру Тургенева, стоявшаго въ углу съ колпакомъ на головѣ. А онъ

увѣрялъ, что продѣлывалъ это надъ собой, когда, бывало, провинится въ чемъ-нибудь. Возьметъ, будто бы, высокій-высокій колпакъ, надѣнетъ на голову и поставитъ себя въ уголъ. Поставитъ и стоитъ...

Кто-то изъ присутствующихъ подтвердилъ исторію о тургеневскомъ колпакѣ, записанную Я. Полонскимъ со словъ самого Тургенева.

— Такая однажды тоска напала на меня въ Парижѣ, — разсказывалъ Тургеневъ, — что не зналъ, что мнѣ дѣлать и куда мнѣ дѣваться. Сижу я у себя дома да гляжу на сторы, а сторы были раскрашены, разные были на нихъ узоры, очень пестрые. Вдругъ пришла мнѣ въ голову мысль. Снялъ я стору, оторвалъ раскрашенную матерію и сдѣлалъ себѣ изъ нея длинный— аршина въ полтора—колпакъ. Горничныя помогли мнѣ, подложили каркасъ, подкладку, и, когда колпакъ былъ готовъ, я надѣлъ его себѣ на голову, сталъ носомъ въ уголъ и стою... Вѣришь ли, тоска стала проходить, мало-по-малу водворился какой-то покой, наконецъ мнѣ стало весело.

— А сколько тогда было лѣтъ тебѣ? — спросилъ Полонскій.

— Да этакъ около 29-ти. Но я это и теперь иногда дѣлаю. Колпакъ этотъ я берегу,— онъ у меня цѣлъ. Мнѣ даже очень жаль, что я его сюда съ собой не взялъ.

Начали еще говорить о Тургеневѣ.

Но лучъ веселья исчезъ съ лица Льва Николаевича.

— Да, да, — сказалъ онъ уже инымъ, серьезнымъ

томъ. — Но все это мелочи! Заслуги Тургенева все-таки велики. Его охотничьи разсказы навсегда останутся драгоцѣннымъ вкладомъ въ русскую литературу. Я всегда высоко ихъ цѣнилъ. И тутъ никто изъ насъ съ нимъ сравниться не можетъ. Возьмите его Живыя Мощи, Бирюка и др. Все это безподобныя вещи. А его картины природы! Это настоящіе перлы, недосягаемые ни для кого изъ писателей...

Нѣкоторымъ изъ слушающихъ показалось, однако, что послѣднія одобрительныя слова о Тургеневѣ Л. Н. произнесъ торопливо, какъ бы спохватившись и радуясь, что можетъ дать дорогу хорошему чувству.

«Настоящіе перлы, недосягаемые ни для кого изъ писателей».

Зная, однако, что эти перлы извлекаются только изъ глубины человѣческаго сердца и что отдѣлить писателя отъ человѣка такъ же невозможно, какъ цвѣтокъ отъ его аромата, — зная все это лучше, чѣмъ кто-либо, Толстой все-таки почти всегда отдѣлялъ Тургенева отъ автора «Записковъ Охотника». Но такова ужъ призма личной непріязни, всегда искривляющая истинныя линіи вещей.

Вообще почти весь петербургскій періодъ конца пятидесятыхъ годовъ, періодъ толстовскихъ тріумфовъ и дружбы съ Тургеневымъ, авторъ «Войны и мира» вспоминаетъ безрадостно, не находя ни для кого изъ участниковъ минувшаго ни привѣтливой улыбки, ни дружескаго вздоха. Вотъ его собственное признаніе о «петербургскомъ періодѣ».

XVII.

«Двадцати шести лѣтъ я пріѣхалъ послѣ войны въ Петербургъ и сошелся съ писателями. Меня приняли, какъ своего, льстили мнѣ. И я не успѣлъ оглянуться, какъ сословные писательскіе взгляды на жизнь тѣхъ людей, съ которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мнѣ всѣ мои прежнія попытки сдѣлаться лучше. Взгляды эти подъ распущенность моей жизни подставили теорію, которая ее оправдала.

«Взгляды на жизнь этихъ людей, моихъ сотоварищей по писанію, состояли въ томъ, что жизнь вообще идетъ развиваясь и что въ этомъ развитіи главное участіе принимаемъ мы, люди мысли, а изъ людей мысли главное имѣемъ мы—художники, поэты. Наше призваніе—учить людей. Для того же, чтобъ не представился тотъ естественный вопросъ самому себѣ: что я знаю и чему мнѣ учить,—въ теоріи этой было выяснено, что этого и не нужно знать, а что художникъ и поэтъ безсознательно учатъ. Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ, и потому мнѣ очень естественно было усвоить эту теорію. Я—художникъ, поэтъ—писалъ и училъ, самъ не зная чему. Мнѣ за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, помѣщеніе, женщины, общество: у меня была слава. Стало быть, то, чему я училъ, было очень хорошо.

«Вѣра эта въ значеніе поэзіи и въ развитіе жизни

была вѣра, и я былъ однимъ изъ жрецовъ ея. Быть жрецомъ ея было очень пріятно и выгодно. И я довольно долго жилъ въ этой вѣрѣ, не сомнѣваясь въ ея истинности... Но затѣмъ я убѣдился, что почти всѣ жрецы этой вѣры, писатели, были люди безнравственные, и, въ большинствѣ, плохіе, ничтожные по характерамъ—много ниже тѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ моей прежней разгульной жизни, — но самоувѣренные и довольные собой, какъ только могутъ быть довольны люди совсѣмъ святые или такіе, которые не знаютъ, что такое святость. Люди эти мнѣ опротивѣли, и самъ себѣ я опротивлъ, и я понялъ, что вѣра эта—обманъ.

— «Но странно то, что, хотя всю эту ложь вѣры я понялъ скоро и отрекся отъ нея, но отъ чина, даннаго мнѣ этими людьми, — отъ чина художника, поэта, учителя, — я не отрекся. Я наивно воображалъ, что я—поэтъ, художникъ и могу учить всѣхъ, самъ не зная, чему я учу. Я такъ и дѣлалъ.

«Изъ сближенія съ этими людьми я вынесъ новый порокъ —до болѣзненности развившуюся гордость и сумасшедшую увѣренность въ томъ, что я призванъ учить людей, самъ не зная, чему.

«Теперь, вспоминая объ этомъ времени, о своемъ настроеніи тогда и настроеніи тѣхъ людей, мнѣ и жалко, и странно, и смѣшно; возникаетъ именно то чувство, которое испытываешь въ домѣ сумасшедшихъ».

XVIII.

Этотъ безпощадный приговоръ петербургскому періоду и кружку «Современника» былъ произнесенъ въ 1879-мъ г., т.-е. почти черезъ четверть вѣка. Правда, произнесенъ онъ въ дни покаянія, когда душа, захваченная стремленіемъ къ совершенству, способна въ своемъ святомъ рвеніи взваливать на себя всякое бремя, лишь бы оно было потяжелѣе. Но горькая отрыжка, которой проникнуты всѣ эти покаянныя строки, даетъ все-таки многозначительный намекъ на отношенія между Тургеневымъ и Л. Толстымъ.

Вмѣсто пламенныхъ пророковъ и учителей, къ которымъ рвалась мятущаяся душа молодого писателя, онъ встрѣтилъ людей буржуазныхъ, довольныхъ собою и ничтожныхъ по характерамъ. И они ему опротивѣли. Тутъ и вся разгадка. Осюда и всѣ тѣ рѣзкія толстовскія выходки, которыя такъ смущали участниковъ «Современника». Они ему опротивѣли, а онъ долженъ былъ съ ними обѣдать, либеральничать и ради пищеваренія поднимать жгучіе вопросы. И его раздраженное чувство то и дѣло прорывалось въ желчныхъ выходкахъ.

Къ Тургеневу же Толстой особенно придирался, потому что Тургеневъ былъ одареннѣе и образованнѣе другихъ. И тѣмъ сильнѣе раздражалъ Л. Толстого. Не надо забывать, что авторъ «Дѣтства и отрочества» вѣдь и въ 1855-мъ году былъ Львомъ Толстымъ,

носившимъ въ своей душѣ неудержимый напоръ бушующихъ силъ противъ всего ординарнаго; Тургеневъ же, по его собственному признанію, всегда былъ и остался «постепеновцемъ» и принципіальнымъ противникомъ всякихъ вулканическихъ переворотовъ.

И какъ похоже на Л. Толстого его первое посѣщеніе Панаевыхъ. По дорогѣ къ Панаевымъ заботливый Григоровичъ все время предварялъ Л. Толстого не поднимать у Панаевыхъ нѣкоторыхъ щекотливыхъ вопросовъ, представляющихъ больное мѣсто у Панаевыхъ. Особенно не трогать ихъ тогдашнюю святыню—Жоржъ-Зандъ. Л. Толстой ничего не обѣщалъ Григоровичу. Но какъ только у Панаевыхъ за столомъ коснулась рѣчь такъ называемаго жоржъ-зандства, Л. Толстой, къ горестному недоумѣнію Григоровича, страстно заговорилъ именно о томъ, о чемъ Григоровичъ предварялъ Л. Толстого не говорить у Панаевыхъ. Прежде всего Л. Толстой доказывалъ, что героинь жоржъ-зандскихъ романовъ не могло быть въ жизни.

— А ежели бы онѣ существовали въ дѣйствительности, — говорилъ онъ, — то ихъ слѣдовало бы ради назиданія привязать къ позорной колесницѣ и возить по петербургскимъ улицамъ.

Достойно вниманія, что большинство сотрудниковъ «Современника», прекрасно понимавшіе и тонко трактовавшіе «желчь и досаду» Чацкаго, протестующіе размахи Л. Толстого цѣликомъ заносили на текущій счетъ его несдержанности и своего рода чудачества. И ничего на свой счетъ. Можно сказать съ

достовѣрностью, что Тургеневъ даже и умеръ, не понимая Толстого, какъ такового, то-есть видя и признавая его только съ одной стороны — съ эстетической. Другую же, наиболѣе характерную его сторону, откуда все остальное вытекало, Тургеневъ не видѣлъ, не признавалъ и всегда нѣсколько свысока игнорировалъ, какъ нѣчто напускное и переходное.

«Когда это молодое вино перебродитъ, выйдетъ напитокъ, достойный боговъ», говорилъ о Толстомъ въ 1856 г. Тургеневъ, считая временно-бродильнымъ состояніемъ именно то, что являлось сердцевиной толстовской личности. И это отношеніе сквозитъ вездѣ, на всемъ протяженіи многолѣтняго знакомства Тургенева съ Толстымъ. И особенно чувствительно это должно было задѣвать сильно развитое самолюбіе молодого графа, который въ свою очередь уязвлялъ чувствительное къ обидѣ сердце Тургенева. Не могло безслѣдно пройти и явное равнодушіе Л. Толстого къ «Рудину», котораго Тургеневъ цѣнилъ очень высоко. Словомъ, и съ той, и съ другой стороны, не было, мнѣ думается, самаго главнаго: осторожнаго отношенія къ самой чувствительной струнѣ человѣческаго сердца — къ чувству личнаго достоинства.

Иногда кажется даже неправдоподобнымъ, какъ могли эти деликатные, эти тонко чувствующіе и хорошо воспитанные люди проявлять одинъ относительно другого такъ мало чутья и уваженія. Кромѣ того, у Тургенева было еще одно свойство — нѣчто въ родѣ душевныхъ п е р е б о е в ъ. Въ пылу раздраженія или въ увлеченіи шуткой онъ соскакивалъ съ душевнаго тем-

па и бралъ топъ, осложнявшій отношенія къ людямъ. Такъ, между прочимъ, заглазными шутками надъ домашней жизнью Альфонса Додэ Тургеневъ нанесъ глубокую рану сердцу своего знаменитаго друга.

Во время этихъ перебоевъ въ Тургеневѣ точно заскакивала какая-то пружина, онъ значительно мелѣлъ и тускнѣлъ, превращаясь изъ блестяще образованнаго русскаго барина съ тонкимъ умомъ и изящнымъ вкусомъ въ какого-то чудака со всякими причудами. Близко знавшіе Тургенева приводятъ немало курьезныхъ выходокъ со стороны Тургенева.

Такъ, между прочимъ, Тургеневъ иногда пресерьезно увѣрялъ, что темя его въ дѣтствѣ не вполнѣ заросло и что будто мозгъ его, на томъ мѣстѣ, гдѣ небольшая впадина, сверху прикрытъ только одной кожей.

— Когда я еще былъ въ пансіонѣ, школьникомъ, — говорилъ Тургеневъ,—всякій разъ, когда кто-нибудь изъ товарищей пальцемъ тыкалъ мнѣ въ темя, со мной дѣлалась дурнота или головокруженіе, и такъ какъ дѣтскій возрастъ не знаетъ жалости, то иные нарочно придавливали мнѣ темя и заставляли меня чуть не падать въ обморокъ...

Впрочемъ, можетъ быть, Тургеневъ былъ отчасти и правъ на этотъ счетъ; врачи, дѣлавшіе изслѣдованіе послѣ смерти Тургенева, нашли, что черепная кость его очень тонка. И, можетъ быть, на темени она была и дѣйствительно еще тоньше, такъ что и могла давать знать о себѣ при сильномъ пажатіи.

Будучи мнительнымъ, Тургеневъ очень боялся мно-

гихъ вещей и въ особенности холеры, переживая всякій разъ мучительную лихорадку, когда гдѣ-нибудь вблизи появлялась эта страшная гостья.

XIX.

Однажды Тургеневъ прочелъ въ газетахъ, — разсказываетъ Полонскій, — что въ Брянскѣ холера. И прощай веселость, остроты, смѣхъ. Блѣдный, позеленѣлый Тургеневъ говорилъ:

— Ну, теперь я не живу, теперь я только двигающаяся, несчастная машина.

Само слово «холера» производило на Тургенева нѣчто въ родѣ паники, поглощало всѣ его мысли и дѣлало почти помѣшаннымъ. Онъ не спалъ по ночамъ и ни о чемъ, кромѣ холеры, не думалъ.

— Странный ты человѣкъ, Иванъ, — говорилъ ему Полонскій, — вѣдь холера, если она и есть, въ 300 верстахъ отъ насъ.

— Это все равно, — отвѣчалъ Тургеневъ разслабленнымъ голосомъ, — хотя бы въ Индіи... Запала въ меня эта мысль, попало это слово на языкъ и — кончено. Первое, что я начинаю чувствовать, это судороги въ икрахъ, точно такъ какъ кто-нибудь на клавишахъ играетъ. Какъ я могу это остановить — не могу, а это разливаетъ по всему тѣлу тоску и томленіе невыразимое. Начинаетъ сосать подъ ложечкой, я почи

не сплю, со мной дѣлаются обмиранія... И затѣмъ раз-
страивается желудокъ. Мысль, что меня вотъ-вотъ за-
хватитъ холера, ни на минуту не перестаетъ меня свер-
лить, и что бы я ни думалъ, о чемъ бы ни говорилъ,
какъ бы ни казался спокоенъ, въ мозгу постоянно
вертится: холера, холера, холера... Я, какъ су-
масшедшій, даже олицетворяю ее: она мнѣ представляет-
ся въ видѣ какой-то гнилой, желто-зеленой, вонючей
старухи. Когда въ Парижѣ была холера, я чувствовалъ
ея запахъ: она пахнетъ какой-то сыростью, грибами
и старымъ, давно покинутымъ, дурнымъ мѣстомъ. И
я боюсь, боюсь, боюсь... И не страшное ли дѣло, я
боюсь не смерти, а именно холеры... Я не боюсь ни-
какой другой болѣзни, никакой другой эпидеміи: ни
оспы, ни тифа, ни даже чумы... Одолѣть же этотъ
холерный страхъ—внѣ моей воли. Тутъ я безсиленъ.
Это такъ же странно, какъ странно то, что извѣстный
герой кавказскій Слѣпцовъ боялся пауковъ; если въ
комнатѣ его появлялся паукъ, съ нимъ дѣлалось дурно.
Другіе боятся мышей, иные—лягушекъ. Бѣлинскій не
могъ видѣть не только змѣи, но ничего извивающагося.

— Да, — возразилъ Полонскій, — но какъ скоро у
нихъ не было на глазахъ ни паука, ни змѣи, ни ля-
гушки—они были спокойны.

— Это нельзя сравнивать: противъ того, другого
третьяго — въ нашей власти взять предосторожности,
можно сдѣлать такъ, что паукъ въ комнатѣ будетъ не-
возможенъ. Противъ всего можно принять мѣры, а
какія мѣры могу принять я противъ возможности за-
болѣть холерой? — Никакихъ.

Новая телеграмма, что въ Брянскѣ холера увеличилась и что недостаетъ врачей, окончательно повергла Тургенева въ панику. Онъ уже ни о чемъ не могъ говорить, кромѣ холеры и тѣхъ ощущеній въ тѣлѣ, которыя онъ преувеличивалъ и принималъ за признаки начинающейся болѣзни.

Самый видъ его сдѣлался какой-то растерянный: онъ какъ бы обрюзгъ и осунулся.

Только спустя недѣлю, когда даже и въ Брянскѣ не оказалось уже ни одного холернаго, Тургеневъ успокоился, могъ опять спорить, говорить и читать.

XX.

Зимой и лѣтомъ, во избѣжаніе простуды, Тургеневъ носилъ фуфайки и такъ вѣрилъ въ ихъ чудесное свойство, что никакими доводами нельзя было разувѣрить въ ихъ безполезности. Однажды Полонскій посовѣтовалъ Тургеневу носить фуфайку не на тѣлѣ, а сверхъ ночной рубашки.

Тургеневъ поднялъ брови, недоумѣвающе поглядѣлъ на своего друга и сказалъ:

— Это было бы такъ же полезно, какъ если бы воробей пролетѣлъ у тебя надъ головой.

— То-есть не было бы достаточно тепло? Ну, въ такомъ случаѣ, надѣвай двѣ фуфайки.

— А это было бы такъ же полезно, какъ если бы два воробья пролетѣли у тебя надъ головой.

И Тургеневъ сталъ доказывать, почему шерсть полезно носить именно на тѣлѣ и не столько зимой, сколько лѣтомъ, въ самое жаркое время.

Съ Фетомъ у Тургенева тоже возникали иногда прекурьезныя пренія. Однажды, во время охотничьяго сезона, они, проснувшись, заспорили въ темнотѣ о томъ, почему идутъ часы. Фетъ утверждалъ:

— Въ часахъ съ гирями движущей силой является тяготѣніе, а въ карманныхъ — стремленіе насильно закрученной пружины развернуться до прежняго положенія.

Тургеневъ съ хохотомъ воскликнулъ:

— Ахъ, какой онъ вздоръ говоритъ! Раскройте, батюшка, любые часы, и вы увидите прыгающій маятникъ, движимый волоскомъ. Этотъ-то волосокъ посредствомъ маятника и заставляетъ двигаться часы.

Фетъ сказалъ, что волосокъ выходитъ причиною самого себя. На это Тургеневъ возражалъ, что такою же причиною самого себя является и пружина. И споръ прекратился только тогда, когда Фетъ обратилъ вниманіе, что незаведенные ключомъ часы продолжаютъ упорно стоять, невзирая ни на какое раскачиваніе маятника.

XXI.

Однажды за утреннимъ чаемъ, — разсказываетъ г-жа Панаева, — Тургеневъ, сидя въ своей охотнической курткѣ съ зеленымъ воротникомъ, разносилъ вмѣстѣ съ такъ называемымъ «обоюдуострымъ» В. Боткинымъ Некрасова за его неэстетическіе стихи.

Некрасовъ ходилъ по комнатѣ понуря голову, вдругъ остановился и сказалъ:

— Вы, господа, можетъ быть, и правы съ строгой точки эстетическаго взгляда на мои стихи. Но вы забыли одно, что каждый писатель передаетъ то, что онъ глубоко прочувствовалъ. Такъ какъ мнѣ выпало на долю съ дѣтства видѣть страданія русскаго мужика отъ холода, голода и всякихъ жестокостей, то мотивы для моихъ стиховъ я беру изъ ихъ среды.

Некрасовъ проговорилъ все это взволнованнымъ голосомъ и, зашагавши опять по комнатѣ, добавилъ:

— Пусть не читаетъ моихъ стиховъ свѣтское общество, я не для него пишу.

— Значитъ, ты, любезный другъ, пишешь для русскаго мужика, но вѣдь онъ безграмотенъ! — язвительно замѣтилъ Боткинъ.

— Мнѣ лучше тебя извѣстно, что есть много грамотныхъ мужиковъ, да и скоро русскій народъ поголовно будетъ грамотенъ, несмотря на то, что у него нѣтъ учителей.

— И будетъ выписывать «Современникъ»? — спросилъ Тургеневъ.

Некрасовъ смутился и прекратилъ ходьбу.

— Браво, браво, Тургеневъ! — воскликнулъ Боткинъ.

— Я васъ еще болѣе потѣшу и удивлю, — возразилъ Некрасовъ, — если выскажу вамъ свою откровенную мысль, что мое авторское самолюбіе вполнѣ было бы удовлетворено, если бы, хотя послѣ моей смерти, русскій мужикъ читалъ бы мои стихи!

XXII.

Поддаваясь чаще, чѣмъ кто-либо, не столько настроеніямъ минуты, сколько игрѣ ума, Тургеневъ иногда впадалъ въ преувеличеніе и говорилъ въ сущности противъ самого себя и своего сердца. И допустимо, что это свойство Тургенева не разъ играло роль дрожжей въ тургеневско-толстовскихъ отношеніяхъ. На это прямо указываетъ и жена Панаева, утверждая, что появленіе въ Петербургѣ Л. Н. Толстого служило не разъ мишенью для острыхъ тургеневскихъ стрѣлъ. Послѣ знакомства съ Л. Н. Толстымъ Тургеневъ будто бы такъ резюмировалъ свое впечатлѣніе:

— Ни одного слова, ни одного движенія въ Толстомъ нѣтъ естественнаго. Онъ вѣчно рисуется. И я

затрудняюсь, какъ объяснить въ умномъ человѣкѣ эту кичливость своимъ захудалымъ графствомъ.

Какъ-то авторъ «Дѣтства и отрочества» разсказывалъ у Панаевыхъ нѣкоторые сильные эпизоды, случавшіеся съ нимъ на войнѣ. Когда онъ ушелъ, Тургеневъ сказалъ:

— Хоть три дня въ щелокѣ вари русскаго офицера, а не вываришь изъ него юнкерскаго ухарства; какимъ лакомъ образованности ни отполируй такого субъекта, все-таки въ немъ просвѣчиваетъ звѣрство. И все это звѣрство, какъ подумаешь, изъ одного желанія получить отличіе...

И вотъ, допуская, что услужливые люди могли передавать (да еще съ украшеніями) Л. Н. Толстому отзывы о немъ Тургенева, становятся понятными возникавшія между ними шероховатости.

Словомъ, скороспѣлая ихъ дружба скоро покрылась ржавчиной. И какъ ни старались Тургеневъ и Л. Н. Толстой устранить эту ржавчину, она черезъ нѣкоторое время вновь появлялась. Наконецъ постоянныя стычки между Тургеневымъ и Толстымъ привели ихъ къ явному охлажденію. Они начали избѣгать другъ друга и разстались, какъ чужаки, «съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ».

Тургеневъ впослѣдствіи объяснялъ это тѣмъ, что они слѣплены изъ разной глины. Другіе объясняли это иначе. Старшій братъ Льва Николаевича, гр. Николай Николаевичъ Толстой, однажды такъ выразился по этому поводу:

— Тургеневъ не можетъ примириться съ мыслью,

что маленькій Левъ становится самостоятельнымъ и перестаетъ уже нуждаться въ опекѣ Тургенева.

Нѣкоторые считаютъ это какъ бы поклепомъ на Тургенева и приводятъ собственныя слова Тургенева, высказанныя имъ въ письмѣ къ Л. Н. Толстому:

«Мои вещи могли вамъ нравиться и, можетъ быть, имѣли нѣкоторое вліяніе на васъ только до тѣхъ поръ, пока вы сами не сдѣлались самостоятельны. Теперь вамъ меня изучать нечего, вы видите только разность манеры, видите промахи и недомолвки; вамъ остается изучать человѣка, свое сердце и дѣйствительно великихъ писателей. А я писатель переходнаго времени и гожусь только для людей, находящихся въ переходномъ состояніи... Если вы не свихнетесь съ дороги, вы очень далеко уйдете. Желаю вамъ здоровья, дѣятельности свободы, свободы духовной». (Парижъ, 1856, XI, 16).

Все это какъ-будто исключаетъ всякую мысль о справедливости намека гр. Н. Н. Толстого. Нельзя же одновременно и желать писателю истинной свободы и сожалѣть, что онъ ускользаетъ изъ-подъ опеки. И тѣмъ не менѣе мысль гр. Н. Н. Толстого въ основѣ своей не лишена извѣстной дозы правдивости. Она только выражена неясно. Объ опекѣ надъ Л. Н. Толстымъ, какъ надъ писателемъ, Тургеневъ, разумѣется, не могъ и думать. Съ первыхъ же шаговъ Л. Н. Толстого въ литературѣ Тургеневъ призналъ за нимъ «талантъ первостепенный».

«Очень радъ я успѣху «Отрочества», — писалъ онъ въ 1854 году, т.-е. не будучи еще лично знакомъ съ Л. Н. Толстымъ. — Дай только Богъ Толстому пожить,

а онъ, я твердо надѣюсь, еще удивитъ насъ всѣхъ — это талантъ первостепенный».

Все это такъ.

Но когда Л. Н. Толстой пріѣхалъ въ Петербургъ, Тургеневъ, будучи и старше и опытнѣе Л. Н. Толстого, не могъ, при своей любвеобильной натурѣ не поддаться чувству любящаго дядьки, заботящагося объ успѣхахъ и благополучіи своего любимца. Наконецъ, самъ Николай Николаевичъ заявляетъ, что маленькій Левъ перестаетъ нуждаться въ опекѣ Тургенева. Значитъ, нѣкогда нужда въ опекѣ *была*. И Тургеневъ, при всей его скромности, самъ признаетъ, какъ мы уже видѣли, нѣкоторое вліяніе на Л. Н. Толстого. Мысленно же онъ, можетъ быть, по слабости, присущей человѣку, и преувеличивалъ нѣсколько удѣльный вѣсъ своихъ заслугъ передъ Л. Н. Толстымъ. Такъ, между прочимъ, даже въ своемъ примирительномъ (1878 г.) письмѣ Л. Н. Толстому, въ письмѣ, въ которомъ всякое слово являлось взвѣшеннымъ и тщательно профильтрованнымъ отъ всякой соринки, Тургеневъ все-таки считаетъ возможнымъ напомнить Л. Н. Толстому, что первые его шаги въ литературѣ Тургеневу «удалось привѣтствовать раньше другихъ». И становится вполнѣ понятной сила тургеневской горечи вслѣдствіе непріязненнаго къ нему отношенія со стороны Л. Н. Толстого. Выходило такъ, что сѣялось нѣчто въ родѣ цвѣтовъ и пшеницы, а пожинать приходилось только крапиву и плевелы.

И произошла «разлука безъ печали».

XXIII.

Но Л. Н. Толстой, всегда чутко реагировавшій на всѣ свои ошибки и грѣхи, скоро почувствовалъ некрасоту своей жизни въ Петербургѣ и призналъ себя нехорошимъ въ отношеніяхъ съ Тургеневымъ. Къ этому присоединилось еще и нездоровье Л. Н. Толстого, что почти всегда благотворно вліяло на него, просвѣтляя и облагораживая его сознаніе.

«Удивительно и радостно мнѣ, — писалъ онъ однажды, — что я очень полюбилъ болѣзнь — то состояніе, которое разрушаетъ эту форму, приготавливаетъ къ вступленію въ новую; прямо жалко выздоравливать».

И, съ присущей ему рѣшимостью въ добрыхъ намѣреніяхъ, онъ написалъ осенью 1856 г. въ Парижъ Тургеневу письмо, въ которомъ старался съ полной искренностью и по возможности въ мягкой формѣ освѣтить ихъ отношенія. Между прочимъ, онъ ставилъ основаніемъ дружескихъ отношеній искренность, на отсутствіе которой между ними и указывалъ въ своемъ письмѣ.

Нѣкоторыя выраженія Л. Н. Толстого все-таки, видимо, задѣли Тургенева. Но онъ, стараясь подавить раздраженіе, сейчасъ же отвѣтилъ Л. Н. Толстому:

«Любезный Толстой, я подумалъ хорошенько о томъ, что вы мнѣ пишете, и мнѣ кажется, что вы не правы. Я точно не могу быть совершенно истиненъ съ вами,

потому что не могу быть совершенно откровенъ; мнѣ кажется — мы познакомились неловко и въ нелад-ную минуту — когда мы увидимся опять, дѣло пойдетъ гораздо глаже и легче. Я чувствую, что люблю васъ, какъ человѣка (объ авторѣ и говорить нечего); но многое меня въ васъ коробитъ; и я нашелъ подъ ко-нецъ удобнѣе держаться отъ васъ подальше. При сви-даніи попытаемся опять пойти рука объ руку — авось удастся лучше; а въ отдаленіи (хотя это звучитъ до-вольно странно) сердце мое къ вамъ лежитъ, какъ къ брату, и я даже чувствую нѣжность къ вамъ. Од-нимъ словомъ, я васъ люблю — это несомнѣнно; авось изъ этого со временемъ выйдетъ все хорошее...»

Закончи Тургеневъ этими словами свое письмо, быть можетъ, оно и произвело бы на Л. Н. Толстого бла-готворное дѣйствіе. Но мягкосердечному Тургеневу за-хотѣлось большаго, захотѣлось показать, что въ немъ нѣтъ уже и признака никакой занозы и что Л. Толстой для него просто добрый пріятель, съ которымъ обо всемъ поболтать хочется. И Тургеневъ разжижаетъ глубокій и важный смыслъ своего письма всякими жи-тейскими пустяками, умѣстными только при незамутнен-ныхъ отношеніяхъ.

«Прошу васъ, — пишетъ онъ, — выкинуть воспоми-наніе о вашей болѣзни изъ головы. Вѣдь вы тоже мни-тельны и, пожалуй, думаете о чахоткѣ; но, ей Богу, у васъ ея нѣтъ... Что же вы не выпишете вашего брата? Что ему за охота сидѣть на Кавказѣ? Или онъ хочетъ сдѣлаться великимъ воиномъ?.. Никогда Парижъ не казался мнѣ столь прозаически плоскимъ... Меня удер-

живаетъ здѣсь старинная, неразрывная связь съ однимъ семействомъ и моя дочка, которая мнѣ очень нравится: милая и умная дѣвушка...» и т. д. (Парижъ, 1856 г., XI, 16).

Письмо это не удовлетворило Л. Толстого. Оно не дало ему той внутренней ясности, которой онъ добивался въ своихъ отношеніяхъ къ Тургеневу. И, продолжая страдать за свою нелюбовь къ нему, Толстой пользуется черезъ нѣкоторое время первымъ подвернувшимся случаемъ — тургеневскимъ «Фаустомъ», чтобы написать ему пронизанное дружелюбіемъ письмо.

Незлопамятный Тургеневъ былъ растроганъ письмомъ Л. Толстого и немедленно отвѣтилъ:

«Милый Толстой, вчера мой добрый геній провелъ меня мимо почти — и нашелъ ваше письмо, гдѣ вы мнѣ говорите о моемъ «Фаустѣ». Вы легко поймете, какъ мнѣ было весело его читать. Ваше сочувствіе меня искренно и глубоко обрадовало. Да и кромѣ того, отъ всего письма вѣяло чѣмъ-то кроткимъ и яснымъ, какой-то дружелюбной тишиной. Мнѣ остается протянуть вамъ руку черезъ «оврагъ», который уже давно превратился въ едва замѣтную щель, да и о ней упоминать не будемъ — она этого не стоитъ...»

И вмѣсто того, чтобъ закончить столь трогающимъ аккордомъ свое письмо и этимъ поддержать болѣе высокую температуру въ отношеніяхъ, Тургеневъ опять разжижаетъ свое прекрасное письмо моремъ ненужностей:

«. . . Вы, я вижу, теперь очень сошлись съ Дружи-

нимъ и находитесь подъ его вліяніемъ. Дѣло хорошее — только, смотрите, не объѣшитесь и его...

«...Я познакомился здѣсь со многими русскими и французами, но симпатическихъ натуръ нашелъ весьма мало. Есть одна княжна Мещерская — совершенно гетевская Гретхенъ — прелесть, да, къ сожалѣнію, по-русски не понимаетъ ни слова...» и т. п. на нѣсколькихъ страницахъ (Парижъ, 1856, XII, 8).

Отвѣта на это письмо Тургеневъ не получилъ, и «оврагъ» не заполнился.

Только одинъ разъ между Тургеневымъ и Л. Толстымъ какъ будто пронесся добрый ангелъ, и они провели нѣсколько дней вмѣстѣ, какъ добрые товарищи.

По случаю пріѣзда изъ севастопольской арміи гр. Сергѣя Николаевича Толстого у Тургенева, въ его орловскомъ имѣніи с. Спасскомъ, былъ назначенъ въ своемъ родѣ «толстовскій съѣздъ». Пріѣхала графиня Марья Николаевна съ мужемъ и братья Толстые.

Всѣ чувствовали себя, какъ дома, и рѣзвились съ безпечностью счастливой молодежи. Роль хозяйки дома играла belle-soeur Тургенева по дядѣ. По личной иниціативѣ или по внушенію Тургенева она всячески старалась украсить пребываніе Льва Николаевича въ с. Спасскомъ и оказывала ему, какъ восходящему свѣтилу, различные знаки вниманія. Онъ съ комической серьезностью принималъ знаки вѣрноподданичества и очень забавлялъ этимъ все общество.

Но зенитомъ веселыхъ шутокъ было «вѣнчаніе героя лаврами». Солидная нѣмка, жена тургеневскаго

управляющаго, захотѣла также почтить Льва Николаевича и церемоніально поднесла ему, какъ данъ своего уваженія, прекрасную чайную розу. Л. Н. Толстой вдѣлъ розу въ петлицу и принялъ видъ тріумфатора. Тогда по знаку Тургенева и всѣ остальные начали «вѣнчать» Л. Н. Толстого сначала цвѣтами, потомъ травой и листьями, украсивши его такимъ образомъ съ ногъ до головы. Онъ не противился и съ комическимъ важнымъ видомъ тріумфатора расхаживалъ по усадьбѣ продѣлывая попутно разныя веселыя шутки, на которыя былъ большимъ мастеромъ.

Вдругъ, въ самый разгаръ мистеріи, въ с. Спасскомъ получилось извѣстіе, что одна сосѣдка Тургенева по имѣнію, узнавъ о пребываніи у него Толстыхъ, предполагаетъ пріѣхать въ с. Спасское. Тургеневъ похоронымъ голосомъ заявилъ присутствующимъ о полученной угрозѣ и началъ описывать свою сосѣдку, какъ даму пріятную далеко не во всѣхъ отношеніяхъ.

Лица у всѣхъ вытягиваются.

Собирается совѣтъ, и ставится вопросъ: какъ быть съ сосѣдкой? Тургеневъ гостепріимно предлагаетъ сейчасъ же послѣ пріѣзда гостьи напоить ее чаемъ съ александрійскимъ листомъ. А тамъ ужъ, вѣроятно, все само собою образуется. Но проектъ этотъ отвергается, и принимается слѣдующая комбинація: Тургеневъ въ любезной формѣ поблагодаритъ сосѣдку за предлагаемую честь, но мелькомъ упомянаетъ, что Толстые немедленно уѣзжаютъ; такимъ образомъ и приличіе будетъ соблюдено, и непріятная чаша отклонена отъ Спасскаго.

По отправкѣ письма веселье опять овладѣло всѣми, и черезъ нѣкоторое время всѣ совершенно забыли о висѣвшемъ облачкѣ надъ Спасскимъ. Вдругъ Тургеневъ, стоявшій на балконѣ, закричалъ изступленнымъ голосомъ:

— Ѣдетъ! Она ѣдетъ!

Происходитъ общій переполохъ, къ довершенію котораго увѣнчанный цвѣтами тріумфаторъ стремительно опрокидывается назадъ и съ пронзительнымъ визжаньемъ начинаетъ колесомъ вертѣться по комнатамъ. Тургеневъ истерически хохочетъ, затѣмъ схватываетъ себя за голову и вопитъ:

— Но, боги! Вѣдь я написалъ ей, что вы всѣ уѣзжаете. Какъ же теперь быть?

Мигомъ созрѣваетъ планъ спасенья. Мужъ Марьи Николаевны искусно завязываетъ себѣ голову и превращается въ больного, внезапная болѣзнь котораго и помѣшала, яко бы, уѣхать Толстымъ. Наступаетъ еще большее веселье и новое верченье колесомъ по комнатамъ будущаго автора «Такъ что жъ намъ дѣлать?»

XXIV.

Это пребываніе Толстыхъ у Тургенева было единственнымъ въ своемъ родѣ. Черезъ нѣкоторое время Тургеневъ уѣхалъ за границу, и опять между двумя

писателями возникаютъ тѣ странныя, тѣ искусственныя и какъ бы слоеныя отношенія, которыя преобладали между ними въ теченіе всей ихъ жизни. Съ одной стороны они какъ-будто искренно и любовно тянутся другъ къ другу, съ другой же какъ-будто имѣютъ въ рукахъ непогашенные счета одинъ къ другому.

«Толстой мнѣ пишетъ, что онъ собирается сюда ѣхать, — сообщаетъ Тургеневъ изъ Парижа въ 1857 г. — и отсюда весной въ Италію; скажите ему, чтобы онъ спѣшилъ, если хочетъ застать меня. Впрочемъ я ему самъ напишу. По письмамъ его я вижу, что съ нимъ совершаются самыя благодатныя перемѣны — и я радуюсь тому, «какъ нянька старая». Я прочелъ его «Утро помѣщика», которое чрезвычайно понравилось мнѣ своей искренностью и почти полной свободой воззрѣнія; говорю: почти — потому что въ томъ, какъ онъ себѣ задачу поставилъ — скрывается еще (можетъ быть, безсознательно для него самого) нѣкоторые предубѣжденіе. Главное нравственное впечатлѣніе этого разсказа (не говорю о художественномъ) состоитъ въ томъ, что, пока будетъ существовать крѣпостное состояніе, нѣтъ возможности сближенія и пониманія обѣихъ сторонъ, несмотря на самую безкорыстную и честную готовность сближенія — и это впечатлѣніе хорошо и вѣрно, но при немъ бѣжитъ другое побочное, пристяжное, — а именно то, что вообще просвѣщать мужика, улучшать его бытъ — ни къ чему не ведетъ, и это впечатлѣніе непріятно. Но мастерство языка, разсказа, характеристики великое».

Такъ писалъ Тургеневъ Дружинину. Въ письмѣ,

кромѣ тонкой характеристики «Утра помѣщика», чувствуется еще и душевная теплота къ Л. Толстому.

Черезъ два мѣсяца по пріѣздѣ Л. Толстого въ Парижъ Тургенеѣъ пишетъ Полонскому: «Толстой здѣсь. Въ немъ произошла перемѣна къ лучшему, весьма значительная. Этотъ человѣкъ пойдетъ далеко и оставитъ за собою глубокій слѣдъ».

Дружинину сообщаетъ: «Толстой очень милъ».

И не далѣе, какъ черезъ три дня послѣ этого, пишетъ: «Я здѣсь часто вижу Толстого... Съ нимъ я все-таки не могу сблизиться окончательно: слишкомъ мы врозь глядимъ».

Съ обычной мѣткостью даетъ характеристику тургеневско-толстовскимъ отношеніямъ того времени авторъ «Писемъ объ Испаніи», В. П. Боткинъ.

«Толстой и Тургеневъ — оба опять блуждаютъ въ какомъ-то мракѣ, грустятъ, жалуются на жизнь, ничего не дѣлаютъ и тяготятся, какъ кажется, своими респективными отношеніями».

Эти «респективныя» отношенія между Тургеневымъ и Толстымъ продолжались и дальше. Все никакъ у нихъ ничего не налаживалось. Такъ, въ началѣ 1858 г. Тургеневъ даже мечталъ какъ бы о своего рода тріумвиратѣ, состоящемъ изъ Тургенева, Л. Толстого и Фета, и писалъ послѣднему изъ Рима: «Вы говорите, что часто мечтаете о нашемъ общемъ житьѣ въ деревнѣ въ нынѣшнемъ году... Я мечтаю о немъ даже здѣсь, среди величавыхъ развалинъ, въ длинныхъ мраморныхъ залахъ Ватикана. Не даромъ же судьба поселила насъ всѣхъ — васъ, Толстого и меня — въ та-

комъ недальнемъ разстояніи другъ отъ друга» (Римъ, 1858 г., I, 9.).

Затѣмъ Тургеневъ, очевидно, опять пробовалъ задѣлать образовавшіяся трещины въ ихъ отношеніяхъ съ Л. Толстымъ и писалъ ему изъ Рима, но не получивъ отвѣта, жаловался на это Фету:

«Поклонъ Толстому и его сестрѣ; я жду отъ нихъ отвѣта на мои письма; но они, кажется, лѣнятся...»

Пріѣхавъ черезъ нѣкоторое время въ Петербургъ, Тургеневъ опять пишетъ Фету:

«Я вовсе не хандрилъ, скажите это Толстому — и на меня можно смотрѣть, не чувствуя приращенія непріязненнѣйшихъ чувствъ — по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. Посовѣтуйте ему пріѣхать сюда поскорѣе, — онъ бы насъ всѣхъ вообще, а Дружинина въ особенности, порадовалъ. По крайней мѣрѣ пусть присылаетъ свои «Три смерти», — а лучше бы привезъ ихъ самъ...»

Но въ концѣ письма Тургеневъ опять не удерживается отъ «перебоя» и мечетъ стрѣлу по адресу Л. Толстого:

«Полонскій на-дняхъ спрашиваетъ меня о значеніи слѣдующей фразы Григорьева Аполлона: «Каждый человѣкъ въ наше время разомъ переживаетъ двѣ формулы». Я увѣренъ, что Толстой будетъ увѣрять, что эта фраза совершенно ясна» (СПБ., 1858 г., I, 16.).

Мечты Тургенева относительно лѣтняго времяпровожденія на лонѣ русской природы не осуществились въ 1858 г. Доктора послали его лѣчиться за границу. Узнавши объ этомъ раньше Фета, Л. Толстой писалъ ему:

«Тургеневъ поѣхалъ въ Висбигъ до августа лѣчить свой пузырь. Чортъ его возьми! Надоѣло любить его. Пузыря не вылѣчитъ, а насъ лишитъ» (1858 г., V, 12).

Зиму 1858 г. Тургеневъ прожилъ въ Петербургѣ, а Л. Толстой и Фетъ въ Москвѣ. Тургеневъ попрежнему интересовался Л. Толстымъ и продолжалъ дѣлать о немъ запросы въ своихъ письмахъ.

«Что это Толстой не ѣдетъ? Дружининъ его ждетъ съ тоскливымъ нетерпѣніемъ. Ужъ не съѣли ли его медвѣди?» (СПБ., 1858 г., XII, 27). Черезъ нѣкоторое время опять: «Вы пишете, что Л. Толстой сюда поѣхалъ. Здѣсь онъ никому не показывался, должно быть, въ Бологовѣ опять схватился съ медвѣдемъ» (СПБ. 1859 г., I, 10).

Надо знать, что всякіе тургеневскіе намеки и экивоки по адресу Л. Толстого въ письмахъ къ Фету имѣли особенный удѣльный вѣсъ. Фетъ былъ друженъ съ Толстымъ и видѣлся съ нимъ то въ Ясной Полянѣ, то въ фетовскихъ Новоселкахъ. И Фетъ нерѣдко служилъ то буферомъ, то передаточнымъ ремнемъ между Толстымъ и Тургеневымъ.

XXV.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ Фета въ Ясную Поляну Л. Толстой, узнавъ, что Фетъ посылаетъ Тургеневу

письмо, сдѣлалъ, подъ вліяніемъ доброй минуты, дружескую приписку Тургеневу, въ которой между прочимъ какъ бы кается, что не заслуживаетъ, чтобы Тургеневъ ему писалъ. Это письмо Фета съ припиской Л. Толстого Тургеневъ получилъ въ Куртавнелѣ, блаженствуя въ имѣніи Віардо. На письмо Фета онъ отвѣтилъ длиннымъ стихотворнымъ посланіемъ:

Безцѣнный Фетъ, мудрецъ и стихотворецъ.
Я получилъ любезное письмо,
Направленное вами изъ «Поляны»... и т. д.

Но въ концѣ посланія Тургеневъ дѣлаетъ изъ приписки Л. Толстого такой реактивъ:-

И Льву Толстому поклонитесь, — также
Сестрѣ его. Онъ правъ въ своей припискѣ:
Мнѣ не за что къ нему писать. Я знаю,
Меня онъ любилъ мало, и его
Люблю я мало...

При такихъ условіяхъ сближеніе между Тургеневымъ и Л. Толстымъ, разумѣется, было невозможно. И Новоселки Фета были единственнымъ мѣстомъ, гдѣ они наичаще встрѣчались и гдѣ между ними произошелъ наконецъ давно тлѣвшій разрывъ.

Пріѣзжая въ Новоселки и зная по опыту всю хрупкость своихъ отношеній, Тургеневъ и Толстой старались избѣгать всякихъ опасныхъ точекъ и проводили иногда время довольно весело, какъ рьяные шах-

матисты и страстные охотники. Впрочемъ даже и охотничьи мостки между ними иногда зловѣще пошатывались изъ-за знаменитой Бубульки. Л. Толстой не могъ иногда не поддаться юмористической жилкѣ и не подтрунить надъ пристрастіемъ Тургенева къ Бубулькѣ. Между тѣмъ съ Бубулькой у Тургенева были связаны нѣжныя воспоминанія о г-жѣ Віардо. Самое названіе Бубулька произошло отъ того, что г-жа Віардо, лаская бѣленькаго съ желтоватыми ушами щенка, ласково говорила своимъ дивнымъ голосомъ:

— Бубуль, бубуль!

И Бубулька являлась для Тургенева дорогимъ существомъ, къ которому онъ относился, какъ любящая и снисходительная нянька. Такъ, иногда, онъ среди ночи заботливо вставалъ, чтобы покрыть Бубульку сползшимъ съ нея ватнымъ одѣяльцемъ. Впрочемъ, надо отдать Бубулькѣ дань справедливости. Это была отличная охотничья собака, способности которой были такъ велики, что Тургеневъ иногда бросалъ на Бубульку восторженный взглядъ и говаривалъ съ чувствомъ:

— Вѣдь это плакать надо отъ умиленія.

Понятно, что насмѣшки Л. Толстого по поводу Бубульки только подбавляли перцу въ ихъ отношенія и вызвали у Тургенева перебои души. Между тѣмъ и пути ихъ жизней все больше и больше расходились въ разныя стороны. Тургеневъ все крѣпче привязывался къ Франціи, пропитываясь постепенно западными идеями и формами европейской жизни.

Л. Толстой, напротивъ, почти безвыѣздно жилъ въ

Россіи, въ русской деревнѣ, все упорнѣе отпихиваясь отъ вліянія Запада и все глубже уходя въ русскую жизнь съ ея невзошедшими еще озимями. Отъ времени до времени два писателя пытаются, однако, установить добрыя отношенія и съ чувствомъ взаимной виновности подходятъ къ краямъ оврага».

XXVI.

По пріѣздѣ Тургенева, осенью 1859 г., въ Россію, они, по взаимному влеченію, свидѣлись. Л. Толстой съ добрыми чувствами навѣстилъ Тургенева въ Спасскомъ. Они много и мирно бесѣдовали, стараясь устранить торчавшія между ними препятствія. Но оба въ концѣ-концовъ съ грустью убѣдились, что безъ внутренняго сродства близость между людьми невозможна. И съ жуткой покорностью судьбѣ Тургеневъ признается въ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ:

«Съ Толстымъ мы бесѣдовали мирно и разстались дружелюбно. Кажется, недоразумѣній между нами быть не можетъ, потому что мы другъ друга понимаемъ ясно, и понимаемъ, что тѣсно сойтись намъ невозможно. Мы изъ разной глины слѣплены» (С. Спасское, 1859 г., X, 9).

Сознаніе этого, какъ видно, оставило въ душѣ Тургенева столь чувствительную ранку, что онъ, чтобы не притрогиваться къ больному мѣсту, изгоняетъ

временно изъ своей души и образъ Л. Толстого. Однажды онъ косвенно даже подчеркнулъ это.

«Кланяйтесь всѣмъ, — пишетъ онъ Фету, — женѣ вашей, Борисову, Николаю Толстому, Маслову, Ольгѣ N.» (СПБ. 1860, II, 15).

Словомъ, привѣтствіе было какъ бы всѣмъ православнымъ христіанамъ, кромѣ Льва Толстого.

Послѣдній, повидимому, догадывается о тургеневскомъ чувствѣ и самъ переживаетъ то же самое. Это замѣтно отражается на его отзывѣ о тургеневскомъ Наканунѣ, отзывѣ, который Л. Толстой дѣлаетъ черезъ недѣлю по полученіи Фетомъ тургеневскаго письма съ исключеніемъ Толстого изъ списка живыхъ.

«Прочелъ я Наканунѣ,—пишетъ онъ.—Вотъ мое мнѣніе: писать повѣсти вообще напрасно, еще болѣе такимъ людямъ, которымъ грустно и которые не знаютъ хорошенько, чего они хотятъ отъ жизни. Впрочемъ Наканунѣ много лучше Дворянскаго гнѣзда, и есть въ немъ отрицательныя лица превосходныя: художникъ и отецъ. Другія же не только не типы, но даже замыселъ ихъ, положеніе ихъ не типическіе, или ужъ они совсѣмъ пошлы. Впрочемъ это всегдашняя ошибка Тургенева. Дѣвица изъ рукъ вонъ плоха: Ахъ, какъ я тебя люблю... У нея рѣсницы были длинныя. Вообще меня всегда удивляетъ въ Тургеневѣ, какъ онъ, со своимъ умомъ и поэтическимъ чутьемъ, не умѣетъ удержаться отъ банальности даже въ пріемахъ. Больше всего этой банальности въ отрицательныхъ пріемахъ, напоминающихъ Гоголя. Нѣтъ человѣчности и участія къ лицамъ,

а представляются уроды, которыхъ авторъ браннтъ, а не жалѣетъ. Это какъ-то больно жюрируетъ съ томомъ и смысломъ либерализма всего остального. Это хорошо было при царѣ Горохѣ или при Гоголѣ. Да еще надо сказать, что ежели не жалѣть своихъ самыхъ ничтожныхъ лицъ, надо ихъ ужъ ругать такъ, чтобы небу жарко было, или смѣяться надъ ними такъ, чтобы животики подвело, а не такъ, какъ одержимый ипохандрой и диспепсіей Тургеневъ...» (Ясная Поляна, 1860 г., II, 23.)

Въ это самое время Тургеневъ, какъ бы предчувствуя отзывъ Л. Толстого о себѣ, писалъ:

«А Левъ Толстой продолжаетъ чудить. Видно, такъ ему на роду написано. Когда онъ перекувыркнется и станетъ на ноги?» (СПБ., 1860 г., II, 22.)

Черезъ нѣкоторое время Тургеневъ, сообщая объ успѣхѣ своей повѣсти «Первая любовь», опять пускаетъ нѣчто въ родѣ стрѣлы по адресу Л. Толстого:

«Единственный человѣкъ, — пишетъ онъ, — котораго я совершенно отказываюсь удовлетворить когда-нибудь, — Левъ Толстой. Но что дѣлать? Видно, такъ у меня на роду написано» (СПБ., 1860 г., III, 13).

Тонъ отношеній между Тургеневымъ и Л. Толстымъ, какъ это часто бываетъ, передавался и близкимъ къ нимъ людямъ. Такъ, между прочимъ, добрѣйшій графъ Н. Н. Толстой однажды, выражая Фету свою симпатію, дѣлаетъ ядовитый намекъ на Тургенева:

«За что я васъ люблю, что все въ васъ правда, все, что изъ васъ, то въ васъ, нѣтъ фразы, какъ, напримѣръ, въ милѣйшемъ и проч. Иванѣ Сергѣевичѣ».

Грустно читать эти строки, когда знаешь, что въ то самое время, когда сочился ихъ ядъ, Тургеневъ горѣлъ горячимъ участіемъ къ Н. Н. Толстому, страдавшему неизлѣчимой болѣзнью и внушавшему окружающимъ тревогу.

«Неужели этотъ драгоцѣнный, милый человѣкъ долженъ погибнуть, — безпокоился Тургеневъ. — Если Николай Толстой не уѣхалъ, бросьтесь ему въ ноги, а потомъ гоните за границу. Здѣсь воздухъ такой мягкій, какого въ Россіи никогда нигдѣ не бываетъ». (Соденъ, 1860 г., VI, 1.)

И затѣмъ все время, пока Н. Н. Толстой находился въ Соденѣ, Тургеневъ относился къ больному съ нѣжнымъ вниманіемъ, хотя температура его чувствъ ко Льву Николаевичу въ этотъ періодъ еще больше понизилась.

«Толстому Николаю, — писалъ Тургеневъ, — не слишкомъ помогъ Соденъ; къ сожалѣнію, онъ поздно спохватился, и болѣзнь его сдѣлала такіе шаги, что ужъ едва ли можно поправить дѣло. Я отъ души полюбилъ его, и очень мнѣ его жалко». (Куртавнель, 1860, V, 9.)

Черезъ два мѣсяца Тургеневъ опять пишетъ о Н. Н. Толстомъ:

«У бѣднаго Николая уже въ горлѣ чахотка; недолго ему осталось жить. О Львѣ все никакого извѣстія; да я, признаться, не слишкомъ интересуюсь знать о человѣкѣ, который самъ не интересуется никѣмъ». (Куртавнель, 1860, IX, 12.)

20-го сентября 1860 г.. Николай Толстой умеръ. Его

смерть произвела глубокое впечатлѣніе на Тургенева и, видимо, растопила ледъ его души относительно Л. Толстого.

«Да, вотъ мы еще съ вами собираемся жить, — писалъ Тургеневъ, — а для Николая Толстого уже не существуетъ ни весны, ни соловьиныхъ пѣсенъ, ничего. Онъ умеръ, бѣдный... Я бы желалъ поговорить о его послѣднихъ дняхъ со Львомъ Николаевичемъ. Да Богъ знаетъ, когда и гдѣ я его увижу». (Парижъ, 1860, X, 3.)

Черезъ мѣсяцъ Тургеневъ опять пишетъ Фету:

«Жаль Николая Толстого, сердечно жаль. О братѣ его, Львѣ, нѣтъ никакого извѣстія; вѣроятно, онъ еще въ Гіерѣ» (гдѣ умеръ Н. Толстой).

Но Л. Толстой не очень спѣшилъ къ Тургеневу, очевидно, не разсчитывая найти около него той умиротворяющей атмосферы, въ которой нуждалась его тоскующая душа, глубоко потрясенная смертью любимаго брата.

XXVII.

Въ маѣ 1861 г. между Тургеневымъ и Л. Толстымъ произошло, наконецъ, и то роковое свиданіе, которое разъединило двухъ писателей непроходимой пропастью почти на двадцать лѣтъ.

По пріѣздѣ весною 1861 г. въ с. Спасское, Тургеневъ, незлобивое сердце котораго успѣло оттаять отъ

зимняго льда, написалъ Л. Толстому пригласительное письмо, чтобы вмѣстѣ ѣхать къ Фету, въ его новое владѣніе — Степановку. Л. Толстой охотно откликнулся на зовъ Тургенева, совпадавшій съ его внутренней потребностью.

И когда Тургеневъ увидалъ изъ окна подъѣхавшій экипажъ съ Л. Н. Толстымъ, онъ съ юношеской живостью сбѣжалъ къ гостю и встрѣтилъ его, какъ брата. Первые часы ихъ свиданія быстро протекли въ томъ особенномъ радостномъ состояніи, когда между людьми все непосредственно и все — взаимное благоволеніе.

Они нашли другъ въ другѣ значительную перемѣну. Отъ щеголеватаго поручика артиллеріи съ выхоленными бачками не осталось и слѣда. Передъ Тургеневымъ было загорѣлое мужественное лицо, обрамленное вьющейся черной растительностью и дышавшее внутреннею силою. Глаза его какъ бы углубились, и блескъ ихъ сталъ лучистѣе. Тургеневъ, тонко улавливавшій скрытую работу въ людяхъ, не могъ не обратить вниманія на все это.

Л. Толстой, въ свою очередь, замѣтилъ перемѣну въ Тургеневѣ, голова котораго посеребрилась и пріобрѣла отпечатокъ много пережитаго. И оба писателя всячески старались проявить относительно другъ друга мягкость и дружелюбіе. И обоимъ отъ этого было хорошо.

Особенно въ духѣ былъ Тургеневъ. Помимо удовольствія радушнаго хозяина, у него было еще на душѣ какъ бы преддверіе большого праздника. Тургеневъ почти закончилъ свою любимѣйшую работу — «Отцовъ

и дѣтей» и рѣшилъ познакомить съ нею Л. Толстого. Л. Толстой очень заинтересовался новымъ романомъ Тургенева. И обѣдъ прошелъ во взаимномъ удовольствіи. Въ виду того, что Л. Толстой при чтеніи вслухъ иногда не все схватывалъ изъ прочитаннаго, условились, что для цѣльности и непосредственности впечатлѣнія онъ самъ прочтетъ про себя рукопись, а затѣмъ уже выскажетъ свое мнѣніе.

Послѣ обѣда Тургеневъ съ заботливостью любящей женщины хлопоталъ объ удобствахъ Л. Толстого. Въ гостиной, гдѣ стоялъ знаменитый самосонъ, было, какъ въ раю. Самосонъ былъ длиннѣйшій и широчайшій диванъ, временъ имперіи, съ пружиннымъ тюфякомъ, дѣйствительно представлявшій соблазнительное ложе. Около дивана, на которомъ долженъ былъ возлечь Л. Толстой для чтенія рукописи, Тургеневъ приспособилъ столикъ съ курительными принадлежностями и любимымъ питьемъ Льва Николаевича. Здѣсь же лежала и рукопись «Отцовъ и дѣтей». Приготовивши все для Толстого, какъ для безцѣннаго гостя, Тургеневъ прикрылъ дверь и удалился.

Толстой легъ и началъ читать. Но тургеневскій романъ показался ему такъ искуственно построеннымъ и такимъ незначительнымъ по содержанію, что Л. Н. не могъ преодолѣть охватившей его скуки и... заснулъ.

— Проснулся я, — разсказывалъ Л. Н. — отъ какого-то страннаго ощущенія, и когда открылъ глаза, то замѣтилъ удаляющуюся спину Тургенева.

Когда Л. Толстой пришелъ затѣмъ въ столовую, то между нимъ и Тургеневымъ какъ бы повисло что-

то. И нѣкоторое время они избѣгали смотрѣть въ глаза одинъ другому. Вопросъ объ «Отцахъ и дѣтяхъ» незамѣтно былъ снятъ съ очереди.

Въ Степановкѣ хотя и ждали обоихъ писателей, согласно ихъ письмамъ, но когда изъ-за рощи къ крыльцу подкатила коляска съ сидѣвшими рядомъ Тургеневымъ и Л. Толстымъ, то радушные хозяева Степановки несказанно обрадовались и начали поперемѣнно обнимать дорогихъ гостей.

За дорогу ледъ нѣсколько растаялъ, и оба писателя были въ веселомъ настроеніи. Тургеневъ, первый разъ бывшій въ неустроенномъ еще имѣніи Фета, раскидывалъ комически свои огромныя ладони и, оглядываясь по сторонамъ, восклицалъ:

— Мы все смотримъ, гдѣ же это Степановка, и оказывается, что есть только жирный блинъ и на немъ шишка. И это есть Степановка.

Когда гости оправились отъ дороги и хозяйка воспользовалась двумя часами, оставшимися до обѣда, чтобы придать послѣднему болѣе привлекательный характеръ, гости и хозяинъ пустились въ самую оживленную бесѣду, на какую способны бываютъ только люди, еще не утомленные жизнью.

Тургеневъ, любившій изысканно покушать, не оставилъ безъ вниманія тонкаго мастерства фетовскаго повара, а когда подали шампанское, до котораго Фетъ имѣлъ непреодолимое пристрастіе, то веселое оживленіе окончательно воцарилось въ Степановкѣ. Послѣ обѣда раскраснѣвшійся и развеселившійся тріумвиратъ отправился въ рощу, на опушкѣ которой и разлегся

въ густой душистой травѣ. Здѣсь продолжался прерванный за обѣдомъ оживленный разговоръ объ искусствѣ. И такъ какъ всѣ были въ отличномъ настроеніи и всѣ любили поговорить, то оживленная бесѣда затянулась до вечера, прекрасно способствуя акту пищеваренія. Словомъ, закончился день пріѣзда Тургенева и Л. Толстого къ Фету самымъ наилучшимъ образомъ. Радушные хозяева, всячески ограничивъ себя, для гостей устроили превосходный ночлегъ.

Прелестное майское утро слѣдующаго дня сулило и гостямъ и хозяевамъ Степановки рядъ новыхъ удовольствій. Но вышло иначе.

Утромъ въ 8 часовъ гости вышли въ столовую. Хозяйка сидѣла въ концѣ стола за самоваромъ, а Фетъ въ ожиданіи кофе, помѣстился на другомъ концѣ. Тургеневъ сѣлъ по правую руку хозяйки, Толстой по лѣвую. Зная важность, которую въ это время Тургеневъ придавалъ воспитанію своей дочери, жена Фета спросила его, доволенъ ли онъ своею англійскою гувернанткой. Тургеневъ сталъ изливаться въ похвалахъ гувернанткѣ и, между прочимъ, разсказалъ, что гувернантка съ англійской пунктуальностью просила Тургенева опредѣлить сумму, которою дочь его можетъ располагать для благотворительныхъ цѣлей.

Послѣдовавшая затѣмъ сцена такъ неожиданна и даже и неправдоподобна, что для нѣкотораго объясненія ея необходимо сказать нѣсколько словъ.

Дѣло въ томъ, что за границей воспитывалась дочь Тургенева, Полина, отъ его связи съ одной мѣщанкой. Тургеневъ увезъ дочь за границу дѣвочкой и почему-то

воспиталъ ее такимъ образомъ, что она, достигши 16-ти лѣтъ, не знала почти ничего по-русски. Такое отношеніе Тургенева къ обязанностямъ отца многимъ казалось страннымъ, а Л. Толстого, всегда серьезно относившагося къ задачамъ воспитанія, — это даже возмущало. И какъ только Тургеневъ заговорилъ съ нѣкоторой преувеличенностью о достоинствахъ воспитанія его дочери, — Л. Толстой почувствовалъ, что его начало нудить. И разомъ вся искусственная атмосфера дружества съ Тургеневымъ исчезла, а осталось одно неудержимое чувство протеста. Продолжая рисовать картину воспитанія дочери, Тургеневъ сказалъ:

— Теперь англичанка требуетъ, чтобы моя дочь забирала въ руки худую одежду бѣдняковъ и, собственноручно починивъ оную, возвращала по принадлежности.

— И это вы считате хорошимъ? — спросилъ Толстой.

— Конечно, это сближаетъ благотворительницу съ насущной нуждой.

— А я считаю, что разряженная дѣвушка, держащая на колѣняхъ грязные и зловонные лохмотья, играетъ неискренную, театральную сцену.

— Я васъ прошу не говорить такъ! — воскликнулъ Тургеневъ съ раздувающимися ноздрями.

— Отчего же мнѣ не говорить того, въ чемъ я убѣжденъ? — отвѣтилъ Толстой.

И не успѣлъ Фетъ сказать Тургеневу: «перестаньте!» — какъ блѣдный отъ гнѣва Тургеневъ крикнулъ Л. Толстому:

— Если вы будете такъ говорить, я дамъ вамъ въ рожу...

Съ этими словами онъ вскочилъ изъ-за стола и, схватившись руками за голову, взволнованно вышелъ въ другую комнату. Черезъ секунду, однако, Тургеневъ вернулся и сказалъ, обращаясь къ хозяйкѣ:

— Ради Бога, извините мой безобразный поступокъ, въ которомъ я глубоко раскаиваюсь.

И поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Понявъ полную невозможность, чтобы поссорившіеся гости оставались вмѣстѣ, Фетъ распорядился, чтобы Тургеневу запрягли его коляску, а Толстого онъ обѣщалъ доставить до станціи Богослово.

Черезъ нѣкоторое время уѣхалъ изъ Степановки и Л. Толстой — и, повидимому, совершенно успокоившійся съ отъѣздомъ Тургенева. Но то было наружное спокойствіе. Въ немъ клокотало негодованіе. И если на угрозу Тургенева онъ не отвѣтилъ тутъ же оскорбленіемъ, то только изъ-за жены Фета, только изъ уваженія къ себѣ. Извиненіе Тургенева и его сконфуженный видъ не угасили толстовской ярости. Разгнѣванный Левъ былъ въ изступленіи и не могъ, не утоливши своего гнѣва, доѣхать до Ясной Поляны. Онъ остановился на почтовой станціи Богослово, и отсюда написалъ и послалъ Тургеневу съ нарочнымъ негодующее посланіе, въ которомъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ требовалъ извиненія за оскорбительную выходку у Фетовъ.

Получивъ толстовское письмо, Тургеневъ, и безъ того страдавшій за случившееся, еще болѣе разстроил-

ся. И въ его жизни повторилось нѣчто въ родѣ придуманной имъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ» нелѣпой исторіи Павла Кирсанова съ Базаровымъ, но только въ болѣе уродливой формѣ. Тамъ были хоть какія-нибудь оправданія для ссоры. А тутъ все со всѣхъ концовъ было нелѣпо, уродливо и отвратительно. Недоставало только, чтобы они въ столовой у Фета сцѣпились за волосы. И, подавленный всей этой тяжелой исторіей, Тургеневъ приступилъ къ отвѣту на письмо Л. Толстого. Онъ сознавалъ всю свою вину, всю уродливость своего поведенія и, вѣроятно, самъ по собственному побужденію написалъ бы Л. Толстому извинительное письмо и, вѣроятно, сумѣлъ бы — при его искусствѣ владѣть словомъ — найти примиряющія выраженія. Но тутъ дѣло осложнилось обжигающимъ письмомъ Л. Толстого. И Тургеневъ написалъ:

«Милостивый государь Левъ Николаевичъ! Въ отвѣтъ на ваше письмо я могу повторить только то, что я самъ своею обязанностью почелъ объявить вамъ у Фета. Увлеченный чувствомъ невольной непріязни, въ причины которой теперь входить не мѣсто, я оскорбилъ васъ безъ всякаго положительнаго повода съ вашей стороны и попросилъ у всѣхъ извиненія. Происшедшее сегодня поутру доказало ясно, что всякія попытки сближенія между такими противоположными натурами, каковы ваша и моя, не могутъ повести ни къ чему хорошему; а потому охотнѣе исполняю мой долгъ передъ вами, что настоящее письмо есть, вѣроятно, послѣднее проявленіе какихъ бы то ни было отношеній между нами. Отъ души желаю, чтобъ оно

васъ удовлетворило, и заранѣе объявляю свое согласіе на употребленіе, которое вамъ заблагоразсудится сдѣлать изъ него.

«Съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь оставаться, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

Ив. Тургеневъ.

27 мая, 1861 г., Спасское».

Но по оплошности Тургеневъ не обратилъ вниманія на адресъ и отправилъ письмо не въ Богослово, откуда писалъ Л. Толстой, и—распаленный—ждалъ отвѣта, а въ Степановку, къ Фету. И пока нарочный метался изъ Спасскаго въ Степановку, а изъ Степановки въ Богослово, произошло понятное замедленіе. Толстой, не получая отвѣта отъ Тургенева, истолковалъ это, какъ новую оскорбительную небрежность со стороны послѣдняго, и послалъ ему другое письмо—рѣзкооскорбительное и жестокое—съ вызовомъ на дуэль.

Въ это время не дремалъ и Фетъ. Предчувствуя, что ссора въ его домѣ двухъ писателей можетъ разгорѣться, и питая расположеніе и къ Тургеневу и къ Л. Толстому, Фетъ всячески старался утушить возникшій пожаръ при помощи успокоительныхъ писемъ и смягчающихъ характеристикъ Тургенева передъ Толстымъ, а Толстого передъ Тургеневымъ. И кое-гдѣ ему удалось залить и затушить выбивающееся пламя. Но о примиреніи между Тургеневымъ и Л. Толстымъ нечего было и думать. Получивъ отвѣтъ отъ Тургенева на свое первое письмо и понявъ, что его второе письмо съ вызовомъ на дуэль является безпочвенной выходкой, Л. Толстой сейчасъ же написалъ Тургеневу,

что удовлетворяется его извиненіемъ, при чемъ нашелъ нужнымъ добавить: «Причины, по которымъ я извиняю васъ—не противоположности натуръ, а такія, которыя вы сами можете понять».

При этомъ Л. Толстой твердо рѣшилъ поставить немедленно крестъ на этомъ дѣлѣ и окружить свое сердце колючей проволокой, черезъ которую не могло бы проникнуть ничто, относящееся такъ или иначе къ Тургеневу.

И на письмо Фета съ примирительной тенденціей Л. Толстой отвѣтилъ:

«Желаю вамъ всего лучшаго въ отношеніяхъ съ этимъ человѣкомъ, но я его презираю, я ему написалъ и тѣмъ прекратилъ всѣ сношенія, исключая, ежели онъ захочетъ удовлетворенія... По промедленію, я послалъ другое письмо, на которое не получилъ отвѣта; но ежели и получу, не распечатавъ, возвращу назадъ...»

Тургеневъ, получивъ отъ Толстого черезъ небольшой промежутокъ времени 2-е письмо съ вызовомъ и 3-е на свое извинительное письмо, задержавшееся на пути,—написалъ Л. Толстому:

«Вашъ человѣкъ говоритъ, что вы желаете получить отвѣтъ на ваше письмо; но я не вижу, что бы я могъ прибавить къ тому, что я написалъ. Развѣ то, что я признаю за вами право потребовать отъ меня удовлетворенія вооруженною рукою: вы предпочли удовольствоваться высказаннымъ и повтореннымъ мною извиненіемъ. Это было въ вашей волѣ. Скажу безъ фразы, что охотно бы выдержалъ вашъ огонь, чтобы тѣмъ загладить мое дѣйствительно безумное слово. То, что

я его высказалъ, такъ далеко отъ привычекъ всей моей жизни, что я могу приписать это не чему иному, какъ раздраженію, вызванному крайнимъ и постояннымъ антагонизмомъ нашихъ воззрѣній. Это не извиненіе, я хочу сказать — не оправданія, а объясненія. И потому, разставаясь съ вами навсегда — подобныя происшествія неизгладимы, невозвратимы, — считаю долгомъ повторить еще разъ, что въ этомъ дѣлѣ правы были вы, а виноватъ я. Прибавляю, что тутъ вопросъ не въ храбрости, которую я хочу или не хочу показывать, а въ признаніи за вами права привести меня на поединокъ, разумѣется, въ принятыхъ формахъ (съ секундантами), такъ и права меня извинить. Вы избрали, что вамъ было угодно, и мнѣ остается покориться вашему рѣшенію.

«Снова прошу принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи. Ив. Тургеневъ».

Л. Толстой оставилъ это письмо безъ отвѣта. А черезъ нѣкоторое время послѣдовала и суровая резолюція по этому дѣлу. Фетъ, надѣясь смягчить Л. Толстого, попробовалъ написать ему о Тургеневѣ. И вотъ однажды изъ Ясной Поляны Фетомъ было получено письмо, въ которомъ Толстой, обругавъ Тургенева рѣзкимъ словомъ, рекомендовалъ старательному посреднику передать это съ точностью Тургеневу.

«Такъ же аккуратно, — писалъ онъ, — какъ вы передаете мнѣ его милыя изреченія, несмотря на мои однократныя просьбы о немъ не говорить. — И прошу васъ не писать ко мнѣ больше, ибо я вашихъ, такъ же какъ и Тургенева, писемъ распечатывать не буду».

XXVIII.

Такъ рѣзко и безповоротно вдругъ оборвались отношенія между тремя выдающимися русскими писателями. Правда, Фетъ попалъ въ эту кашу, какъ куръ во щи, исключительно вслѣдствіе своего чрезмѣрнаго усердія, и черезъ нѣкоторое время получилъ изъ Ясной Поляны амнистію. Но съ Тургеневымъ у Л. Толстого отношенія оборвались почти на 20 лѣтъ, къ грустной досадѣ всѣхъ ихъ общихъ пріятелей.

Но оборвались между ними только дружескія нити, — непріязнь же продолжала прясть свою губительную ткань, и одинъ разъ едва-едва опять не вспыхнулъ чудовищный пожаръ. Достойно вниманія, что большинство общихъ пріятелей Тургенева и Л. Толстого, по поводу ихъ исторіи, склонялись на сторону Л. Толстого. Такъ, между прочимъ, В. П. Боткинъ, всегда все тонко анализировавшій, высказываетъ по этому поводу такое соображеніе:

«Сцена, бывшая у Тургенева съ Толстымъ, произвела на меня тяжелое впечатлѣніе. Но я думаю, что въ сущности у Толстого страстно любящая душа и онъ хотѣлъ бы любить Тургенева со всею горячностью, но, къ несчастью, его порывчатое чувство встрѣчаетъ одно кроткое, добродушное равнодушіе. Съ этимъ онъ никакъ не можетъ помириться. А потомъ, къ несчастью, умъ его находится въ какомъ-то хаосѣ пред-

ставленій, т.-е. я хочу сказать, что въ немъ еще не выработалось опредѣленнаго воззрѣнія на жизнь и дѣла міра сего. Отъ этого такъ мѣняются его убѣжденія, такъ падокъ онъ на крайности. Въ душѣ его кипитъ ненасыщаемая жажда, говорю ненасыщаемая, потому что, что вчера насытило его, нынче разбивается его анализомъ. Но этотъ анализъ не имѣетъ никакихъ прочныхъ твердыхъ реагентовъ, и отъ этого въ результатѣ своемъ улетучивается ins blaue hinein. А не имѣя подъ ногами какой-нибудь твердой почвы, невозможно писать. И вотъ гдѣ причина, почему онъ не можетъ писать, и до тѣхъ поръ это продолжится, пока душа его на чемъ-нибудь успокоится».

И Боткинъ былъ правъ относительно «любящей души» Л. Толстого. Какъ только улеглась удушливая пыль отъ исторіи въ Степановкѣ, Л. Толстой опомнился, и его внутреннее существо, жаждавшее любви и мира, забило тревогу.

Въ немъ и тогда уже «перерывы злобы» и «просвѣты сознанія» давали яркія искры огня, озарявшія его духовное существо требованіями высшаго долга. Не на этотъ ли часъ я пришелъ?—спрашивалъ онъ себя словами Христа въ мучительныя минуты. И ловилъ эти искры на трутъ раскаянія, превращая гордость въ смиреніе и чуя пытливымъ сердцемъ, что «именно то, что трудно, и есть та ступень, до которой дошелъ и на которую надо поставить ногу, чтобы подняться».

И, разжегши свое сердце въ одинъ изъ такихъ внутреннихъ призывовъ, Л. Толстой написалъ Тургеневу, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ссоры, примири тель-

ное письмо, въ которомъ съ горечью сѣтовалъ на свои оскорбительныя выходки.

Для вѣрности Л. Толстой передалъ письмо черезъ петербургскаго книгопродавца Давыдова, имѣвшаго непосредственныя сношенія съ Тургеневымъ.

И можно судить о вновь возникшей горечи въ душѣ Л. Толстого, когда, послѣ продолжительнаго молчанія, онъ получилъ отъ Тургенева не дружескій откликъ, а... вызовъ на поединокъ...

Грустно-тяжелая исторія превращалась въ какую-то трагикомедію. Дуэль между двумя принципіальными противниками дуэли черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ случайной вспышки. Но дѣло было въ слѣдующемъ:

Мирнаго толстовскаго письма, переданнаго черезъ Давыдова, Тургеневъ не получилъ, а получилъ отъ такъ-называемыхъ «вѣрныхъ людей» реляціи, что будто въ Москвѣ по рукамъ ходятъ копіи толстовскаго оскорбительнаго письма, написаннаго въ Богословѣ по случаю недоразумѣнія съ нарочнымъ, и будто распространенію копій этого письма способствуетъ самъ Л. Толстой. Тогда Тургеневъ и сдѣлалъ Л. Толстому вызовъ, не считая, какъ онъ думалъ, себя болѣе въ правѣ оставлять это дѣло безъ кровавой развязки.

— Это меня взбѣсило, — говорилъ онъ, — и я послалъ Толстому вызовъ на время моего возвращенія въ Россію.

Къ счастью для Л. Толстого и для Тургенева второй вызовъ на поединокъ былъ мотивированъ какъ вынужденное слѣдствіе причины, которой на самомъ дѣлѣ не существовало.

«Толстой отвѣчалъ мнѣ, — писалъ Тургеневъ Фету, — что распространеніе списковъ его письма — чистая выдумка, и тутъ же прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ, повторивъ, что и какъ я его оскорбилъ — проситъ у меня извиненія и отказывается отъ вызова. Разумѣется на этомъ дѣло и должно покончиться, и я только прошу васъ сообщить ему (такъ какъ онъ пишетъ мнѣ, что всякое новое обращеніе къ нему отъ моего лица онъ сочтетъ за оскорбленіе), что я самъ отказываюсь отъ всякаго вызова и т. п. и надѣюсь, что это похоронено навѣкъ. Письмо его извинительное я уничтожилъ, а другое письмо, которое, по его словамъ, было послано ко мнѣ черезъ книгопродавца Давыдова, я не получилъ вовсе. А теперь всему этому дѣлу de profundis» (Парижъ, 1861, X, 8).

Къ сожалѣнію сѣть недоразумѣній между двумя писателями такъ запуталась, что пѣть de profundis было еще преждевременно. Самъ Тургеневъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возглашенія de profundis признаетъ съ горечью, что въ его отношеніяхъ съ Л. Толстымъ имѣется еще «такая рана, до которой ужъ лучше не прикасаться».

Дѣло въ томъ, что, одержавъ побѣду надъ графомъ Толстымъ иославъ черезъ книгопродавца Давыдова примирительное письмо Тургеневу, — Левъ Николаевичъ не зналъ, что Тургеневъ не получилъ этого письма и поэтому страдалъ вдвойнѣ отъ тургеневскаго письма: за себя и за «жаръ души, растраченный въ пустынѣ». Подтвержденіемъ можетъ служить признаніе самого Толстого, сдѣланное въ 1866 г. своей теткѣ — извѣстной

фрейлинѣ двора, Александрѣ Андреевнѣ Толстой. Лѣтомъ 1866 г. Л. Н. Толстой былъ въ с. Ильинскомъ, гдѣ въ то время она жила съ своею воспитанницею, великою княжною Марьей Александровной, и малолѣтними великими князьями Сергѣемъ и Павломъ Александровичами.

«Когда я, — разсказывала графиня, — стала разспрашивать Льва Николаевича объ этой ихъ ссорѣ, о которой слышала раньше, то онъ сказалъ мнѣ, что ссора эта была очень серьезная, едва не окончившаяся дуэлью. Причиною ихъ ссоры была довольна непріятная исторія... И Левъ Николаевичъ добавилъ:

«Моя роль въ этой исторіи была не дурная. Въ концѣ концовъ я все-таки первый написалъ Тургеневу самое дружеское примирительное письмо, но онъ отвѣтилъ мнѣ такъ грубо, что невольно пришлось прекратить съ нимъ всякія сношенія».

Тургеневъ, не зная о существованіи примирительнаго толстовскаго письма и находясь подъ раздражающими впечатлѣніями слуховъ о распространеніи письма, воспоминаніе о которомъ и безъ того было мучительно, — Тургеневъ въ свою очередь поддался враждебному чувству и оборвалъ въ душѣ всѣ нѣжныя нити, связывавшія его съ Толстымъ. И, получивъ наконецъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ затерявшееся письмо, Тургеневъ, хотя и былъ растроганъ его тономъ и очень досадовалъ на себя за свое письмо Толстому, по все-таки долженъ былъ признать, что ихъ «созвѣздія враждебно двигаются въ эѳирѣ» и потому лучше всего имъ избѣжать встрѣчъ.

«Но вы,—писалъ онъ Фету,—можете написать или сказать Толстому, что я (безъ всякихъ фразъ и каламбуровъ) издали его очень люблю, уважаю и съ участіемъ слѣжу за его судьбой; но вблизи все принимаетъ другой оборотъ. Что дѣлать! намъ слѣдуетъ жить, какъ будто мы существуемъ на различныхъ планетахъ или въ различныхъ столѣтіяхъ».

Въ сердцѣ своемъ и въ письмахъ къ общимъ знакомымъ Тургеневъ не перестаетъ, однако, интересоваться Л. Толстымъ и внимательно слѣдитъ за ослѣпительнымъ развитіемъ художественнаго дарованія Л. Толстого. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что у Тургенева нерѣдко сквозь его, повидимому совершенно чистыя и поэтическія отношенія къ Толстому, нѣтъ-нѣтъ да и прорывалась мутная струйка личной непріязни — точно фальшивая нота въ несыгравшемся оркестрѣ.

XXIX.

Зимою 1862 г. Л. Н. Толстой, проигравшись въ Москвѣ на китайскомъ бильярдѣ, взялъ у Каткова подъ «Казаковъ» авансъ въ 1000 р. Объ этомъ черезъ нѣкоторое время уже знала «вся Европа» съ ея колоніями. Узналъ объ этомъ и Тургеневъ.

«Дай-то Богъ, — писалъ онъ, — чтобы хоть этакимъ путемъ Толстой возвратился къ своему настоящему

дѣлу. Его «Дѣтство и юность» появилось въ англійскомъ переводѣ и, сколько слышно, нравится. Я попросилъ одного знакомаго написать объ этомъ статью въ «Revue des deux mondes». Знаться съ народомъ необходимо, но истерически льнуть къ нему, какъ беременная женщина, безсмысленно» (Парижъ, 1862, III, 6).

Когда вышли изъ печати «Казаки» Л. Толстого, Тургеневъ поддался ихъ художественному обаянію, но отзывы о нихъ давалъ все-таки съ примѣсью желчи.

«Казаковъ» я читалъ и пришелъ отъ нихъ въ восторгъ (и Боткинъ также). Одно лицо Оленина портитъ общее великолѣпное впечатлѣніе. Для контраста цивилизаціи съ первобытною, нетронутою природой не было никакой нужды снова выводить это возящееся съ самимъ собою, скучное и болѣзненное существо. Какъ это Толстой не сброситъ съ себя этотъ кошмаръ»? (Парижъ, 1863 г., IV, 7).

Но Л. Толстой былъ въ это время внѣ обстрѣла. Онъ женился и былъ счастливъ, какъ можетъ только быть счастливъ человѣкъ на землѣ.

«Фетушка, дяденька и просто милый другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, — писалъ онъ Фету въ сіяніи своего счастья. — Я двѣ недѣли женатъ и счастливъ, и новый, совсѣмъ новый человѣкъ» (Ясная Поляна, 1862 г., X, 9).

Такимъ образомъ Тургеневъ и Л. Толстой какъ бы по взаимному соглашенію признали, что они относительно другъ друга въ родѣ соды и кислоты. И лучше ужъ не соединяться, чѣмъ только шипѣть и пѣниться.

Но и на далекомъ разстояніи отношенія ихъ были

не изъ лучшихъ. Да и условія жизни Тургенева и Л. Толстого съ 1862 г. приняли различныя направленія. Л. Толстой послѣ женитьбы шелъ на всѣхъ парахъ удачи. У Тургенева, напротивъ, этотъ періодъ жизни отличался наибольшими дефектами. Послѣ «Отцовъ и дѣтей» литературная нива Тургенева не дала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ни одного обильнаго урожая: «Довольно», «Призраки» — вотъ и все, что написалъ Тургеневъ за нѣсколько лѣтъ.

Складывается неудачно въ этотъ періодъ и личная жизнь Тургенева. Ему часто нездоровится, а затѣмъ онъ никакъ не можетъ нигдѣ прочно припаяться, ни во Франціи, ни въ Россіи, живя безпочвенной жизнью номада.

И появленіе «Отцовъ и дѣтей» въ печати не дало Тургеневу желаннаго удовлетворенія, нанесши его самолюбію много неотразимыхъ ранъ, которыя онъ потомъ долго бередилъ въ себѣ. Либеральная печать и молодежь, какъ извѣстно, отнеслись къ «Отцамъ и дѣтямъ» недоброжелательно и съ явнымъ раздраженіемъ. Тургеневъ пытается стать выше всего этого, но постоянно прорывается отъ зудящей боли и самъ себѣ дѣлаетъ больное мѣсто изъ своего произведенія.

«Отрывокъ изъ статейки г-на Писарева, — пишетъ онъ Полонскому, — показываетъ, что молодые люди плюются; погоди, еще не такъ плеваться будутъ. Это все въ порядкѣ вещей—и особенно на Руси не диво, гдѣ м.. всѣ такіе деспоты въ душѣ, что намъ кажется, что мы не живемъ, если не бьемъ кого-нибудь по мордѣ. А мы скажемъ этимъ юнымъ плевателямъ: «на здо-

ровье!» и только посовѣтуемъ имъ выставить изъ среды своей хотя такихъ плохихъ писателей, каковы были тѣ, въ кого они плюютъ.... Жду большой брани, но я на этотъ счетъ порядочно равнодушенъ» (Парижъ, 1862, I, 24).

Но анонсируемое равнодушіе Тургенева къ критическимъ отзывамъ ограничивается только словами. На дѣлѣ же всякій удобный и неудобный случай даетъ Тургеневу поводъ возвращаться къ «Отцамъ и дѣтямъ». Онъ даже вступаетъ по этому поводу въ переписку съ молодежью, заявляя, что «мнѣніемъ молодежи нельзя не дорожить». Сочувственныя слова Ѳ. Достоевскаго съ которымъ Тургеневъ не былъ въ ладахъ) объ «Отцахъ и дѣтяхъ» вызываютъ въ Тургеневѣ неудержимый приливъ радости.

«Вы, — пишетъ онъ Достоевскому, — до того полно и тонко схватили то, что я хотѣлъ выразить Базаровымъ, что я только руки разставлялъ отъ изумленія и удовольствія. Точно вы въ душу мнѣ вошли и почувствовали даже то, что я не счелъ нужнымъ вымолвить... Теперь я спокоенъ насчетъ участи моей повѣсти; она сдѣлала свое дѣло, и мнѣ раскаиваться нечего...» и т. д., и т. п. (Парижъ, 1852 г., III, 18).

Правда, Тургеневъ заявляетъ при этомъ Достоевскому, что «тутъ дѣло не въ удовольствіи самолюбія, а въ удостовѣреніи, что ты, стало быть, не ошибся и не совсѣмъ промахнулся». Но позволительно кое-что изъ этого занести и по адресу авторскаго самолюбія, которое было сильно изранено въ тотъ періодъ.

Къ этому же времени на Тургенева обрушиваются

сложныя и гнетущія хлопоты по поводу свадьбы его дочери Полины съ французомъ Гастономъ Брюэромъ. Для заключенія брака требовались документы о рожденіи Полины. А ихъ-то и не было. Приходилось разыскивать мать Полины и вступать съ нею въ тягостные переговоры.

Увлекшись въ сороковыхъ годахъ миловидной дѣвушкой Дуняшей и приживъ съ ней ребенка, Тургеневъ испыталъ много тяжелыхъ минутъ по поводу этой связи. Послѣ долгой борьбы затянувшійся узелъ былъ наконецъ разрѣзанъ: Тургеневъ взялъ маленькую Полину къ себѣ на воспитаніе, а ея мать Дуню обезпечилъ извѣстной пенсіей. Во избѣжаніе недоразумѣній со стороны Дуни уплата пенсіи производилась черезъ довѣреннаго слугу. Такимъ образомъ Полина росла внѣ Россіи, внѣ материнской ласки, внѣ условій своего происхожденія. Но официально она числилась дочерью мѣщанки Авдотьи Ермолаевны Ивановой. И вотъ, когда Полинѣ пришлось выходить замужъ, то Тургеневу поневолѣ надо было прикоснуться къ старымъ ранамъ и входить въ сношенія съ матерью Полины. Можно думать, что деликатному Тургеневу пришлось пережить въ этотъ періодъ не мало горькихъ минутъ и въ связи съ своимъ будущимъ зятемъ Гастономъ, слишкомъ явно подчеркивавшимъ финансовую сторону брака.

Послѣ свадьбы Полины матеріальныя дѣла Тургенева осложнились до такой степени, что онъ нуждался иногда въ сотнѣ рублей и принужденъ былъ при-

бѣгать съ просьбами даже къ Достоевскому, издававшему тогда журналъ «Эпоху»:

«Любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, — пишетъ Тургеневъ, — спѣшу извѣстить васъ, что я получилъ вашъ вексель въ 300 рублей и благодарю васъ. Я бы, конечно, не сталъ васъ безпокоить, если бъ свадьба моей дочери со всѣми своими предвидѣнными и непредвидѣнными издержками не заставила меня постучаться во всѣ двери» (Баденъ, 1865 г., II, 21).

XXX.

Пріѣзжая каждый годъ въ Россію послѣ 1861 г., Тургеневъ иногда живалъ подолгу въ Спасскомъ, бывалъ у Фета, охотился съ нимъ, мечталъ о томъ, какъ они отрастятъ животы и предадутся образцовому эпикурейству, но шаговъ для примиренія съ Л. Толстымъ ни самъ не дѣлалъ, ни зова не слышалъ изъ Ясной Поляны. Выдающіеся русскіе писатели продолжали быть чужаками. Это нерѣдко сказывалось и въ ихъ литературныхъ отзывахъ.

Тургеневъ писалъ о «Поликушкѣ» Л. Толстого:

«Прочелъ «Поликушку» Толстого и удивился силѣ этого крупнаго таланта. Только матеріалу ужъ больно много потрачено, да и сынишку онъ напрасно утопилъ. Ужъ очень страшно выходитъ. Но есть страницы

поистинѣ удивительныя. Даже до холода въ спинной кости пробираетъ, а вѣдь у насъ уже и толстая, и грубая. Мастеръ, мастеръ» (СПБ., 1864, I, 25).

Л. Толстой, работавшій надъ «Войной и миромъ», интересовался критическимъ мнѣніемъ Тургенева.

«Ваше мнѣніе, — писалъ онъ Фету, — да еще мнѣніе одного человѣка, котораго я не люблю тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе я вырастаю большой, мнѣ дорого — Тургенева» (Ясная Поляна, 1865 г., I, 23).

Но относительно тургеневскихъ художественныхъ произведеній того времени Л. Толстой держится не особенно высокаго мнѣнія.

— Тургеневское «Довольно» мнѣ не нравится, — говорилъ онъ. — Личное, субъективное хорошо только тогда, когда оно полно жизни, страсти, а тутъ субъективность полна безжизненнаго страданія.

Между тѣмъ Тургеневу такъ нравилось его «Довольно», что онъ увѣрялъ, будто «не только В. Боткинъ, но даже сто Боткиныхъ не въ состояніи увѣрить, что «Довольно» *одинъ наборъ словъ*. Не такъ оно писалось».

И очевидно уязвленный неблагопріятнымъ отзывомъ Боткина, Тургеневъ отдается перебоямъ души и прибѣгаетъ даже къ каламбурамъ относительно автора «Писемъ объ Испаніи»:

«A propos des bottes... kine... Я получилъ отъ этого франта письмо изъ Парижа» и т. д. (Баденъ-Баденъ, 1865, X, 10).

По выходѣ изъ печати «Войны и мира» (сначала

подъ названіемъ («1805 годъ»), Тургеневъ отзывается о новомъ произведеніи Л. Толстого съ большой строгостью.

«Вторая часть «1805 года» слаба: какъ это все мелко и хитро, и неужели не надоѣли Толстому эти вѣчныя разсужденія о томъ,—трусъ, молъ, я или нѣтъ? И эта патологія сраженія. Гдѣ тутъ черты эпохи? Гдѣ краски историческія? Фигура Денисова бойко начерчена; но она была бы хороша, какъ узоръ на фонѣ,—а фона-то и нѣтъ» (Баденъ-Баденъ, 1866 г., III, 25).

Черезъ нѣкоторое время Тургеневъ еще строже осуждаетъ новое произведеніе Толстого:

«Романъ Толстого плохъ не потому, что онъ также заразился «разсудительствомъ»; этой бѣды ему бояться нечего; онъ плохъ потому, что авторъ ничего не изучилъ, ничего не знаетъ и подъ именемъ Кутузова и Багратіона выводитъ намъ какихъ-то рабски списанныхъ современныхъ генеральчиковъ».

И затѣмъ:

«Романъ Толстого—вещь удивительная; но самое слабое въ немъ именно то, чѣмъ восторгается публика: историческая сторона и психологія. Исторія его фокусъ, битье тонкими мелочами по глазамъ; психологія — капризно-однообразная возня въ однихъ и тѣхъ же ощущеніяхъ. Все бытовое, описательное, военное—это первый сортъ; и подобнаго Толстому мастера у насъ не имѣется».

Но вышедшій въ свѣтъ романъ Л. Толстого производитъ почти вездѣ ошеломляющее впечатлѣніе. Даже осторожный В. Боткинъ — и тотъ приходитъ въ вос-

торгъ отъ «Войны и мира». Тургеневъ тоже, видимо, поддается временно общему потоку восхищенія, хотя и съ оговорками.

«Я ѣду въ Россію... — пишетъ онъ Фету. — Не сомнѣваюсь въ томъ, что вы пріѣдете ко мнѣ... То-то мы поспоримъ. Впрочемъ, Богъ знаетъ: я очень сталъ тихонькій... Только что прочелъ 4-й томъ «Войны и мира». Есть вещи невыносимыя и есть вещи удивительныя; и удивительныя эти вещи, которыя въ сущности преобладаютъ, такъ великолѣпно хороши, что ничего лучшаго у насъ никогда не было написано никѣмъ: да врядъ ли было написано что-нибудь столь хорошее. 4-й и 1-й томъ слабѣе 2-го и особенно 3-го; 3-й томъ почти весь chef-d'œuvre (Баденъ, 1868 г., VI, 12).

Но затѣмъ внезапно опять съ большой строгостью обрушивается на «Войну и миръ»:

«... Самый печальный примѣръ, — пишетъ Тургеневъ, — отсутствія истинной свободы, проистекающаго изъ отсутствія истиннаго знанія, представляетъ намъ послѣднее произведеніе графа Л. Н. Толстого («Война и миръ»), которое въ то же время, по силѣ творческаго, поэтическаго дара, стоитъ едва ли не во главѣ всего, что явилось въ нашей литературѣ съ 1840 года. Нѣтъ! безъ образованія, безъ свободы въ обширнѣйшемъ смыслѣ, въ отношеніи къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже къ своему народу, къ своей исторіи, — немыслимъ истинный художникъ; безъ этого воздуха дышать нельзя».

Но совершенно иной тонъ звучитъ въ отзывѣ о «Войнѣ и мирѣ», сдѣланномъ въ это же время В. Боткинымъ,

не принадлежащимъ къ поклонникамъ Л. Толстого, но не загипнотизированнымъ и личной непріязнью:

«Мы только на-дняхъ кончили «Войну и миръ»,— пишетъ онъ.—Исключая страницы о масонствѣ, которыя мало интересны и какъ-то скучно изложены,— этотъ романъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходенъ. Но неужели Толстой остановится на пятой части? Мнѣ кажется, что это невозможно. Какая яркость и вмѣстѣ глубина характеристики! Какой характеръ Наташи и какъ выдержанъ! Да, все въ этомъ превосходномъ произведеніи возбуждаетъ глубочайшій интересъ. Даже его военныя соображенія полны интереса, и мнѣ въ большей части случаевъ кажется, что онъ совершенно правъ. И потомъ какое это глубоко-русское произведеніе» (Островъ Искія, 1869, IV, 9).

XXXI.

Въ письмахъ къ Фету, который продолжалъ дружить съ Л. Толстымъ, Тургеневъ продолжаетъ отъ времени до времени отдавать дань конвульсіямъ своего сердца.

«Мысленно рисую васъ,—пишетъ онъ,—то съ ружьемъ въ рукѣ, то просто бесѣдующаго о томъ, что Шекспиръ былъ глупецъ и что, говоря словами Л. Н. Толстого, только та дѣятельность приноситъ плоды,

которая безсознательна. Какъ это, подумаешь, сѣверные американцы во снѣ, безъ всякаго сознанія, провели желѣзную дорогу отъ Нью-Іорка до С.-Франциско? Или это не плодъ?» (Баденъ-Баденъ, 1869 г., X, 3).

И черезъ нѣкоторое время опять:

«Новаго ничего нѣтъ подъ луною, повѣрьте, даже въ Степановкѣ; даже ваши три философскихъ этажа не новы. Предоставьте Толстому открывать, какъ говаривалъ Вас. П. Боткинъ, Средиземное море» («Баденъ-Баденъ, 1869 г., XII, 21).

Всѣ эти намеки, выпады и булавки по адресу Толстого Тургеневъ дѣлалъ тогда отчасти изъ непріязненнаго чувства къ автору «Войны и мира» и изъ досады на Л. Н. Толстого за его пристрастіе къ философіи.

«Изъ вашего послѣдняго письма, — пишетъ Тургеневъ, — я, грѣшный человѣкъ, понялъ мало. Чую въ немъ вѣяніе того духа, которымъ наполнена половина «Войны и мира» Толстого, — и потому уже и не суюсь» (Баденъ-Баденъ, 1869 г., XII, 21).

А однажды Тургеневъ заявилъ:

— Только можно читать Толстого, когда онъ не философствуетъ, да Рѣшетникова...

Между тѣмъ Л. Толстой, какъ нарочно, только и увлекался въ то время философіей.

«Знаете ли, что было для меня нынѣшнее лѣто? — писалъ онъ Фету. — Неперестающій восторгъ передъ Шопенгауэромъ и рядъ духовныхъ наслажденій, которыхъ я никогда не испытывалъ. Я выписалъ всѣ его сочиненія и читалъ и читаю (прочелъ и Канта).

И, вѣрно, ни одинъ студентъ въ свой курсъ не учился такъ много и столь многаго не узналъ, какъ я въ нынѣшнее лѣто. Не знаю, перемѣню ли я когда мнѣніе, но теперь увѣренъ, что Шопенгауэръ геніальнѣйшій изъ людей. Вы говорили, что онъ такъ себѣ кое-что писалъ о философскихъ предметахъ. Какъ кое-что? Это весь міръ въ невѣроятно ясномъ и красивомъ отраженіи. Я началъ переводить его. Не возьметесь ли и вы за переводъ его? Мы бы издали вмѣстѣ. Читая его, мнѣ непостижимо, какимъ образомъ можетъ оставаться имя его неизвѣстнымъ? Объясненіе только одно, то самое, которое онъ такъ часто повторяетъ, что кромѣ идіотовъ на свѣтѣ почти никого нѣтъ» (Ясная Поляна, 1869, VIII, 30).

Въ 1871 году Л. Толстой отдался изученію богословскихъ наукъ и началъ усиленно заниматься греческимъ языкомъ. Въ концѣ-концовъ усиленныя занятія сломили желѣзное здоровье, и Л. Н. заболѣлъ отъ переутомленія. Рѣшили отправить его въ Самарскую губернію на кумысъ. Фетъ не преминулъ сообщить отъ этомъ Тургеневу, который находился тогда въ Лондонѣ. Авторъ «Отцовъ и дѣтей» съ благородствомъ отбрасываетъ отъ себя непріязненное чувство и пишетъ:

«Я очень боюсь за Л. Толстого, недаромъ у него два брата умерли чахоткой, — и я очень радъ, что онъ ѣдетъ на кумысъ, въ дѣйствительность и пользу котораго я вѣрю. Л. Толстой, эта единственная надежда нашей осиротѣвшей литературы, не можетъ и не долженъ такъ же скоро исчезнуть съ лица земли, какъ его предшественники—Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь.

И дался же ему вдругъ греческій языкъ» (Лондонъ, 1871 г., іюль, 2).

Но черезъ нѣкоторое время скрипящій лейтъ-мотивъ опять пробивается въ пѣсняхъ Тургенева.

«Я очень радъ, что Толстому лучше и что онъ греческій языкъ-таки одолѣлъ, это дѣлаетъ ему великую честь и приноситъ ему великую пользу. Но зачѣмъ онъ толкуетъ о необходимости создать какой-то особый русскій языкъ? Создать языкъ!.. — создать море. Оно разлилось кругомъ безбрежными и бездонными волнами; наше писательское дѣло — направить часть этихъ волнъ въ наше русло, на нашу мельницу. И Толстой это умѣетъ дѣлать. А потому его фраза лишь настолько меня безпокоитъ, насколько она показываетъ, что ему все еще хочется мудрить» (Баденъ-Баденъ, 1871 г., авг. 6).

Черезъ два мѣсяца Тургеневъ пишетъ изъ Парижа:

«Я очень радъ, что здоровье Л. Толстого исправилось и что онъ работаетъ. Что бы онъ ни дѣлалъ, будетъ хорошо, если онъ самъ не исковеркаетъ дѣла рукъ своихъ. Философія, которую онъ ненавидитъ, оригинальнымъ образомъ отмстила ему: она его самого заразила, и нашъ врагъ резонерства сталъ резонерствовать напропалую. Авось это все съ него теперь соскочило, и остался только чистый и могучій художникъ» (Парижъ, 1871 г., ноябрь 24).

XXXII.

Л. Толстой все это время ни въ одномъ изъ своихъ писемъ не упоминаетъ о Тургеневѣ. И въ бесѣдахъ съ пріятелями старается избѣгать разговоровъ о Тургеневѣ, не питая къ нему добрыхъ чувствъ, но боясь поддаться внушенію и дурныхъ. Тургеневъ, зная это, тѣмъ не менѣе интересуется Л. Толстымъ и доходитъ иногда даже до самоуниженія:

«Что вы мнѣ ничего не говорите о Львѣ Толстомъ?— спрашиваетъ онъ Фета. — Онъ меня «ненавидитъ и презираетъ», а я продолжаю имъ сильно интересоваться, какъ самымъ крупнымъ современнымъ талантомъ» (Буживаль, 1873 г., авг. 21).

И когда Тургеневъ узналъ, что Л. Толстой ни разу не отзывался о немъ во враждебномъ тонѣ, авторъ «Дворянскаго гнѣзда» очень обрадовался этому, хотя все-таки никакъ не могъ примириться съ пристрастіемъ Л. Толстого къ философіи. И, гостя въ 1873 г. у Жоржъ-Зандъ въ ея Chateau de Nohant, Тургеневъ пишетъ оттуда:

«Радуюсь, что Левъ Толстой меня не ненавидитъ, и еще болѣе радуюсь слухамъ о томъ, что онъ оканчиваетъ большой романъ. Дай только Богъ, чтобы тамъ философіи не было» (1873 г., сент. 13).

Въ 1874 году Тургеневъ, значительно перегорѣвшій въ своемъ раздраженіи противъ Л. Толстого и ду-

шевно тямящійся по немъ, дѣлаетъ нѣчто въ родѣ пробныхъ развѣдокъ для проведенія дороги между Парижемъ и Ясной Поляной. Онъ обращается черезъ Фета къ Л. Толстому о разрѣшеніи напечатать на французскомъ языкѣ нѣкоторыя произведенія Л. Толстого и затѣмъ присылаетъ Л. Толстому французскій переводъ «Двухъ гусаровъ» и письмо въ третьемъ лицѣ. Толстой изъявляетъ согласіе и благодарность за вниманіе, но Фету пишетъ:

«Отъ Тургенева получилъ переводъ, напечатанный въ «Temps», «Двухъ гусаровъ», письмо въ третьемъ лицѣ, просящее извѣстить, что я получилъ и что г-жей Віардо и Тургеневымъ переводятся другія повѣсти, — что ни то, ни другое совсѣмъ не нужно было». (Ясная Поляна, 1874 г. III.)

Тургеневъ видимо доволенъ результатами развѣдочныхъ работъ и продолжаетъ ихъ съ новой энергіей.

«Ваше письмо, — пишетъ онъ Фету, — съ уполномочіемъ Толстого прибыло въ rue de Douai только вчера, т.-е. черезъ съ небольшимъ три недѣли! Мнѣ этотъ фактъ въ сущности только потому непріятенъ, что онъ могъ внушить вамъ мысль, что я не умѣлъ оцѣнить готовность, съ которой вы исполнили мою просьбу. А я и вамъ, и Л. Н. Толстому очень благодаренъ. Теперь уже сезонъ на исходѣ, но я все-таки постараюсь помѣстить въ «Revue des deux mondes» или въ «Temps» его «Три смерти», а къ осени непремѣнно напечатаю «Казаковъ». Чѣмъ чаще перечитываю я эту повѣсть, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что это chef-d'œuvre Толстого и всей русской повѣствовательной литературы. На-

дѣюсь, что онъ совсѣмъ поправился въ своемъ здоровьѣ (Парижъ, 1874 г., III, 4)

Появленіе Анны Карениной не встрѣтило со стороны Тургенева особеннаго сочувствія. Его попрежнему отталкивало «философствованіе», котораго онъ никакъ не могъ простить Л. Толстому. И Тургеневъ и устно, и письменно всячески старается доказать свою непогрѣшимость въ этомъ отношеніи.

«Талантъ изъ ряду вонъ, — пишетъ онъ изъ Парижа А. С. Суворину: — но въ «Аннѣ Карениной» Толстой, какъ говорятъ здѣсь, a fait fausse route: вліяніе Москвы, славянофильскаго дворянства, старыхъ православныхъ дѣвъ, собственнаго уединенія и отсутствія настоящей, художнической свободы. Вторая часть просто скучна и м е л к а, вотъ что горе» (Парижъ, 1875 г., мартъ, 14).

Затѣмъ и дальше Тургеневъ продолжаетъ варіировать въ своихъ отзывахъ и письмахъ объ «Аннѣ Карениной» взятый имъ аккордъ съ неразлучнымъ лейтъ-мотивомъ полураздраженія:

— Неужели же, — говорилъ Тургеневъ Полонскому, — ты хоть одну минуту могъ подумать, что Левинъ влюбленъ или любитъ Кити или что Левинъ вообще можетъ любить кого-нибудь? Нѣтъ, любовь есть одна изъ тѣхъ страстей, которая надламливаетъ наше «я», заставляетъ какъ бы забывать о себѣ и о своихъ интересахъ. Левинъ же, узнавши, что онъ любимъ и счастливъ, не перестаетъ носиться съ своимъ собственнымъ «я», ухаживаетъ за собой. Ему кажется, что даже

извозчики, и тѣ, какъ-то особенно, съ особеннымъ уваженіемъ и охотой, предлагаютъ ему свои услуги. Онъ злится, когда его поздравляютъ люди, близкіе къ Кити. Онъ ни на минуту не перестаетъ быть эгоистомъ и носится съ собой до того, что воображаетъ себя чѣмъ-то особеннымъ. Психологически все это очень вѣрно (хотя я и не люблю психологическихъ подробностей и тонкостей въ романѣ), но всѣ эти подробности доказываютъ, что Левинъ эгоистъ до мозга костей, и понятно, почему на женщинъ онъ смотритъ, какъ на существъ, созданныхъ только для хозяйственныхъ и семейныхъ заботъ и дрязгъ. Говорятъ, что самъ авторъ похожъ на этого Левина—это едва ли! Все можетъ быть—это только одна изъ сторонъ его характера, всецѣло перешедшая въ характеръ Левина и въ немъ художественно обработанная. Но я все-таки не понимаю, чему тутъ сочувствовать? Не одна любовь, — всякая сильная страсть, религіозная, политическая, общественная, даже страсть къ наукѣ, надламливаетъ нашъ эгоизмъ. Фанатики идеи, часто нелѣпой и безразсудной, тоже не жалѣютъ головы своей. Такова и любовь...»

Въ другой разъ Тургеневъ еще неблагосклоннѣе отозвался объ «Аннѣ Карениной»:

— Анна Каренина» мнѣ не нравится, хотя въ ней есть дѣйствительно великолѣпныя мѣста (скачки, косьба, охота). Но все это отзывается кислятиной, пахнетъ Москвою, лампаднымъ масломъ, старыми дѣвами, славянофильствомъ, юнкерствомъ и т. п.

Всѣ эти неблагосклонные отзывы не мѣшали, однако, Тургеневу съ увлеченіемъ вспахивать почву въ Ев-

ропѣ для Льва Толстого и проявлять свѣтлыя и благородныя стороны своей аристократически-художественной натуры.

XXXIII.

А время между тѣмъ все шло, зарубцовывая раны и приближая писателей къ старости. Болѣе пятнадцати лѣтъ протекло со дня несчастной ссоры. Россію озарила эпоха великихъ реформъ. Вешними водами хлынули и протекли могучіе шестидесятые годы. А два лучшихъ русскихъ писателя все числились недругами. Они и наружно очень измѣнились за это время. Тургеневъ совсѣмъ посеребрѣлъ, точно дѣдушка-морозъ. Какъ ни весело ему жилось въ Парижѣ среди всякихъ тонкихъ развлеченій и сливокъ французской умственной аристократіи, но и въ его пѣсняхъ начали проскальзывать грустныя нотки. И онъ, подобно одному изъ своихъ героевъ, извлекъ изъ всѣхъ жизненныхъ завоеваній только одинъ урокъ, что жизнь не шутка, не забава, а тяжелый трудъ. «Отреченіе — вотъ ея тайный смыслъ»...

Съ каждымъ годомъ все чаще и ожесточеннѣе стали осаждать Тургенева и недуги, и разныя житейскія невзгоды. Бывали полосы на нивѣ его жизни, дававшія только куколь и крапиву. Жизнь иногда теряла цѣнность въ его глазахъ, и онъ падалъ духомъ.

«Подагра почти покинула меня, — писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — но нравственно я хуже, чѣмъ калѣка—я совсѣмъ старикъ; ко всему охладѣлъ— и только воспоминанія о прежнихъ друзьяхъ и временахъ немного шевелятъ меня». (Парижъ, 1878 г., I, 2.)

За это время и Левъ Николаевичъ пережилъ не мало битвъ, хотя и въ другомъ родѣ. 1878-й годъ былъ особенно чреватъ для него событіями. Онъ искалъ Бога по церквамъ и монастырямъ, — посѣщалъ служителей церкви, знакомился съ представителями различныхъ религій, ходилъ въ Оптину Пустынь, велъ продолжительную бесѣду съ знаменитымъ старцемъ Амвросіемъ и проч., и проч. И въ то же время, когда опустошенная душа томилась по святынямъ, неутолимая художественная потребность предъявляла къ нему свои права. Онъ интересовался эпохой декабристовъ и былъ захваченъ, какъ художникъ, фигурой дѣятеля 20-хъ годовъ—В. А. Перовскаго.

«У меня давно, — писалъ онъ графинѣ А. А. Толстой, — бродитъ въ головѣ планъ сочиненія, мѣстомъ котораго долженъ быть Оренбургскій край, а время— Перовскаго. Теперь я привезъ изъ Москвы цѣлую кучу матеріаловъ для этого. Все, что касается В. А. Перовскаго, мнѣ ужасно интересно, — и долженъ вамъ сказать, что это лицо, какъ историческое лицо и характеръ, мнѣ очень симпатично. Что бы сказали вы и его родные? и дадите ли вы и его родные мнѣ бумагъ и писемъ, съ увѣренностью, что никто, кромѣ меня, ихъ читать не будетъ?..»

Графиня Александра Андреевна поспѣшила отвѣ-

тить Л. Н. Толстому въ желаемомъ для него смыслѣ, — и вскорѣ получила отъ него второе письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ:

«Буду ждать Перовскаго... Личность его вы совершенно вѣрно опредѣляете à grands traits; такимъ и я представляю его себѣ; и такая фигура—одна, напоминающая картину. Біографія его была бы груба; но съ другими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нѣжными характерами, какъ, напримѣръ, Жуковскій, котораго вы, кажется, хорошо знали, а главное съ декабристами, — эта крупная фигура, составляющая тѣнь (оттѣнокъ) къ Николаю Павловичу, самой крупной и à grands traits фигуры, — выражаетъ вполнѣ то время...» «Я теперь весь погруженъ въ чтеніе изъ времени двадцатыхъ годовъ, — и не могу вамъ выразить то наслажденіе, которое я испытываю, воображая себѣ это время. Странно и пріятно думать, что то время, которое я помню — тридцатые годы — уже исторія!.. Такъ и видишь, что колебаніе фигуръ на этой картинѣ прекращается, — и все останавливается въ торжественномъ покоѣ истины и красоты...

«Молюсь Богу, чтобы онъ позволилъ мнѣ сдѣлать хоть приблизительно то, что я хочу. Дѣло это для меня такъ важно, что какъ вы ни способны понимать все, вы не можете представить — до какой степени это важно: такъ важно, какъ важна для васъ ваша вѣра; и еще важнѣе, — мнѣ бы хотѣлось сказать; но — важнѣе ничего не можетъ быть. И оно — то самое и есть».

Но къ этой работѣ, какъ извѣстно, Л. Н. Толстой

такъ и не подошелъ вплотную, а потомъ и совсѣмъ ее оставилъ. Что же касается его внутренней работы, то она не прекращалась весь 1878 годъ. Онъ истово отсѣкалъ и отметалъ отъ себя все, преграждавшее ему дорогу къ побѣдѣ надъ самимъ собою, дѣлая попутно, какъ всегда, собственную расцѣнку различнымъ моральнымъ цѣнностямъ. И, страдая за свои грѣхи, особенно же сильно страдая за злобу къ людямъ «и безсиліе не только любви, но и прощенія», онъ приходитъ къ заключенію,—что покаяніе вообще не ведетъ еще ни къ чему. Мало, молъ, сказать самымъ искреннимъ образомъ: грѣшенъ, весь въ грѣхахъ, родился въ грѣхѣ, что не ступлю—то грѣхъ и т. д.

«Это признаніе, — говорилъ Л. Н. въ одномъ изъ своихъ писемъ: — собравъ, запекши въ одну кучу всѣ грѣхи, какъ бы отдаляетъ ихъ отъ человѣка. А этотъ музей надо держать въ порядкѣ, чтобы сейчасъ найти, что и когда нужно, и чтобы всѣ они, предметы-грѣхи, были порознь, не закрывали бы одинъ другого и являлись бы въ самомъ внушительномъ видѣ»...

И приводитъ затѣмъ такой рецептъ:

«Для того, чтобы перестать злиться на человѣка, примириться, простить, если есть что прощать, даже пожалѣть и полюбить его, надо что? Лучше всего вспомнить свой грѣхъ передъ нимъ, такой же, какъ его. Это особенное счастье, и тогда сразу исцѣленье».

И часто чувствуя себя какъ бы въ рабской зависимости отъ своего непріязненнаго чувства къ Тургеневу, Л. Толстой освѣтилъ однажды со всѣхъ сторонъ свою вину передъ Тургеневымъ и сразу почувствовалъ

«исцѣленіе». Вмѣсто враждебнаго чувства въ его сердцѣ затеплилась благожелательность. Бережно лелѣя въ себѣ это чувство, Л. Толстой пользуется первымъ подвернувшимся поводомъ и пишетъ Тургеневу въ Парижъ дружелюбное письмо.

Тургеневъ былъ радостно взволнованъ дружескимъ призывомъ Л. Толстого и немедленно отвѣтилъ ему:

«Съ величайшей охотой крѣпко жму протянутую мнѣ вами руку. Вы совершенно правы, не предполагая во мнѣ враждебныхъ чувствъ къ вамъ; если они и были, то давнымъ-давно исчезли... Я надѣюсь нынѣшнимъ лѣтомъ попасть въ Орловскую губернію—и тогда мы, конечно, увидимся» и т. д. (Парижъ, май, 8, 1878 г.)

Такимъ образомъ только послѣ семнадцати лѣтъ между двумя писателями растаяла наконецъ ледяная стѣна.

XXXIV.

По пріѣздѣ въ Россію, Тургеневъ немедленно приступилъ къ осуществленію давно желаннаго свиданія. Онъ написалъ изъ Москвы въ Ясную Поляну и просилъ Льва Николаевича назначить мѣсто свиданія. Л. Толстой дружески отвѣтилъ, что будетъ очень радъ, если Тургеневъ пріѣдетъ въ Ясную Поляну. И въ Ясной Полянѣ съ нетерпѣніемъ начали поджидать дорогого гостя.

Къ этому времени у Льва Николаевича была большая семья. Старшія его дѣти уже жили сознательной жизнью и понимали значеніе Тургенева. Надо сказать, что въ присутствіи дѣтей Л. Толстой никогда не проявлялъ непріязненнаго отношенія къ Тургеневу, и они воспитывались въ глубокомъ уваженіи къ автору «Записокъ охотника», поэтическую прелесть которыхъ умѣли цѣнить съ дѣтства. И понятно, почему предстоящій пріѣздъ Тургенева волновалъ ихъ сердца.

Графиня Софья Андреевна тоже съ нетерпѣніемъ ждала Ивана Сергѣевича. Она помнила его еще съ дѣтства, когда онъ бывалъ у нихъ въ Москвѣ, въ домѣ ея отца, доктора Берса. И всякій разъ, — разсказывала С. А., — когда она думала о Тургеневѣ, въ ея памяти рисовалась гигантская фигура съ черными прядями волосъ, падавшими на лобъ, и какъ этотъ великанъ бралъ ее на руки и, поднявъ высоко въ своихъ огромныхъ рукахъ, отечески цѣловалъ и непремѣнно говорилъ что-нибудь ласковое и веселое.

Выйдя замужъ и узнавъ о натянутыхъ отношеніяхъ между Львомъ Николаевичемъ и Тургеневымъ, графиня Софья Андреевна была очень огорчена этимъ. И когда въ Ясной Полянѣ получилось извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ Тургенева, она вдвойнѣ обрадовалась: и за своего мужа, и за себя. И съ нетерпѣніемъ ждала Тургенева.

Но больше всѣхъ горѣлъ нетерпѣніемъ Левъ Николаевичъ. Въ немъ давно уже перетлѣло нелюбовное чувство къ Тургеневу, и осталась только одна неудовлетворенная потребность общенія съ старымъ пріяте-

лемъ. Кромѣ того, пріѣздъ Тургенева какъ нельзя болѣе совпадаетъ съ тогдашними душевными запросами Льва Николаевича. Онъ былъ въ томъ особенномъ благостномъ настроеніи, какое нисходитъ на человѣка въ періоды внутреннихъ подъемовъ. И ему хотѣлось подѣлиться своими сокровищами со всѣми людьми и съ Тургеневымъ въ особенности.

XXXV.

И вотъ однажды передъ вечеромъ отъ Тургенева была получена телеграмма о его пріѣздѣ. Близкіе ко Льву Николаевичу замѣтили, что полученное извѣстіе очень взволновало его. И это волненіе быстро передалось всѣмъ.

Наконецъ около полудня 7-го августа 1878 г. пріѣхалъ въ Ясную Поляну и давно желанный гость.

Тургеневъ съ бѣлыми густыми волосами, разгорѣвшимся отъ ѣзды лицомъ и нависшей серебристой прядью на лбу показался всѣмъ яснополянцамъ необыкновенно красивымъ и величественнымъ. Рядомъ съ нимъ Левъ Николаевичъ производилъ впечатлѣніе невыгодное для него. Хозяинъ провелъ гостя въ свой кабинетъ и закрылъ за собою дверь.

Черезъ полчаса они появились въ столовой весело возбужденные и, дружески бесѣдуя, сѣли за столъ,

оба около графини Софьи Андреевны — Тургеневъ слѣва, Л. Н. — справа. За длиннымъ столомъ возсѣдала и вся многочисленная яснополянская колонія Толстыхъ съ родственниками, учителями и гувернантками.

Въ теченіе обѣда центромъ общаго интереса былъ, конечно, Тургеневъ. Онъ говорилъ съ одушевленіемъ, любуясь семьей Льва Николаевича, вспоминая московскую жизнь, разспрашивая объ общихъ знакомыхъ, разсказывая о Парижѣ и опять переходя на Ясную Поляну, вызывавшую въ немъ восхищеніе. Онъ впервые видѣлъ Льва Николаевича какъ бы въ роли патріарха, окруженнаго многочисленною любящею семьею. Молодыя оживленныя лица съ веселыми блестѣвшими глазами, добрыя непринужденныя отношенія между всѣми и что-то новое во Львѣ Николаевичѣ — сосредоточенно-тихое и мягкое, чего никогда дотолѣ не замѣчалъ Тургеневъ въ авторѣ «Войны и мира», — все это трогало и плѣняло Тургенева. И, любуясь графиней Софьей Андреевной, которая въ ту пору достигла своего полнаго расцвѣта, Тургеневъ любовно сказалъ Льву Николаевичу:

— Какъ хорошо вы сдѣлали, душа моя, что женились на своей женѣ.

И тутъ же началъ слагать восторженные панегирики русской женщинѣ и съ грустной ноткой говорилъ о француженкахъ.

— Русскія женщины и дѣвушки, — говорилъ Тургеневъ съ заблестѣвшими глазами, — настолько лучше и выше французскихъ, что когда попадешь въ русскую

семью, то испытываешь такое впечатлѣніе, какъ-будто изъ темной комнаты приходишь въ свѣтлую.

Все это говорилъ, однако, не Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, а увлекавшійся и увлекательный поэтъ-художникъ, умѣвшій навѣвать поэтическія грезы на самыя прозаическія головы; Тургеневъ же, Иванъ Сергѣевичъ, изъ-за француженокъ готовъ былъ пожертвовать не только всѣми русскими женщинами и всѣми своими привязанностями въ Россіи, но даже и своимъ носомъ, какъ шутили надъ Тургеневымъ. Дѣло въ томъ, что Тургеневъ имѣлъ пристрастіе къ нюханью табаку и въ Россіи почти не разставался съ табакеркой. Но какъ только уѣзжалъ во Францію, онъ усиліемъ воли подавлялъ свою слабость и пряталъ табакерку. Однажды онъ даже сочинилъ комически-скорбное стихотвореніе по поводу своего сиротѣющаго носа. Какъ-то передъ отъѣздомъ изъ Россіи онъ грустно посмотрѣлъ на Полонскаго и сказалъ со вздохомъ:

— Осиротѣетъ тамъ мой бѣдный носъ, осиротѣетъ. Тамъ ужъ нельзя будетъ къ нему подносить табакерку и табачкомъ угощать его... Кончено.

— Почему жъ въ Парижѣ онъ долженъ будетъ перестать нюхать? — спросилъ Полонскій.

— Нельзя, — безнадежно отвѣтилъ Тургеневъ. — Тамъ дамы не разрѣшаютъ мнѣ...

— А ты нюхай въ ихъ отсутствіе.

— И этого нельзя: подойдутъ — услышатъ запахъ...

Эта удивительная и даже трогательная приверженность Тургенева къ его французскимъ дамамъ не мѣшала, конечно, ему увлекаться самымъ чистосердеч-

нымъ образомъ въ Ясной Полянѣ русскими женскими типами.

Заразительно оживленное настроеніе Тургенева и его общительность быстро сблизили его со всѣми яснополянцами. Черезъ нѣкоторое время въ Ясной Полянѣ уже не чувствовалось ни малѣйшей неловкости отъ присутствія всемірной знаменитости. Тургеневъ отлично разсказывалъ и зналъ множество забавныхъ вещей, смѣшившихъ до упаду яснополянскую молодежь, а также и Льва Николаевича, вообще падкаго на всякое проявленіе юмора. Съ неподражаемой уморительностью изображалъ Тургеневъ охотничьихъ собакъ въ различные моменты ихъ жизни; курицу, попавшую въ супъ и т. п. Но верхомъ шумнаго веселья было участіе Тургенева въ танцахъ, затѣянныхъ яснополянской молодежью. Сначала Тургеневъ участвовалъ въ общей кадрили, какъ степенный кавалеръ. Но затѣмъ вдругъ сбросилъ съ себя сюртукъ и, заправивъ пальцы за вырѣзы жилета, началъ демонстрировать парижскій канканъ съ такими «выкрутасами», какія, вѣроятно, и во снѣ не снились яснополянскимъ танцорамъ. Молодежь была въ неописуемомъ восторгѣ. И три дня, прожитые Тургеневымъ въ Ясной Полянѣ, прошли весело и дружественно.

Графиня, какъ хозяйка, всячески старалась приноровиться ко вкусу Тургенева и угощала его любимѣйшими блюдами въ русскомъ вкусѣ.

Левъ Николаевичъ, въ свою очередь, всячески украшалъ пребываніе Тургенева въ Ясной Полянѣ. На этотъ разъ онъ безукоризненно исполнилъ взятую на

себя роль и ни однимъ неосторожнымъ прикосновеніемъ не задѣлъ Тургенева ни съ какой стороны. Они много ходили и много бесѣдовали, какъ бы по взаимному соглашенію обходя въ своихъ бесѣдахъ всякіе сомнительные пункты и останавливаясь только за завѣдомо надежныхъ мостахъ. Говорили много объ искусствѣ, гдѣ у нихъ было немало общаго, и дѣлились впечатлѣніями пережитаго. Л. Толстой все время былъ кротокъ, свѣтелъ, привѣтливъ и чутко-деликатенъ. У Тургенева было нѣсколько порученій отъ его друзей и пріятелей къ Л. Толстому. Такъ, между прочимъ, А. Н. Пыпинъ затѣвалъ тогда «Русскую библіотеку» и просилъ Тургенева привлечь Л. Толстого къ сотрудничеству. И Левъ Николаевичъ, чтобы сдѣлать пріятное Тургеневу, охотно изъявилъ согласіе на всѣ его предложенія, т.-е. согласился на помѣщеніе своихъ сочиненій, предоставивъ выборъ редакціи «Вѣстника Европы», обѣщалъ прислать біографическій очеркъ, принялъ предлагаемыя денежныя условія и проч. и проч. Чтобы совсѣмъ уже ублаготворить Тургенева, Л. Толстой даже вошелъ въ обсужденіе вопроса относительно напечатанія своего портрета.

А когда пришлось на одну просбу Тургенева отвѣтить отрицательно, то авторъ «Войны и мира» даже и свое нѣтъ сумѣлъ приправить такимъ вкуснымъ соусомъ, что Тургеневу оставалось только благодарить.

Тургеневъ заговорилъ о новомъ романѣ для «Вѣстника Европы». Но романъ былъ только въ проектѣ. Однако получался все-таки какъ бы отказъ, который Левъ Николаевичъ и не преминулъ подсластить:

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ онъ, — романъ этотъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (для Тургенева то же, что «Адскій Вѣстникъ») не появится, такъ какъ я не желаю имѣть болѣе дѣла съ этимъ журналомъ.

Совершая вмѣстѣ продолжительныя прогулки по обширному яснополянскому парку, по полямъ и лѣсамъ, Тургеневъ впервые познакомился съ организаторскимъ дарованіемъ Л. Толстого. И хотя въ то время Левъ Николаевичъ давалъ уже отбой по всей хозяйственной линіи, но Тургеневъ все-таки не могъ не дивиться благоустройству, царствовавшему въ Ясной Полянѣ. У него, у Тургенева, при болѣе выгодныхъ условіяхъ всюду торчали непорядки и неустройства. И невольно въ немъ должно было все больше и больше накопляться чувство уваженія и удивленія къ своему старому соратнику, къ этому сильному, мужественному и богато одаренному избраннику, который, точно не сознавая своего исключительнаго положенія въ мірѣ, — мужицки-выносливо и мужицки-весело шагалъ по полю въ своей полумужицкой одеждѣ.

Но всего болѣе заинтересовало Тургенева отношеніе Л. Толстого къ животнымъ — особенно къ лошадямъ. Казалось, онъ родился среди лошадей и выросъ съ ними, зная ихъ языкъ, всѣ ихъ слабости, повадки и секреты.

Прогуливаясь однажды передъ закатомъ солнца и бесѣдуя, Тургеневъ и Л. Толстой незамѣтно отошли отъ усадьбы въ поле.

— Смотримъ, — разсказываетъ Тургеневъ, — стоитъ на выгонѣ старая лошадь самаго жалкаго и измучен-

наго вида; ноги погнулись, кости выступили отъ худобы, старость и работа совсѣмъ какъ-то пригнули ее; она даже травы не щипала, а только стояла и отмахивалась отъ мухъ, которыя ей досаждали. Подошли мы къ ней, къ этому несчастному мерину. И вотъ Толстой сталъ его гладить и, между прочимъ, приговаривать, что тотъ, по его мнѣнію, долженъ былъ чувствовать и думать. Я положительно заслушался. Онъ не только вошелъ самъ, но и меня ввелъ въ положеніе этого несчастнаго существа. Я не выдержалъ и сказалъ: «Послушайте, Левъ Николаевичъ, право, вы когда-нибудь были лошадью».

И чѣмъ болѣе присматривался Тургеневъ въ этотъ свой пріѣздъ къ Л. Толстому, тѣмъ все больше вырастала и расцвѣчивалась въ его представленіи личность яснополянскаго хозяина. Разстались они какъ братья, обвѣянные взаимнымъ дружелюбіемъ.

Пріѣхавъ въ с. Спасское, Тургеневъ все еще какъ бы дышалъ воздухомъ Ясной Поляны. И, подчиняясь непреодолимой потребности своего сердца, написалъ Толстому о переживаемой имъ радости по случаю состоявшагося мира и прелестныхъ воспоминаній, вынесенныхъ изъ Ясной Поляны.

«Я почувствовалъ очень ясно, что жизнь, состарившая насъ, прошла для насъ не даромъ, — писалъ онъ, — и что и вы и я — мы оба стали лучше, чѣмъ 16 лѣтъ тому назадъ; и мнѣ было пріятно это чувствовать... Нечего и говорить, что на возвратномъ пути я снова — всенепремѣнно — заверну къ вамъ» (Спасское, 1878 г., августъ, 14).

Левъ Николаевичъ въ свою очередь написалъ Тургеневу милое и дружеское письмо. Ему радостно было отдаваться дружелюбному чувству къ отыскавшемуся товарищу, и онъ пользовался всякимъ обстоятельствомъ, чтобы попрочнѣе скрѣпить вновь налаженныя отношенія. И онъ пишетъ Тургеневу о прекрасномъ впечатлѣніи, оставленномъ послѣднимъ на всѣхъ въ Ясной Полянѣ и о прочной художественной связи между обоими пріятелями.

Словомъ, миръ между двумя писателями былъ возстановленъ, казалось, полный, искренній и настоящій.

XXXVI.

Черезъ три недѣли Тургенева опять потянуло въ Ясную Поляну. И хотя на этотъ разъ пріѣздъ его былъ менѣе удаченъ (въ домѣ были больные, и Тургеневъ поспѣшилъ отъѣздомъ), но Левъ Николаевичъ попрежнему былъ милъ, кротокъ, привѣтливъ и чутко внимателенъ къ своему гостю. Онъ какъ бы наверстывалъ свои прежніе дефекты относительно Тургенева и всячески старался въ его присутствіи поддерживать въ себѣ «исцѣленіе». Эта новая черта сосредоточенной мягкости въ Л. Толстомъ очень трогала незлобиваго Ивана Сергѣевича. И даже по прошествіи нѣсколькихъ

мѣсяцевъ послѣ свиданія онъ не перестаетъ вспоминать объ этомъ съ особенною теплотою.

«Мнѣ было весело снова сойтись съ Толстымъ, — писалъ онъ Фету, — и я у него провелъ три пріятныхъ дня; все семейство его очень симпатично; жена его прелесть. Онъ самъ очень утихъ и выросъ. Его имя начинаетъ пріобрѣтать европейскую извѣстность, — намъ, русскимъ, давно извѣстно, что у него соперника нѣтъ» (Буживаль, 1878 г., XII, 30.).

Этотъ благожелательный тонъ къ Л. Толстому, какъ къ человѣку, и повышенный, какъ къ писателю, Тургеневъ выдерживаетъ и дальше, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы не давать зарастать проложенной тропѣ между Парижемъ и Ясной Поляной.

Между прочимъ Тургеневъ съ увлеченіемъ берется за дѣло толстовскаго ликтора въ Европѣ и всячески старается показать грядущаго Цезаря съ достойнѣйшей стороны. Такъ, для успѣха дѣла Тургеневъ хочетъ лично переводить на французскій языкъ толстовскихъ «Казаковъ», — эту «лучшую повѣсть, написанную на нашемъ языкѣ», — какъ аттестуетъ Тургеневъ «Казаковъ» въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Не ограничиваясь Франціей, Тургеневъ входитъ въ сношенія съ англійскими писателями и самъ помогаетъ англійскому литератору Рольстону въ составленіи біографіи Л. Н. Толстого. Свою заботливость о Л. Толстомъ Тургеневъ простираетъ даже до того, что входитъ въ издательскіе интересы переводчиковъ. И ради успѣха дѣла берется за предисловіе къ «Казакамъ». Обо всѣхъ появляющихся за границей толстов-

скихъ произведеніяхъ и критическихъ отзывахъ о нихъ Тургеневъ извѣщаетъ Льва Николаевича съ неутомимой добросовѣстностью нѣмецкаго часовщика.

«Англійскій переводъ «Казаковъ», — пишетъ онъ, — вѣренъ, но сухъ и «matter of fact», какъ самъ г. Скайлеръ, который на-дняхъ у меня былъ здѣсь проѣздомъ въ Бирмингамъ, куда его назначили консуломъ... Съ одной стороны, я боюсь, а съ другой — чуть не радуюсь: стало быть, можно будетъ все-таки перевести вашу повѣсть и издать ее здѣсь» (Парижъ, 1878 г., XI, 15).

По появленіи въ Парижѣ на французскомъ языкѣ «Войны и мира» Тургеневъ волнуется больше, чѣмъ по поводу появленія своихъ произведеній, и самъ разсылаетъ «Войну и миръ» выдающимся французскимъ писателямъ и критикамъ: Флоберу, Тэну, Абу и др.

«Должно надѣяться, — пишетъ онъ Льву Николаевичу, — что они поймутъ всю силу и красоту вашей эпопеи. Переводъ нѣсколько слабоватъ, но сдѣланъ съ усердіемъ и любовью. Я на-дняхъ въ 5-й и 6-й разъ съ новымъ наслажденіемъ перечелъ это ваше, поистинѣ, великое произведеніе. Весь его складъ далекъ отъ того, что французы любятъ и чего они ищутъ въ книгахъ; но правда въ концѣ-концовъ беретъ свое. Я надѣюсь если не на блестящую побѣду, то на прочное, хотя медленное завоеваніе...» (Парижъ, XII, 28, 1879 г.).

«... Переписываю для васъ съ дипломатической точностью изъ письма г. Флобера ко мнѣ — я ему посылалъ переводъ «Войны и мира» (къ сожалѣнію, довольно блѣдноватый):

«Мерçи да м'avoir fait lire le roman de Tolstoi. E'est de premier ordre. Quel peintre et quel psycholoque!

«Enfin on voit le monsieur, l'auteur, et le Russe tandis que jus que là on n'avait vu que la Nature et l'Humanité. Il me semble qu'il ja parfois des choses à la Shakespeare. Ie pousse des cris d'admiration pendant cette lecture... et elle est longue.

«Que c'est fort! bien fort!»

«Полагаю, что — en somme — вы будете довольны.

«Отдѣльной статьи еще не появлялось... Но уже 300 экз. продано. Всѣхъ прислано 500» (Парижъ, 1880 г., I, 12).

Непостижимо, когда успѣвалъ Тургеневъ заниматься всѣмъ этимъ, заваленный по уши своими собственными дѣлами.

Но и этимъ не ограничивалось еще ревностное содѣйствіе Тургенева. Онъ устраивалъ популярно-литературные вечера въ Парижѣ и самъ дѣлалъ рефераты о «Войнѣ и мирѣ», освѣщая, разъясняя и разжевывая французамъ достоинства великаго произведенія.

«Не знаю ни въ одной изъ европейскихъ литературъ произведенія, которое поставилъ бы выше «Войны и мира», — такъ охарактеризовалъ однажды Тургеневъ произведеніе автора, который «ничего не изучилъ, ничего не знаетъ и подъ видомъ Кутузова и Багратіона выводитъ какихъ-то рабски списанныхъ современныхъ генеральчиковъ».

Но это было не лицемѣріе со стороны Тургенева, а истинное увлеченіе художника-поэта, освободившагося отъ личной непріязни.

Горячая пропаганда Тургенева встрѣтила во Франціи благодарную почву. Черезъ нѣкоторое время имя Лео Толстои считалось однимъ изъ самыхъ почтенныхъ литературныхъ именъ въ Европѣ.

XXXVII.

Въ то самое время, когда Тургеневъ съ такимъ жаромъ хлопоталъ о европейской славѣ своего великаго соотечественника, авторъ «Войны и мира» переживалъ одинъ изъ самыхъ сложныхъ и критическихъ періодовъ въ своей жизни.

«Ну, хорошо, — говорилъ онъ о себѣ, — ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всѣхъ писателей въ мірѣ... Ну, и что же? Не нынче — завтра придутъ болѣзни, смерть... И ничего не останется, кромѣ смрада и червей... Такъ изъ-за чего же хлопотать?»

И ничего онъ не могъ отвѣтить на это. Временно всѣ краски жизни поблекли въ его глазахъ. И меньше всего въ то время слухъ его могъ быть опьяненъ литаврами писательскихъ тріумфовъ. Но вниманіе и заботливость Тургенева обязывали его. И Л. Н. при всякой возможности дружески давалъ знать о себѣ Тургеневу, стараясь не обидѣть его въ его безкорыстныхъ стараніяхъ, но и не давая ему матеріала для дальнѣйшихъ хлопотъ.

Вырвавъ съ корнемъ изъ своего сердца ядовитые ростки непріязни къ Тургеневу, Л. Толстой не могъ, однако, не убѣдиться во время пребыванія Тургенева въ Ясной Полянѣ, что прежней близости и единодушія между ними уже нѣтъ и быть не можетъ. Слишкомъ разными дорогами они шли и разное видѣли передъ собою. И какъ ни старались они въ Ясной Полянѣ, въ медовые дни примиренія, обходить всѣ пропасти, —пропасти оставались незаполненными и давали о себѣ знать всякій разъ, когда собесѣдники приближались къ нимъ. А не подходить къ нимъ нельзя было, потому что въ міропониманіяхъ своихъ Тургеневъ и Толстой расходились въ 1878 г. еще больше, нежели въ шестидесятыхъ годахъ.

Стóтъ только привести ихъ взгляды на главные и коренные вопросы: на искусство, на религію, на русскій народъ, чтобы видѣть кричащую рознь.

— Ахъ, какой хорошій разсказъ я слышалъ о Николаѣ Палкинѣ, — говорилъ какъ-то Л. Н. Толстой одному изъ своихъ яснополянскихъ собесѣдниковъ.— Вообразите, столѣтній, шамкающій, милый старичокъ, лежа на печи со мной въ деревнѣ подъ Серпуховымъ, съ такою художественною яркостью передалъ ужасы того страшнаго времени, кончикъ котораго и мнѣ пришлось видѣть. «Тогда на 50 палокъ и портовъ не снимали, — разсказывалъ старичокъ. — Недѣли не проходило, чтобы не забивали на смерть человѣка-двухъ изъ полка. Бывало, только и слышишь: палка, палка!.. И сыпали 200, 300 и больше!.. Да».

«Если Богъ приведетъ, я изложу это въ доступной

формѣ, хотя страшно боюсь сбиться здѣсь на старую манеру писанья и для интеллигентной публики.

«Сколько разъ я говорилъ себѣ: это будетъ мое послѣднее писаніе для общества, потому что пора же наконецъ намъ, пишущимъ, понять, кто, главнымъ образомъ, нуждается въ нашей работѣ и кто въ правѣ требовать отъ насъ ея, — говорилъ и не выдерживалъ. Такъ говорилъ я послѣ «Холостомѣра», «Смерти Ивана Ильича», «Такъ что жъ намъ дѣлать», и все нѣтъ-нѣтъ да и сверну на привычную тропочку и заговорю не съ тѣмъ, съ кѣмъ надо говорить, и не такъ, какъ надо говорить... Недавно пришлось мнѣ пройти пѣшкомъ большое разстояніе и видѣть тысячи людей, говорить съ сотнями, близко бесѣдовать съ десятками... И какъ свободно, ясно и гибко выражали они всѣ свои мысли и обо всемъ, о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, а мы жались, придумывали слова, подражали имъ и вообще чувствовали себя дѣтьми, какъ оно въ дѣйствительности и есть.

«Они наши старшіе, а мы ихъ меньшіе братья.

«Это необходимо твердо помнить. И покуда не сдѣлается у насъ эта перестановка взгляда, эта перемѣна оцѣнки того, кто хозяинъ и кто слуга, — жизнь наша не пойдетъ по пути единенія и работы для народа. Мы все въ высокомѣріи своемъ будемъ тянуть ихъ къ себѣ, какъ тотъ сказочный умникъ, который тащитъ корову за рога на крышу мохъ покушать; и, обманывая и обирая народъ, будемъ жить, вырождаясь, и потонемъ въ своей собственной лжи и гадости...»

Почти того же мотива, но въ другой варіаціи, Л. Толстой касается и въ одномъ изъ своихъ писемъ:

«Я уже много разъ высказывалъ ту мысль, что единенія между людьми можно найти только, ища единенія съ истиной, съ Богомъ. Попытки же исканія единенія съ людьми, съ извѣстными, избранными людьми, или показываютъ, что люди не умѣютъ, не хотятъ или устали искать единенія съ Богомъ, или не вѣрятъ, что единеніе съ Богомъ дастъ и единеніе съ людьми. Попытки эти ослабляютъ и самое стремленіе къ единенію съ Богомъ и потому нежелательны. Кромѣ того, какъ я могу знать, съ кѣмъ именно мнѣ предстоитъ тѣснѣйшее единеніе? По какимъ признакамъ я узнаю, что мнѣ предстоитъ единеніе съ Иваномъ, а не съ Петромъ, съ монахомъ Антоніемъ, а не съ крапивенскимъ конокрадомъ или черниговскимъ губернаторомъ.. Соединяетъ насъ и можетъ соединить еще больше — все большее и большее приближеніе наше къ совершенству Отца, которое намъ указано искать...»

Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ — цѣлое міропониманіе, ясное, яркое и рельефное.

Таковъ, приблизительно, былъ и курсъ жизни Л. Н. Толстого въ періодъ его примиренія съ Тургеневымъ.

XXXVIII.

Тургеневъ въ это время держался почти противоположнаго теченія. Какъ извѣстно, міропониманіе Тургенева и направленіе его ума имѣли характеръ болѣе или менѣе эстетически-эпикурейскій, а подъ старость носили отпечатокъ пессимизма.

Правда, въ молодости Тургеневъ былъ горячимъ приверженцемъ гегельянства, но уже и въ молодости Тургеневъ, — по яркому опредѣленію Бѣлинскаго, — порывался сѣсть за обѣдъ, не рѣшивши вопроса о существованіи Бога; а подъ старость всякіе философскіе поиски и отвлеченные споры совсѣмъ были ему не по сердцу, и онъ терпѣть не могъ доискиваться такихъ истинъ, которыя, по его мнѣнію, были непостижимы. «Да и есть ли еще на свѣтѣ непостижимыя истины?» — говаривалъ онъ. Между прочимъ, онъ любилъ слово «природа» и часто употреблялъ его и терпѣть не могъ слова «матерія».

Относительно свойствъ и особенностей русскаго народа у Тургенева къ 80-мъ годамъ имѣлся уже своего рода кодексъ наблюденій, правилъ и выводовъ, которыми онъ охотно дѣлился со своими пріятелями, по обыкновенію, расцвѣчивая все поэзіей и юморомъ. Такъ, онъ любилъ передавать воображаемую сцену:

— Будемъ мы, — говорилъ онъ своимъ гостямъ въ с. Спасскомъ, — сидѣть по утру на балконѣ и преспо-

койно пить чай и вдругъ увидимъ, что къ балкону отъ церкви по саду приблизится толпа спасскихъ мужичковъ. Всѣ, по обыкновенію, снимаютъ шапки, кланяются и на мой вопросъ: «Ну, братцы, что вамъ нужно?» — отвѣтствуютъ:

«— Ужъ ты на насъ не прогнѣвайся, батюшка, не посѣтуй... Баринъ ты добрый, и оченно мы тобой довольны, а все-таки, хошь не хошь, а приходится тебя, да ужъ кстати вотъ и ихъ (указывая на гостей) повѣсить». — «Какъ?» — «Да такъ ужъ, указъ такой вышелъ, батюшка. А мы ужъ и веревочку припасли. Да ты помолись... Что жъ! Мы вѣдь не злодѣи какіе-нибудь... Тоже, чай, люди-человѣки... можемъ и повременить маленько...»

Другой разъ Тургеневъ изображалъ особенности русскаго народа въ такомъ видѣ:

— Однажды въ зной съ однимъ мужикомъ отправился я въ лѣсъ на охоту. Ружья у насъ были кремневыя и забивались пыжами. Вылетѣлъ вальдшнепъ; я выстрѣлилъ; затѣмъ, спустя минутъ десять, зарядилъ снова ружье свое, пошелъ дальше. И что же вижу? На томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ пыжъ, загорѣлся сухой мохъ; вижу—валитъ дымъ и огонь охватываетъ сучья. Что дѣлать? Пока я ломалъ голову, какъ погасить огонь, который всему лѣсу угрожалъ пожаромъ, дымъ сталъ валить сильнѣе и сильнѣе. Тогда я велѣлъ ломать древесные сучья. Самъ тоже принялся срѣзать вѣтки. Мѣсто, охваченное огнемъ, мы завалили свѣжими вѣтвями, а затѣмъ огонь затоптали, наступая на вѣтви. Долго мы возились, но огонь все-таки погасили. «Эхъ! — заго-

ворилъ мой мужичокъ, — время-то мы только потеряли; сколько бы вальдшнеповъ наколотили. Охота же была вамъ тутъ возиться».

— Какъ! да вѣдь этакъ весь лѣсъ могъ бы сгорѣть!..

— А пущай его сгорѣлъ бы. Вѣдь не вашъ онъ, лѣсъ-то, чужой!

— Да что! — заключилъ Тургеневъ, — русскому человѣку не только чужого, а подчасъ и своего не жаль.

Вообще теоретическія отношенія Тургенева къ Россіи и къ русскимъ не отличались радужными красками.

Относительно религіи Тургеневъ расходился съ Л. Толстымъ рѣзче и дальше, чѣмъ на другихъ дорогахъ. Графиня А. А Толстая разсказываетъ характерную сцену, происходившую у нея за годъ до смерти Тургенева. Дочь поэта Тютчева — Д. Ѳ. Тютчева — заговорила съ Тургеневымъ о безсмертіи души. Тургеневъ объявилъ категорически, что безсмертію онъ не вѣритъ.

— Vous venez de dire, que vous avez eu beau coup d'amis, — сказала Тютчева, — que faites vous d'ceux, qui ne sont plus?

— Ils vivent dans mon souvenir, et cela me suffit, — былъ его отвѣтъ.

Заговорили объ евангеліи. Тургеневъ отнесся къ нему съ какимъ-то непріятнымъ для присутствующихъ пренебреженіемъ, какъ къ книгѣ, ему мало извѣстной.

— Vous n'allez pas m'assurer pourtant, que vous n'ayez jamais lu l'Evangile? — спросила гр. Толстая.

— Oh, non! il m'est arrivé de le lire, — je dirai même

que St. Mathieu et St. Luc sont assez intéressants; quant à St. Jean, cela ne veut pas la peine d'en parler.

— Hélas! — отвѣчала съ грустью гр. А. А. Толстая.

— Vous ne serez donc j'amais que le plus aimable de payens.

На этомъ они разстались навсегда.

Таковы были внутреннiе арсеналы Тургенева и Л. Толстого, когда они примирились. О тѣсной дружбѣ между ними, конечно, нельзя было и мечтать.

И съ присущей Л. Толстому искренностью онъ скрѣпя сердце призналъ все это.

«Тургеневъ на обратномъ пути былъ у насъ, — писалъ Л. Толстой Фету. — Онъ все такой же, и мы знаемъ ту степень сближенiя, которая между нами возможна» (Ясная Поляна, 1878 г., IX, 5).

Получивъ же однажды отъ Тургенева письмо съ «перебоями», Л. Толстой поставилъ для себя вопросъ ребромъ и рѣшилъ его категорически:

«Получилъ письмо отъ Тургенева и рѣшилъ лучше подальше отъ него и отъ грѣха. Какой-то задира непрiятный» (Ясная Поляна, 1878 г., XI, 22).

Дѣйствительно, письмо Тургенева, на которое ссылается Л. Толстой, нельзя причислить къ разряду удачнѣйшихъ писемъ. Какъ уже было выше сказано, Л. Толстой переживалъ въ то время сложный духовный процессъ. Все напряженiе его души сосредоточивалось иногда всецѣло «на таинахъ вѣчности и гроба».

— Для меня, — говорилъ онъ, — и съ уничтоженiемъ всякой жизни, кромѣ меня, еще не все кончено. Для меня остаются мои отношенiя къ Богу, т.-е. отноше-

нія къ той силѣ, которая меня произвела, меня тянула къ себѣ и меня уничтожитъ и видоизмѣнитъ.

При такомъ состояніи многіе миражи жизни блекли и мутнѣли въ глазахъ Л. Толстого, вызывая въ немъ скорѣе оскомину, нежели жажду.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Л. Толстой и проситъ Тургенева не касаться его, толстовскихъ, религіозныхъ писаній. На это Тургеневъ почему-то отвѣтилъ:

«Хотя вы и просите не говорить о вашихъ писаніяхъ, однако, не могу не замѣтить» и т. д.

По поводу этого-то письма Л. Толстой и рѣшилъ быть «подальше отъ грѣха». Но, взявши на себя какъ бы крестъ въ лицѣ Тургенева, Л. Толстой не обрывалъ сношеній съ авторомъ «Дворянскаго гнѣзда», а, напротивъ, при всякомъ малѣйшемъ накопленіи меда въ сердцѣ своемъ писалъ въ Парижъ кроткія и дружелюбныя письма. И ихъ мягкость иногда такъ трогала Тургенева, что онъ невольно поддавался приливу благодарности и писалъ Л. Толстому:

«Благодарю васъ за то, что вы приблизились ко мнѣ».

XXXIX.

Прошло около двухъ лѣтъ.

Наступилъ памятный для русской литературы 1880-й годъ.

Въ этомъ году былъ первый официально признанный въ Россіи праздникъ на писательской улицѣ — открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ.

Тургеневъ, боготворившій Пушкина, пріѣхалъ ради устраиваемаго торжества въ Россію и принималъ дѣятельное участіе въ подготовительныхъ хлопотахъ по устройству чествованія памяти своего «великаго учителя».

Толстой въ это время жилъ въ Ясной Полянѣ и не откликался ничѣмъ на лихорадку, охватившую почти все интеллигентное русское общество.

Зная отрицательное отношеніе Толстого ко всякаго рода торжествамъ и юбилеямъ, комитетъ по устройству празднествъ порѣшилъ обставить какъ-нибудь особенно приглашеніе автору «Войны и мира» на открытіе памятника Пушкину. И было предложено Тургеневу: лично пригласить Льва Николаевича. Тургеневъ согласился, будучи убѣжденъ, что миссія его увѣнчается успѣхомъ.

Поѣздка въ Ясную Поляну совпадала и съ личнымъ желаніемъ Тургенева. Ему хотѣлось повидать Льва Николаевича, а при оказіи, можетъ-быть, и поохотиться на вальдшнеповъ, которымъ въ то время какъ разъ пришла пора способствовать процвѣтанію ружейной охоты. Дѣло было на Ѳоминой, въ концѣ апрѣля.

Но вышло не совсѣмъ такъ, какъ предполагалось.

Толстой и вся его семья встрѣтили Тургенева съ прежнимъ радушіемъ.

Весна была въ полномъ разгарѣ, и Л. Толстой находился въ томъ особенномъ приподнятомъ настроеніи,

какое почти всегда вызывалъ въ немъ ликующій разгулъ весны.

— Смотришь, — говорилъ онъ, — и не нарадуешься на міръ Божій. Стоишь, разиня ротъ, любуешься и боишься двинуться, чтобы не пропустить чего.

Къ тому же въ этомъ году была отличная тяга вальдшнеповъ, а Л. Толстой въ то время еще съ увлеченіемъ предавался «злой забавѣ». Зная и тургеневскую страсть къ охотѣ, хозяинъ Ясной Поляны въ тотъ же день организовалъ веселую охотничью поѣздку въ лѣсъ.

Запряжена была длиннѣйшая яснополянская линейка (катки), и веселая многочисленная компанія направилась въ березовый лѣсъ, уже начинавшій убираться зеленымъ горошкомъ.

Тургеневъ былъ юношески весело настроенъ и говорилъ безъ умолку. Онъ былъ въ желтой охотничьей куртѣ и черной шляпѣ, напоминая собою легендарнаго Вильгельма Телля. Иногда онъ переходилъ на французскій языкъ, желая привлечь къ участію въ бесѣдѣ и гувернера-француза, участвовавшаго въ охотничьей поѣздкѣ. Добрыя лошади съ трудомъ тащили тяжелую линейку, глубоко завязавшую въ топкой землѣ, еще не успѣвшей просохнуть послѣ весенняго половодья.

Подъѣхали къ рѣчкѣ, но мостъ оказался разобраннымъ. Приходилось или вернуться, или ѣхать въ бродъ. Мысль о возвращеніи, разумѣется, и въ голову никому не приходила. Препятствіе только еще болѣе раззадорило и развеселило компанію. Всѣ сошли съ линейки

и по жердочкѣ перешли на другой берегъ, а кучеръ переѣхалъ съ линейкой въ бродъ.

Въ лѣсу Л. Толстой рыцарски предоставилъ Тургеневу лучшую полянку, а самъ съ сыновьями и гувернеромъ-французомъ разошлись по сторонамъ.

Тургеневъ помѣстился у стараго еще не успѣвшаго одѣться листвою дуба и, въ ожиданіи предстоящаго неизреченнаго наслажденія, тихо переговаривался съ графиней Софьей Андреевной. На лѣсъ начали надвигаться весеннія, поэтически-таинственныя сумерки. Графиня, всегда относившаяся съ особенной симпатіей къ Тургеневу, какъ къ писателю, почувствовала здѣсь, въ лѣсной тишинѣ, особенную близость къ нему и дружески спросила:

— Иванъ Сергѣевичъ, почему вы такъ давно ничего не пишете?

Тургеневъ оглянулся и, наклонившись къ графинѣ, проговорилъ съ улыбкой виноватаго человѣка:

— Насъ никто не слышитъ. Ну, такъ я вамъ скажу: всякій разъ, какъ я задумывалъ писать что-нибудь, меня трясла лихорадка любви. Теперь это прошло. Я старъ и не могу больше ни любить, ни писать.

А тихія меланхолическія сумерки все больше надвигались въ лѣсъ и таинственнѣе залегали между кустами. Въ лѣсу становилось дивно, какъ въ сказкѣ. Приближались минуты священнодѣйствія. Тургеневъ былъ истый поэтъ-охотникъ, знавшій языкъ птицъ, шопотъ травъ и «дольней лозы прозябанье». Съ неподражаемой поэзіей онъ могъ разсказывать по цѣлымъ часамъ, какъ птицы просыпаются, какъ онѣ перекли-

каются и какъ постепенно всѣ птичьи голоса сливаются въ одинъ чудесный хоръ, непередаваемый никакой человѣческой музыкой. Тургеневъ поддался обаянію вечера и затихнулъ въ охотничьемъ томленіи... Вдругъ вдали гдѣ-то прогремѣлъ выстрѣлъ.

— Началось! — проговорилъ значительно Тургеневъ и, зорко оглянувъ курки, насторожился.

Въ просвѣтѣ древесныхъ стволовъ мелькнулъ вальдшнепъ. Тургеневъ прицѣлился.

Но вальдшнепъ свистнулъ и круто повернулъ въ сторону Л. Толстого. Прогремѣлъ выстрѣлъ, а вслѣдъ за выстрѣломъ раздался и побѣдоносно торопливый голосъ Л. Толстого, подзывавшаго собаку.

— Убилъ! Вотъ вѣдь кому счастье, — проговорилъ Тургеневъ съ оттѣнкомъ досады и еще сосредоточеннѣе насторожился.

Но вальдшнепы точно сговорились на этотъ разъ огорчать Тургенева. Они всячески облетали его и попадали подъ выстрѣлы Льва Николаевича, гувернера съ мальчиками. Въ лѣсу то и дѣло прокатывались гулкіе выстрѣлы, а Тургеневъ стоялъ наготовѣ съ ружьемъ и только томился адской пыткой. Наконецъ ему удалось-таки выпустить съ спершимся отъ радостнаго волненія дыханіемъ одинъ зарядъ въ налетѣвшаго вальдшнепа. Но когда начали искать въ кустахъ — вальдшнепа не оказалось. Тургеневъ бѣгалъ и волновался, какъ мальчикъ.

— Вотъ сюда, вотъ здѣсь упалъ, — повторялъ онъ съ горестнымъ недоумѣніемъ и черезъ нѣкоторое время опять взывалъ страдальческимъ голосомъ:

— Удивительно! Вѣдь видѣли ясно, что вальшнепъ упалъ именно сюда!..

Но убитаго вальдшнепа нашли только на другой день. Онъ висѣлъ, застрявши между двумя сросшимися осинками.

Возвратившіеся охотники застали въ столовой новаго гостя, князя Л. Д. Урусова, котораго въ Ясной Полянѣ очень любили. Тургеневъ тоже обрадовался князю, хотя свиданіе между ними почти всегда сопровождалось страстными спорами. Не обошлось и на этотъ разъ безъ жаркой схватки.

Но предварительно было литературное чтеніе.

Тургеневъ читалъ свой разсказъ «Собака». Читалъ онъ, какъ почти всегда, съ большимъ мастерствомъ. Но разсказъ его не произвелъ впечатлѣнія ни на кого. Да и трудно понять, чѣмъ собственно хотѣлъ Тургеневъ взять Л. Толстого въ своемъ новомъ произведеніи съ его недостаточно непродуманнымъ замысломъ и далеко не совершенной техникой.

Послѣ чтенія наступила неловкая заминка. Эту неловкость почувствовалъ даже и одинъ изъ юныхъ сыновей Льва Николаевича, присутствовавшій при чтеніи. Онъ все недоумѣвалъ:

— Что жъ это папа мало хвалитъ Тургенева?

Но князь Урусовъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, немедленно пустилъ полемическую ракету. И загорѣлся споръ.

Тургеневъ сидѣлъ на концѣ стола, гдѣ обыкновенно возсѣдаетъ хозяинъ дома. Съ одной стороны Тургенева сидѣлъ Л. Толстой, съ другой князь Л. Урусовъ. По-

слѣдній, очевидно, сильно проголодавшись безъ споровъ, былъ особенно ретивъ на этотъ разъ. Широкія ноздри его краснаго, тонкаго носа такъ и раздувались, при чемъ, въ видѣ логическаго ударенія, онъ то и дѣло тыкалъ въ воздухъ своимъ длиннымъ указательнымъ пальцемъ и напоминалъ отчасти своей пылкостью гоголевскаго учителя исторіи, разсказывавшаго объ Александрѣ Македонскомъ. Такъ, увлекшись споромъ съ Тургеневымъ, князь Урусовъ все надвигался впередъ, наклоняя вмѣстѣ съ собою и стулъ, на которомъ сидѣлъ, такъ что стулъ держался только на двухъ переднихъ ножкахъ, упираясь спинкой въ спину князя.

Тургеневъ не сдавался и отражалъ доводы кн. Урусова динамитными репликами. Въ одинъ изъ жаркихъ моментовъ князь Урусовъ, желая, вѣроятно, сказать нѣчто особенно вѣское, требовавшее участія обѣихъ рукъ, взмахнулъ руками и нарушилъ этимъ балансъ стула; ножки поѣхали назадъ, стулъ съ шумомъ отлетѣлъ въ сторону, а князь съ размахивающими руками очутился на полу, въ видѣ опрокинутой вѣтряной мельницы. Не теряя драгоцѣннаго времени, онъ продолжалъ развивать свои доводы и грозить Тургеневу длиннымъ указательнымъ пальцемъ.

Раздался общій неудержимый хохотъ. Князь Урусовъ оглянулся, понялъ причину смѣха и, быстро пересѣвъ на стулъ, продолжалъ тѣмъ же тономъ доказывать Тургеневу его неправоту.

Споръ касался религіознаго пониманія жизни и то затихалъ, какъ удалявшійся отъ станціи поѣздъ, то вновь съ шумомъ надвигался, какъ поѣздъ, прибли-

жающійся по чугунному мосту къ станціи. Хозяинъ Ясной Поляны, хотя и принималъ въ спорѣ живое участіе, но сдерживалъ себя и только подавалъ иногда реплики, очевидно, вполнѣ надѣясь на кн. Урусова, что тотъ не дастъ Бога въ обиду.

Л. Н. Толстой и кн. Л. Д. Урусовъ, не взирая на различіе положеній и привычекъ, были очень близки между собою. Одинъ изъ знакомыхъ Льва Николаевича какъ-то спросилъ однажды, что именно его такъ привлекало къ князю Л. Урусову. Нѣсколько суровое выраженіе лица великаго писателя вдругъ измѣнилось и сдѣлалось необыкновенно мягкимъ и почти нѣжнымъ.

— Урусовъ былъ однимъ изъ самыхъ дорогихъ мнѣ людей, — тихо проговорилъ онъ волнующимся голосомъ. — Особенно трогало меня всегда то, что, при всѣхъ невыгодныхъ для него условіяхъ, онъ все-таки могъ сливаться со мною въ самомъ главномъ для человѣка... Вообще это былъ превосходный, удивительный человѣкъ... Одно близкое Урусову существо наносило ему и его самолюбію неисчислимыя раны. Ужасное было существо. И онъ все-таки, не взирая ни на что, продолжалъ любить это существо... попрежнему...

Голосъ у Л. Н. Толстого пресѣкся отъ спазма, подступившаго къ горлу; онъ сдѣлалъ усиліе и, подавляя волненіе, проговорилъ:

— Потому что настоящая любовь не та, которая мѣняется съ перемѣной того, кого любишь, а та, которая остается во всей своей силѣ, несмотря ни на

какія испытанія и перемѣны... для которой нѣтъ конца жертвамъ до самой смерти...

Таковъ былъ князь Л. Урусовъ, споривший съ Тургеневымъ. Жаркій, но безплодный споръ началъ утомлять присутствующихъ. Но одинъ неожиданный эпизодъ сразу затушилъ пламя спора.

. Рѣчь зашла о страхѣ смерти. Тургеневъ отстаивалъ это чувство, какъ вполнѣ естественное и законное. Л. Н. Толстой и кн. Л. Урусовъ, напротивъ, относили страхъ смерти къ неестественнымъ явленіямъ.

«Тотъ не живетъ, — доказывали они, — кто страшится смерти. Смерть болѣе неизбѣжна, чѣмъ наступленіе ночи или зимы. Почему же къ ночи и къ зимѣ нужно готовиться, а къ смерти нѣтъ?.. Для человѣка доброй жизни нѣтъ смерти» и т. д.

Желая доканать своихъ противниковъ хоть на этомъ пунктѣ, Тургеневъ обратился за содѣйствіемъ къ присутствующей молодежи, не сомнѣваясь, что встрѣтитъ здѣсь союзниковъ. И, поднявъ руку, онъ спросилъ призывно:

— Qui craint la mort, lève la main.

Но никто руки не поднялъ.

Наступила почти жуткая пауза. Тургеневъ опустилъ голову и съ грустью произнесъ:

— Je suis seul.

И всѣ почувствовали, что больше спорить незачѣмъ.

XL.

На другой день, около полудня, Тургеневъ и Толстой отправились въ паркъ.

Прошло нѣсколько часовъ. Наступило время обѣда. Съ стараго потемнѣвшаго вяза, стоявшаго передъ крыльцомъ, голосисто прозвучалъ звонокъ, сзывавшій яснополянцевъ къ обѣду.

Черезъ нѣкоторое время еще разъ прозвонилъ звонокъ, какъ послѣдній призывъ. Но ни Толстой, ни Тургеневъ не появлялись.

Графиня, знавшая аккуратность Льва Николаевича въ этомъ отношеніи, рѣшила, что гость и хозяинъ, навѣрно, увлеклись гдѣ-нибудь бесѣдой и не слышали звонка. И она отправилась на поиски, избирая мѣста, любимыя Львомъ Николаевичемъ. Подойдя къ уединенной лѣсной избушкѣ, въ которой нѣкогда (въ эпоху пчеловодства) Толстой просиживалъ цѣлые часы, графиня услышала знакомые голоса горячо спорившихъ писателей.

Споръ возгорѣлся изъ-за открытія памятника Пушкину.

Л. Толстой отказался присутствовать на торжествѣ, подкрѣпляя свой отказъ мотивами, которыхъ Тургеневъ не понималъ, не признавалъ и не могъ одобрить. Старыя раны зазудѣли. И оба писателя опять заговорили на разныхъ языкахъ. Но какъ только въ дверяхъ

избушки показалась графиня, спорщики умолкли и приняли корректный видъ.

Въ тотъ же день Тургеневъ уѣхалъ отъ Толстыхъ.

Наружно онъ былъ спокоенъ и доволенъ своимъ пріѣздомъ. Но это была только иллюзія. Тургеневъ былъ уязвленъ и обиженъ. Его душевная ранка не затянулась даже и въ ослѣпительномъ сіяніи пушкинскаго праздника, ни въ опьяняющихъ тріумфахъ, выпавшихъ на долю Тургенева, какъ писателя и какъ гражданина. Извѣстно, что въ знаменитомъ пушкинскомъ обѣдѣ въ многочисленномъ собраніи представителей мысли и слова — знаменитый М. Катковъ послѣ своей блестящей рѣчи протянулъ черезъ столъ къ Тургеневу руку примиренія съ бокаломъ шампанскаго и... остался среди гробового молчанія съ протянутой въ воздухѣ рукою. Тургеневъ не шевельнулся. Для него, съ его женски-мягкой натурой, это былъ гражданскій подвигъ, равносильный поступку Муція Сцеволы.

Извѣстно затѣмъ, какими овaціями Москва награждала вездѣ Тургенева и какая буря, какой ураганъ рукоплесканій и восторженныхъ криковъ встрѣтили появленіе Тургенева на эстрадѣ, когда онъ, съ тонкой находчивостью, отмѣтилъ «катковское облако» на пушкинскомъ праздникѣ дивно прочитаннымъ стихотвореніемъ:

— Послѣдняя туча разсѣянной бури...

Громъ рукоплесканій не смолкалъ нѣсколько минутъ. Но вотъ зала стала затихать. Тургеневъ, съ трудомъ пересиливая волненіе, опять произнесъ:

— Послѣдняя туча...

И опять громъ рукоплесканій.

Такъ повторялось нѣсколько разъ. Видѣвшіе въ то время въ Москвѣ Тургенева и Достоевскаго не узнали ихъ. Они казались опьянѣвшими. Но яснополянская царапина все-таки не исчезла.

Узнавши, что Достоевскій собирается поѣхать изъ Москвы въ Ясную Поляну, чтобы познакомиться, наконецъ, съ авторомъ «Войны и мира», Тургеневъ изобразилъ настроеніе Л. Толстого въ такихъ краскахъ, что Достоевскій испугался и отложилъ завѣтную мечту. Такъ и умеръ авторъ «Преступленія и наказанія», не познакомившись со Львомъ Толстымъ.

Сказывалась иногда въ сердцѣ Тургенева яснополянская язвинка и впослѣдствіи. Узнавши отъ одного изъ своихъ друзей, что Л. Толстой пустился въ этакія дѣла, какъ писаніе «Исповѣди», Тургеневъ положилъ слѣдующую резолюцію:

«Мнѣ очень жаль Толстого... а впрочемъ, какъ говорятъ французы: chacun a sa maniere de tuer ses puces» («у каждаго своя манера ловить блохъ») (Парижъ, 1880 г., XII, 10).

И, поддерживая съ Л. Толстымъ съ наружной стороны самыя пріятельскія отношенія и даже собираясь въ 1881 г. въ Ясную Поляну, чтобы реабилитировать себя, какъ охотника на вальдшнепиной тягѣ, Тургеневъ все-таки не пропускалъ ни одной оказіи, чтобы такъ или иначе не пожурить Л. Толстого за его пагубное пристрастіе въ философіи и къ религіознымъ вопросамъ.

Отвѣчая однажды готовностью на просьбу графини

Софьи Андреевны дать какой-нибудь разсказъ для дѣтскаго журнала, издаваемаго ея братомъ, П. А. Берсомъ, Тургеневъ дѣлаетъ мимоходомъ замаскированный выпадъ по адресу Толстого:

«Очень мнѣ было пріятно узнать, что Левъ Николаевичъ здоровъ и что онъ также намѣренъ написать что-нибудь подходящее къ прежнему его роду» (Парижъ, 1881 г., I, 27).

Но Л. Толстой не очень спѣшилъ доставить удовольствіе Тургеневу въ «прежнемъ родѣ». Онъ какъ разъ въ это время былъ захваченъ «неподходящей» работой, переплавляя въ пламени своего сердца «Критику догматическаго богословія».

Тургеневъ только вздыхалъ и разводилъ руками. Онъ никакъ не могъ примириться съ этой стороной толстовской дѣятельности. И въ этомъ отношеніи авторъ «Исповѣди» навсегда остался для Тургенева своего рода луною, видимою только съ одной стороны. Иногда Тургеневъ даже какъ бы жаловался молодежи на Л. Н. Толстого, не желающаго понять собственныхъ преимуществъ.

— Вотъ на комъ непростительный грѣхъ, что не пишетъ, — говорилъ Тургеневъ въ 1881 г. одному изъ молодыхъ литераторовъ въ Петербургѣ, — вотъ кто могъ быть теперь чрезвычайно полезенъ — Левъ Толстой; но что вы съ нимъ подѣлаете: молчитъ и молчитъ, да мало еще этого — въ мистицизмъ ударился. Такого художника, такого первокласснаго таланта у насъ никогда еще не было и нѣтъ. Меня, напримѣръ, считаютъ художникомъ. Но куда же я гожусь

сравнительно съ нимъ. Ему въ теперешней европейской литературѣ нѣтъ равнаго. Вѣдь онъ за что бы ни взялся, — все оживаетъ подъ его перомъ. И какъ широка область его творчества — просто удивительно.

Будетъ ли это цѣлая историческая эпоха, какъ въ «Войнѣ и мирѣ», будетъ ли это отдѣльный современный человѣкъ съ высшими духовными интересами и стремленіями, или просто крестьянинъ съ его чисто-русскою душою, — вездѣ онъ остается мастеромъ. И барыня высшаго круга выходитъ у него, какъ живою, и полудикарь-черкесъ... Даже животныхъ, вы посмотрите, какъ онъ изображаетъ... Или вотъ, извольте-ка, внутреннее состояніе лошади, какъ онъ изображаетъ! Но что вы съ нимъ подѣлаете? Весь съ головою ушелъ въ другую область: окружилъ себя библіями, евангеліемъ, чуть ли не на всѣхъ языкахъ, исписалъ цѣлую кучу бумаги. Цѣлый сундукъ у него съ этой мистической моралью и разными кривотолкованіями. Читалъ мнѣ кое-что, — просто не понимаю... Говорилъ ему, что это не дѣло, а онъ отвѣчаетъ: «Это-то и есть самое дѣло»... Очень вѣроятно, что онъ ничего больше и не дастъ литературѣ, а если и выступитъ опять, такъ съ этимъ сундукомъ... И у него есть ученики. Гаршинъ вѣдь несомнѣнно его ученикъ...

Л. Толстой все это время относился къ Тургеневу болѣе или менѣе дружелюбно, стараясь всячески поддерживать свои отношенія къ нему въ одной и той же температурѣ. Примирившись съ мыслью объ извѣстной межѣ между ними, Л. Толстой уже и не пытался никогда перейти эту межу, а только пользовался добрыми при-

ливами въ себѣ, чтобы не запускать своихъ отношеній къ Тургеневу или, вѣрнѣе сказать, своего отношенія къ Богу путемъ братскаго отношенія къ людямъ. И онъ почти всегда привѣтливо откликается на письма Тургенева, посылаетъ ему въ подарокъ съ дружеской надписью свои сочиненія, пишетъ Тургеневу о своемъ добромъ чувствѣ и обѣщаетъ лѣтомъ 1881 г. пріѣхать въ Спасское.

Тургеневъ съ нетерпѣніемъ поджидаетъ Льва Николаевича въ Спасскомъ и съ благодарностью относится къ выраженному чувству.

«Оно потому и хорошо, — пишетъ онъ, — что общее, т.-е. одинаковое и въ васъ, и во мнѣ» (Спасское, 1881 г., VII, 4).

Л. Толстой въ это время находился въ особенно свѣтломъ настроеніи. Однажды онъ такъ опредѣлилъ свое переживаніе:

— Нынѣшній годъ я долго боролся. Но красота міра побѣдила меня.

Получивъ дружелюбное письмо отъ Тургенева, Толстой почувствовалъ влеченіе къ своему старому собрату и 8-го іюля 1881 г. далъ знать въ Спасское о своемъ пріѣздѣ.

У Тургенева въ 1881 году гостило нѣсколько друзей и пріятелей, для которыхъ Тургеневъ спеціально заново отремонтировалъ весь домъ. Цѣлое лѣто жили въ Спасскомъ Полонскіе, пріѣзжали М. Г. Савина, Григоровичъ, Гаршинъ и др. Веселью и шуткамъ конца не было. Къ сожалѣнію лѣто 1881 г. бы-

ло неудачное — вѣтреное и дождливое. Тургеневъ то и дѣло вздыхалъ, поглядывая на хмурившееся небо, и съ комической горестью повторялъ:

— Вотъ ты тутъ и живи!

XLI.

Полувши телеграмму о пріѣздѣ Л. Н. Толстого, Тургеневъ заволновался. Онъ былъ необыкновенно гостепріимный хозяинъ, и пріѣздъ гостей всегда наполнялъ его душу особеннымъ оживленіемъ. Распорядившись о высылкѣ лошадей на станцію Мценскъ, согласно полученной телеграммѣ, Тургеневъ и жившіе въ Спасскомъ Полонскіе ждали автора «Войны и мира» на другой день. Но произошла ошибка.

Былъ поздній часъ ночи, и въ домѣ уже всѣ спали. Я. Полонскій, писавшій за своимъ столомъ, услышалъ на дворѣ лай собакъ, свистъ и чьи-то шаги.

— Я поглядѣлъ въ окно, — разсказывалъ онъ, — но въ безлунномъ мракѣ, съ черными признаками чего-то похожаго на кусты, ничего нельзя было разглядѣть. Я опять сѣлъ писать и слышу, кто-то мимо дома прошелъ по саду. Прислушиваюсь — топотъ лошади. Удивляюсь и недоумѣваю. Затѣмъ въ домѣ послышался чей-то неясный голосъ. Я подумалъ — это бредитъ кто-нибудь изъ дѣтей моихъ. Иду въ дѣтскую — опять слышу го-

лось, но ужъ явственный, и узнаю голосъ Ивана Сергѣевича. «Что за чортъ, ужъ не воры ли забрались къ нему?». Иду въ потемкахъ черезъ весь домъ и отворяю двери въ ту комнату, откуда идетъ дверь на террасу, а направо дверь въ кабинетъ Ивана Сергѣевича. Вижу — горитъ свѣча, и какой-то мужикъ, въ блузѣ, подпоясанный ремнемъ, сѣдой и смуглый, разсчитывается съ другимъ мужикомъ. Всматриваюсь и не узнаю. Мужикъ поднимаетъ голову, глядитъ на меня вопросительно и первый подаетъ голосъ:

«Это вы Полонскій»?

Тутъ только я призналъ въ немъ графа Л. Н. Толстого.

И они обнялись и поцѣловались.

Оказалось, что Л. Н. спуталъ дни, — принялъ среду за четвергъ и послалъ телеграмму, которая вовсе не обязывала Ивана Сергѣевича посылать за нимъ экипажъ. Л. Н. Толстой, по желѣзной дорогѣ пріѣхавъ въ Мценскъ, не нашелъ тургеневскихъ лошадей и нанялъ ямщика свезти его въ Спасское. Ямщикъ долго плуталъ ночью и только къ часу ночи кое-какъ добрался до Спасскаго.

Тургеневъ еще не ложился спать. Удивленіе и радость его были велики. Черезъ нѣкоторое время въ столовой появился самоваръ и закуски... Началась оживленная бесѣда, продолжавшаяся до 3-хъ часовъ утра.

Между Тургеневымъ и Толстымъ возникали жаркія пренія. Тургеневъ иногда до того волновался, что весь какъ бы наливался кровью. Особенно краснѣли

у него уши и шея. Но Л. Толстой на этотъ разъ хотя и отстаивалъ свои взгляды съ твердостью, но и въ тонѣ его, и въ манерѣ держать себя было уже нѣчто новое для Я. Полонскаго, не встрѣчавшагося съ авторомъ «Войны и мира» болѣе 20-ти лѣтъ. Полонскаго поразила въ Л. Толстомъ какая-то особенная мягкость и подкупающая простота въ обращеніи.

— Я видѣлъ его, — говорилъ Полонскій, — какъ бы перерожденнымъ, проникнутымъ иною вѣрою, иною любовью.

На другой день пріѣзда Л. Толстого случился очень смѣшной анекдотъ съ Тургеневымъ. За часъ до обѣда ему доложили, что поваръ пьянъ и что обѣда готовить некому. Сначала это озадачило хозяина... Нельзя же было гостей оставить безъ обѣда. Но вдругъ Тургеневъ «нашелся»: онъ самъ будетъ стряпать. И, потирая руки, началъ говорить, какъ онъ будетъ рѣзать морковь, какъ рубить котлеты и т. п. И Тургеневъ пресерьезно направился въ кухню. Но слуга Захаръ, одноглазый, какъ Аргусъ, и всегда таинственно молчаливый, остановилъ порывъ своего барина и сдѣлалъ ему строгій выговоръ:

«Это не ваше дѣло. Уходите съ Богомъ... Обѣдъ мы и безъ васъ состряпаемъ».

И Тургеневъ послушно покорился.

Такимъ образомъ кулинарный талантъ Тургенева остался для потомства невыясненнымъ...

Л. Н. Толстой передъ этимъ ходилъ пѣшкомъ на богомолье въ Оптину Пустынь въ крестьянскомъ платьѣ. И онъ много разсказывалъ въ Спасскомъ о своемъ пу-

тешествіи. Былъ, между прочимъ, Л. Н. и у раскольниковъ и видѣлъ одну раскольничью богородицу, причемъ въ ея работницѣ нашелъ, къ немалому своему изумленію, очень подвижную, граціозную и поэтическую дѣвушку, блѣдно-худощавую, съ маленькими бѣлыми руками и тонкими пальцами.

— Никому изъ насъ, — говорилъ Я. Полонскій, — графъ не навязывалъ своего образа мыслей и спокойно выслушивалъ возраженія Ивана Сергѣевича. Однимъ словомъ, это былъ уже не тотъ графъ, какимъ я когда-то, въ молодости, зналъ его.

Въ Спасскомъ Л. Н. пробылъ около двухъ сутокъ и уѣхалъ, торопясь въ свои самарскія имѣнія.

XLII.

Послѣ отъѣзда Л. Толстого въ Спасское пріѣхала М. Г. Савина. И хотя Тургеневъ, какъ почитатель Савиной и какъ любезнѣйшій изъ хозяевъ, охваченъ былъ заботами о своей гостьѣ, но образъ Л. Н. Толстого, видимо, не разсѣивался въ его душѣ. Тургеневъ часто говорилъ о немъ съ кроткимъ и любовнымъ чувствомъ, а какъ о писателѣ отзывался даже съ восторженностью. Однажды онъ вышелъ къ своимъ гостямъ съ книгой въ рукѣ и мастерски прочелъ вслухъ изъ «Войны и мира», когда мимо Багратіона шли въ сраженіе

съ французами два батальона 6-го егерскаго полка:

«Они еще не поравнялись съ Багратіономъ, а уже слышенъ былъ тяжелый, грузный шагъ, отбиваемый въ ногу массой людей...»

Тургеневъ дочиталъ всю эту главу до конца съ видимымъ увлеченіемъ и, когда окончилъ, поднялъ голову и проговорилъ:

— Выше этого описанія я ничего не знаю ни въ одной изъ европейскихъ литературъ. Вотъ это — описаніе! Вотъ какъ должно описывать!..

Всѣ согласились съ нимъ. Но Тургеневъ все еще восторженно показывалъ, какъ высоко-художественно это описаніе...

Въ 1882 г. Тургеневъ въ Россію не пріѣзжалъ, и его планы относительно вальдшнепиной тяги остались навсегда неосуществленными.

Въ началѣ 1882 г. Тургенева неожиданно захватываетъ недугъ и не выпускаетъ писателя до могилы.

Но интересъ Тургенева къ Л. Толстому не ослабѣваетъ, сохраняя попрежнему свой односторонній характеръ. Тургеневъ иногда готовъ былъ падать ницъ передъ Л. Толстымъ, какъ передъ художникомъ, но въ то же время долженъ былъ дѣлать усилія, чтобы говорить о немъ спокойно, какъ о мыслителѣ. Какъ будто то и другое не вырастало изъ одного и того же корня.

Лишь иногда Тургеневъ переносилъ гнѣвъ на милость и съ добродушіемъ относился къ увлеченіямъ Толстого, какъ къ перемежающемуся чудачеству.

«Надѣюсь, вы опять сошлись съ Л. Толстымъ, — пишетъ онъ Григоровичу, — Это — чудовище, но несо-

мнѣнно геніальный человѣкъ — и добрѣйшій» (Парижъ, 1882 г., III, 29).

Но когда однажды Тургеневъ узналъ, что и Фетъ началъ заражаться страстью къ философствованію, этого ужъ онъ не могъ переварить.

«Л. Толстой, — писалъ онъ, — какъ живой и большой талантъ, выскочитъ изъ болота, куда онъ залѣзъ. Но Фетъ-Шеншинъ до того погрязъ въ философствованіе, что только пузыри пускаетъ...»

XLIII.

Въ 1882 г. ни Тургеневъ, ни Л. Толстой не писали другъ другу — оба захваченные разными теченіями. Толстой громоздилъ Пеліонъ на Оссу по поводу переписи въ Москвѣ, окунался съ головою въ человѣческую нужду и разрывалъ навсегда свои отношенія къ государству, отказываясь отъ присяги, отъ роли присяжнаго и проч., и проч.

Тургеневъ, кромѣ болѣзни, горѣлъ еще на угольяхъ всякихъ жизненныхъ невзгодъ, при чемъ жизнь его осложнилась скандальнымъ процессомъ его дочери съ своимъ мужемъ, оказавшимся такимъ героемъ, что несчастной и разоренной Полинѣ съ ея дѣтьми грозило бѣгство изъ Франціи.

— Точно колесо меня захватило и начинаетъ вти-

гнать въ машину, — жаловался Тургеневъ своему милому другу Ж. А. Полонской.

А роковое колесо, дѣйствительно, все больше и больше захватывало Тургенева.

Сначала казалось, что болѣзнь ограничится легкой формой грудной жабы; но черезъ нѣкоторое время болѣзнь осложнилась; Тургеневъ не могъ ни ходить, ни стоять, ни сидѣть, поминутно задыхаясь и испытывая стрѣляющія боли. Затѣмъ у него сдѣлались сразу три подагрическихъ удара — въ обѣихъ илюснахъ и колѣняхъ. Ему начали дѣлать прижиганія и прожгли кожу почти въ 50-ти мѣстахъ. Боли были нестерпимыя. Но у него все-таки хватало духу еще шутить надъ своимъ положеніемъ и сравнивать себя съ вафлей.

А колесо все убыстрялось.

Подагра завладѣвала обѣими ногами, появились мучительныя желчевыя колики...

Въ маѣ Тургенева перевезли изъ Парижа въ Буживаль, надѣясь на воздухъ и искусство медицинскихъ знаменитостей.

Но желѣзные тиски недуга все больше сжимались.

Тургеневъ упорно боролся со своимъ безпощаднымъ врагомъ и, не взирая на мучительныя боли, продолжалъ поддерживать сложную корреспонденцію. Правда, уже весною 1882 г. онъ писалъ Ж. А. Полонской:

«Я человѣкъ похеренный... Личная моя жизнь прекратилась».

Но тѣмъ не менѣе онъ все-таки находилъ возмож-

нымъ писать юмористическія письма и заботиться въ Буживалѣ о томъ, чтобы въ Спасскомъ увеличили порцію его любимымъ лошадямъ.

Получивъ осенью 1882 г. черезъ одну госпожу «Исповѣдь» Л. Толстого, Тургеневъ прочелъ ее залпомъ и плѣнился художественнымъ лиризмомъ этого удивительнаго произведенія. Но то, что было сердцевиной «Исповѣди», только скользнуло мимо Тургенева, какъ пылкій монологъ на непонятномъ языкѣ.

Злой недугъ все крѣпче и ожесточеннѣе обхватывалъ Тургенева. Писатель уже не могъ безъ мучительныхъ болей владѣть руками и долженъ былъ прибѣгать къ диктовкѣ писемъ, продолжая все-таки пересыпать ихъ прелестными цвѣтами юмора.

XLIV.

Въ началѣ 1883 г. парижскія медицинскія свѣтила сдѣлали Тургеневу мучительную операцію, вырѣзавъ безъ хлороформа большую неврому въ области живота. Но, кромѣ новыхъ болей, операція ничего не принесла больному. И Тургеневу съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе нести свое тяжелое бремя. Писатель не зналъ, что такое сонъ и что такое покойная минута. И все же въ глубинѣ его существа еще вспыхивали надежды и неизсякаемо сверкалъ родникъ жизни.

— Говорю доктору, — писалъ онъ, — что минуты простоять не могу, — а онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Съ вами, конечно, случается, что вы болѣе 1/4 часа стоите на ногахъ и не чувствуете никакой боли!» Что тутъ прикажешь дѣлать! Отнынѣ буду утверждать, что я не только стоять и ходить, но танцовать могу, и въ Россію потому не ѣду, что ужъ очень мнѣ не хочется разставаться съ здѣшнимъ мѣстомъ. Вотъ я какой молодецъ!.. Впрочемъ докторъ — прелюбезный — непремѣнно желаетъ, чтобы я обложилъ больное мѣсто глиной; но такъ какъ у меня съ нѣкоторыхъ поръ не только ключица, но вся спина и грудь болитъ, то я полагаю, не лучше ли мнѣ велѣть себѣ сдѣлать цѣлую кирасу изъ глины?» (Буживаль, 1883 г., I, 2).

Наступилъ наконецъ адскій періодъ. Нестерпимо мучительные припадки судорогъ въ груди потрясали все существо Тургенева до полнаго изнеможенія.

«Страданія постоянныя, невыносимыя...—жаловался онъ Я. Полонскому. — Надежды никакой... Жажда смерти все растетъ — и мнѣ остается просить васъ, чтобы и вы съ своей стороны пожелали бы осуществленія желанія вашего несчастнаго друга» (Буживаль, 1883 г., V, 12).

Въ такихъ пыткахъ прошло около двухъ мѣсяцевъ. Уклонъ жизни становился все круче, и удерживаться на немъ было все мучительнѣе и труднѣе.

Въ одну изъ такихъ минутъ, когда въ искромсанномъ и полуразрушенномъ тѣлѣ писателя, казалось, померкли всѣ импульсы жизни, въ душѣ его вдругъ закипѣлъ съ необыкновенною силою свѣтлый потокъ

дружественности: Тургенева потянуло къ Л. Толстому. И онъ ослабѣвшимъ голосомъ попросилъ дать ему карандашъ и бумаги. То, что горѣло въ его душѣ, онъ могъ довѣрить только бумагѣ. И, съ усиліемъ приспособившись для писанія и переживая мучительныя боли, Тургеневъ собственноручно написалъ:

«Милый и дорогой Левъ Николаевичъ, долго вамъ не писалъ, ибо былъ и есмь, говоря прямо, на смертномъ одрѣ. Выздоровѣть я не могу — и думать объ этомъ нечего. Пишу же собственно, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ, и чтобы выразить вамъ мою послѣднюю искреннюю просьбу. Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности. Вѣдь это даръ вашъ оттуда, откуда все другое. Ахъ, какъ я былъ бы счастливъ, если бъ могъ подумать, что просьба моя такъ на васъ подѣйствуетъ... Я же человѣкъ конченый — доктора даже не знаютъ, какъ назвать мой недугъ. Ни ходить, ни ѣсть, ни спать. Да что! Скучно даже повторять это. Другъ мой, великій писатель русской земли—внемлите моей просьбѣ. Дайте мнѣ знать, если вы получите эту бумажку, и позвольте еще разъ крѣпко, крѣпко обнять васъ, вашу жену, всѣхъ вашихъ... Не могу больше... Усталъ» (Буживаль, 1883 г., VI, 27 или 28).

Чудесное письмо! Сколько разъ ни перечитываешь его, всегда оно трогаетъ и умиляетъ. И едва ли это не самая горячая и вдохновенная изъ всѣхъ пѣсенъ, спѣтыхъ на землѣ Тургеневымъ. И тѣмъ не менѣе она, въ силу роковыхъ условій, тяготѣвшихъ надъ отношеніями Тургенева и Л. Толстого, осталась гла-

сомъ вопіющаго въ пустынѣ. Письмо Тургенева произвело на Толстого грустно-досадное впечатлѣніе, точно юбилярное поздравленіе отъ покинувшаго друга. И казалось страннымъ, какъ Тургеневъ, понимая, что художественный даръ «оттуда, откуда все другое», не хотѣлъ въ то же время признать, что и «другое», значитъ, имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и художественный даръ? И еще: какъ могъ Тургеневъ (будучи самъ писателемъ и по собственному опыту зная неистребимую потребность въ писателѣ художественныхъ эмоцій) серьезно просить Толстого: вернуться къ литературной дѣятельности? Принявъ временную неподвижность верхнихъ слоевъ замерзшей воды за остановку могучей рѣки, Тургеневъ своимъ воззваніемъ къ Толстому, какъ къ писателю, въ сущности стучался въ незапертую дверь. И Толстой ничего не отвѣтилъ Тургеневу, хотя и понималъ, что побужденія, двигавшія полумертвой рукою Тургенева, и огонь, которымъ горѣлъ онъ въ тяжелыя для него минуты, — все говорило о благороднѣйшемъ сердцѣ.

И, вспоминая объ этомъ, Левъ Николаевичъ сказалъ однажды, что письмо Тургенева не было оставлено безъ отвѣта, а только отложено до лучшаго прилива. И несомнѣнно, что, давъ перебродить въ душѣ досадному недоумѣнію, «великій писатель русской земли» сумѣлъ бы извлечь изъ своего сердца отвѣтный аккордъ Тургеневу.

Но послѣдній не дождался этого и 22 августа 1883 г. перешелъ въ другой міръ.

Такъ закончились земныя отношенія между двумя великими русскими писателями.

И въ исторіи человѣчества, быть можетъ, нѣтъ болѣе наглядиаго и поучительнаго примѣра: какъ хрупки и безсильны всѣ средства для установленія между людьми добрыхъ отношеній, если въ наличности нѣтъ связующаго цемента — л ю б в и.

Толстой и Н. Лѣсковъ.

До 1886 г. Толстой и Лѣсковъ не были лично знакомы и, повидимому, не чувствовали тяготѣнія другъ къ другу. Скорѣе напротивъ: казались воинами изъ разныхъ лагерей. Особенно примѣнимо это къ Лѣскову.

Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы метнуть одну изъ своихъ заостренныхъ съ «зазубриной» стрѣлъ по адресу Толстого. Такъ, толстовскія публицистическія статьи Лѣсковъ называлъ «учительными бреднями»; послѣдователей Толстого — «непротивленьшами», «лепетунами толстовскаго толка» и т. п.

Особенно ретиво выступилъ однажды Лѣсковъ въ печати противъ Толстого по поводу женскаго образованія.

Опираясь на авторитетъ Пирогова, давшаго сочувственные отзывы о русскихъ медичкахъ, Лѣсковъ писалъ редактору «Историческаго Вѣстника»:

«Статья, которую я вамъ сдаю о Пироговѣ, есть, по моему мнѣнію, не только любопытная и современная, но и драгоцѣнная для «историческаго журнала». Это—перлъ пироговской задушевности. И кого, какъ не его одного, можно поставить въ упоръ противъ учительныхъ бредней Л. Н. Толстого»...

Въ самой статьѣ, носившей сначала названіе: «О женскихъ способностяхъ и противленіи злу», а потомъ: «Загробный свидѣтель за женщинъ», Лѣсковъ язвительно и упористо выступаетъ противъ толстовскихъ положеній о непротивленіи злу насиліемъ.

Но проходитъ нѣкоторое время, Лѣсковъ знакомится съ Толстымъ и... совершается чудеснѣйшая изъ метаморфозовъ: суровый Савлъ превращается въ пламеннаго Павла.

Лѣсковъ дѣлается однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и восторженныхъ почитателей Толстого.

Этотъ изумительный внутренній переворотъ представляетъ, быть можетъ, одну изъ самыхъ интересныхъ и притягательныхъ страницъ въ книгѣ жизни Лѣскова.

Авторъ «Войны и мира» уже не только великій писатель для Лѣскова, онъ—его герой, его—кумиръ, его—солнце. Лѣсковъ богомольно просиживаетъ цѣлыя ночи надъ чтеніемъ и толкованіемъ новыхъ «послѣрубиконныхъ» произведеній Толстого, заводитъ особую «толстовскую» тетрадь, куда заноситъ все, что касается Льва Николаевича: его мысли, отрывки изъ его писемъ и т. п.

И въ присутствіи Лѣскова уже нельзя было безнаказанно говорить о Толстомъ не только въ осудительномъ тонѣ, — нельзя было даже и въ похвальномъ, но обычнымъ, домашнимъ языкомъ. Лѣсковъ такъ и ощетинивался:

— Это не цыганская лошадь, чтобы его расхваливать.

— Толстой, это — океанъ!

— О Львѣ Николаевичѣ Толстомъ, — убѣждалъ Лѣсковъ одного писателя, — надо говорить языкомъ иным, а не тѣмъ, какимъ до сихъ поръ говорятъ о немъ. Мы не хотимъ назвать его настоящимъ именемъ, а его смѣло можно назвать мудрецомъ. Клади рядомъ съ нимъ Эпиктета, Сократа... Вотъ гдѣ его мѣсто. А мы стихи на него сочиняемъ à la Величко да пишемъ фельетоны... Какое пошлое общество! Послѣ Толстого останется пустыня... Вотъ тогда только всѣ почувствуютъ это. Говорятъ, я ему подражаю. Нисколько. Когда писалъ Толстой «Анну Каренину», я уже былъ близокъ тому, что теперь говорю... Но только у него свѣтъ ярче. У него огромный факелъ, и я пошелъ за нимъ со своей плошкой... Я и тороплюсь за нимъ. Тороплюсь. Развѣ это худо, что мы на старости лѣтъ заговорили о праведной жизни? Развѣ лучше, если бы мы, старики, продолжали ѣздить по Ливадіямъ и Аркадіямъ? Печальна та страна, гдѣ старики плохи... О, я радуюсь, что могу итти въ настоящее время за Львомъ Николаевичемъ!..

Когда Лѣскову указывали на утопичность нѣкоторыхъ толстовскихъ положеній, онъ сверкалъ глазами и негодующе возражалъ, что нелѣпо требовать отъ Льва Толстого сезонныхъ цѣнностей. Толстой — великанъ. Онъ заглядываетъ на нѣсколько вѣковъ впередъ.

— Вы ему возражаете, — говорилъ Лѣсковъ, — что современныя государства не могутъ быть безъ войска, а онъ (точно этого не знаетъ) смѣется надъ такими государствами.... Вы говорите, что безъ денегъ

не дадутъ вамъ ни мяса, ни муки, ни булки и никакого другого чужого труда. А Толстой и самъ не хочетъ, чтобы вы владѣли чужимъ трудомъ въ денежной формѣ. Стоитъ только дунуть на каждаго его противника съ этой точки зрѣнія, и отъ послѣдняго ничего не останется»...

Но особенно интересны и даже трогательны признанія Лѣскова объ его отношеніи къ Толстому въ письмахъ къ одной писательницѣ:

«Я сказалъ и говорю, что я (Лѣсковъ) давно искалъ того, чего онъ (Л. Н. Толстой) ищетъ, но я этого не находилъ, потому что свѣтъ мой слабъ. Зато, когда я увидѣлъ, что онъ нашелъ искомое, которое меня удовлетворило, я почувствовалъ, что уже не нуждаюсь въ своемъ ничтожномъ свѣтѣ, а иду за нимъ, и своего ничего я не ищу и не показываюсь на видъ, а вижу все при свѣтѣ его огромнаго свѣточа... Толстой есть для меня моя святыня на землѣ, — «священникъ Бога живаго, облекающійся правдой»... Неужто вамъ опять показалось, что я могу его ревновать и желать самъ при немъ что-нибудь значить? Онъ просвѣтилъ меня, и я ему обязанъ болѣе, чѣмъ покоемъ земной жизни. А благодѣянія его удивительнаго ума открыли мнѣ путь жизни безъ конца» *).

Достойно вниманія, что все это происходило за нѣсколько лѣтъ до смерти Лѣскова, когда онъ былъ уже старикомъ съ ярко опредѣлившимся и, казалось, откристаллизовавшимся міросозерцаніемъ... Кромѣ то-

---

*) „Противъ теченія“ А. И. Фаресова, стр. 110, 114, 309.

го, надо еще принять во вниманіе его своеобразный и острый, какъ игла, умъ, его сильный и упругій характеръ, напоминавшій стальную пружину, дѣйствовавшую только своимъ собственнымъ напряженіемъ.

И, несмотря на все это, Лѣсковъ не могъ не поддаться чудесному обаянію другой личности.

Л. Н. Толстого, очень чуткаго ко всякому душевному горѣнію, трогало и умиляло юношески-восторженное отношеніе къ нему Лѣскова. Кромѣ того, Левъ Николаевичъ хотя и недолюбливалъ писательской манеры Лѣскова съ его различными мудреными словечками въ родѣ «безабѣлье» и проч., но считалъ Лѣскова большимъ самобытнымъ художникомъ и высоко ставилъ его, какъ независимаго мыслителя, который, по мнѣнію Льва Николаевича, былъ «первымъ въ 60-хъ годахъ идеалистомъ христіанскаго типа и первымъ писателемъ, указавшимъ недостаточность матеріалистическаго прогресса и опасность для свободы и идеаловъ отъ порочныхъ людей»...

И въ своихъ отношеніяхъ къ Лѣскову Л. Н. очень часто проявлялъ особенную любовную искренность и братскую интимность. Эта душевная интимность часто сквозитъ и въ письмахъ Льва Николаевича къ Лѣскову.

«Получилъ ваше послѣднее письмо, дорогой Николай Семеновичъ, и книжку «Обозрѣнія»,—пишетъ Л. Н. въ декабрѣ 1890 г. — Я началъ читать, и мнѣ очень понравился тонъ и необыкновенное мастерство языка, но... потомъ выступилъ вашъ особенный недоста-

токъ, отъ котораго такъ легко, казалось бы, исправиться и который есть само по себѣ качество, а не недостатокъ, — exubérance образовъ, красокъ, характерныхъ выраженій, которая васъ опьяняетъ и увлекаетъ. Много лишняго, несоразмѣрнаго, но verve и тонъ удивительны. Сказка все-таки очень хороша, но досадно, что она, если бы не излишекъ таланта, была бы лучше.

«Намѣреніе ваше пріѣхать къ намъ съ Гольцевымъ кромѣ большого удовольствія во всякое время, намъ ничего доставить не можетъ.

«Ге былъ еще у насъ, когда пришло ваше послѣднее письмо, и мы вмѣстѣ съ нимъ смѣялись вашему описанію. Но тутъ кромѣ смѣха дѣло очень интересное и знаменательное. Когда увидимся, поговоримъ.

«Такъ до свиданія.

Любящій васъ Л. Толстой".

Въ одномъ письмѣ Л. Н. признается Лѣскову о новыхъ писательскихъ мукахъ:

«Началъ было продолжать одну художественную вещь, но, повѣрите ли, совѣстно писать про людей, которыхъ не было и которые ничего этого не дѣлали. Что-то не то. Форма ли эта художественная устарѣла, повѣсти отживаютъ, или я отживаю. Испытываете ли вы что-нибудь подобное?

«Еще началъ объ искусствѣ и наукѣ. И это очень и очень забираетъ меня и кажется мнѣ важнымъ»...

Но особенно значительно по своему содержанію одно изъ послѣднихъ писемъ Л. Толстого къ Лѣскову, относящееся къ августу 1894 г.

«Дорогой Николай Семеновичъ, боюсь, что работа, за которую я взялся и о которой вы пишете, мнѣ не по силамъ. До сихъ поръ, несмотря на упорное занятіе ею, я очень мало подвинулся. Я думаю, что я захотѣлъ слишкомъ многаго: изложить въ краткой, ясной, неоспоримой, неспорной и доступной самому неученому человѣку формѣ истину христіанскаго міровоззрѣнія, — замыселъ слишкомъ гордый, безумный.

«И оттого до сихъ поръ ничего нѣтъ такого, что бы не стыдно было показать людямъ. Впрочемъ, въ такомъ дѣлѣ должно быть все или ничего. И до сихъ поръ, да и, вѣроятно, навсегда останется ничего. Хотя для меня лично работа эта очень полезна: она и поучаетъ, и смиряетъ, и я не бросаю ея.

«О Ге я не переставая думаю, не переставая чувствую его, чему содѣйствуетъ то, что его двѣ картины «Судъ» и «Распятіе» стоятъ у насъ и я часто смотрю на нихъ, и что больше смотрю, то больше понимаю и люблю.

«Хорошо бы было, если бы вы написали о немъ. Должно быть, и я напишу. Это былъ такой большой человѣкъ, что мы всѣ, если будемъ писать о немъ съ разныхъ сторонъ, — мы едва ли сойдемся, т.-е. будемъ повторять другъ друга.

«Радъ знать, что здоровье ваше относительно лучше. Если не увидимся здѣсь, чего бы очень желалъ, то увидимся, — не увидимся, а сообщимся, — тамъ, т.-е. не тамъ, а внѣ земной жизни. Я вѣрю въ это общеніе, и тѣмъ больше, чѣмъ больше тотъ человѣкъ, объ общеніи съ которымъ я думаю, вступилъ здѣсь уже въ об-

ласть духовной жизни. Самъ въ одну дверь уже вступаешь или заглядываешь въ эту область внѣвременнаго, внѣпространственнаго бытія и видишь или чувствуешь, что и другой вступаетъ или заглядываетъ въ нее. Какъ же не вѣрить, что соединишься съ нимъ?

«Прощайте пока, дружески жму вашу руку.

Левъ Толстой.

Левъ Николаевичъ какъ бы предчувствовалъ, что Лѣсковъ стоялъ на порогѣ т о й д в е р и и уже заглядывалъ въ нее.

Черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ этого письма Лѣсковъ скончался (1895 г., 21-го февраля).

Толстой и Чеховъ.

Чарующій талантъ Чехова, его скромность и сердечная доброта въ связи съ удивительнымъ житейскимъ тактомъ привлекали къ нему сердца людей различныхъ возрастовъ и положеній.

Но особенно интересны отношенія между Толстымъ и Чеховымъ. Такъ различны были эти два человѣка! А между тѣмъ ни къ кому изъ современныхъ писателей Толстой не относился съ такой симпатіей, какъ къ Чехову. Даже когда Л. Н. только заговаривалъ о Чеховѣ, то у него лицо принимало особенный теплый отсвѣтъ. Скупой вообще на знаки восторга передъ современными явленіями, Левъ Николаевичъ почти всегда въ отношеніи Чехова держалъ себя, какъ любящій отецъ къ милому сыну.

— Ахъ, Чеховъ! Это удивительный инструментъ... Чехова и за глаза хвалить можно, — говорилъ Левъ Николаевичъ съ вспыхивающимъ огонькомъ въ голосѣ.

И, можетъ быть, никто изъ современниковъ не охватилъ сразу съ такой остротой зрѣнія, какъ Толстой, всей огромности утраты, понесенной литературой со смертью Чехова.

Бесѣдуя съ однимъ изъ своихъ гостей по поводу смерти Чехова, Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Это хорошо, что на похоронахъ Чехова не было рѣчей. Я противникъ подобныхъ демонстрацій. Но Чеховъ... Чеховъ — несравненный художникъ. Да, да, именно: несравненный... Художникъ жизни. И достоинство его творчества въ томъ, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человѣку вообще. А это главное. Я какъ-то читалъ книгу одного нѣмца. И тамъ описано, какъ одинъ молодой человѣкъ, желая сдѣлать своей невѣстѣ сюрпризъ, даритъ ей Чехова, считая его выше всѣхъ современныхъ писателей. И это вѣрно. Онъ бралъ изъ жизни то, что видѣлъ, независимо отъ содержанія того, что видѣлъ, и если бралъ что-нибудь, то передавалъ удивительно образно и понятно до послѣднихъ черточекъ. Главное же—онъ былъ всегда искрененъ. А это великое достоинство въ писателѣ. И благодаря своей искренности, Чеховъ создалъ новыя, совершенно новыя, по-моему, для всего міра формы писанія, подобныхъ которымъ я не встрѣчалъ нигдѣ. Его языкъ удивителенъ. Я помню, что когда я первый разъ началъ читать Чехова, то сначала онъ показалъ мнѣ какимъ-то страннымъ, какъ бы нескладнымъ. Но какъ только я вчитался, такъ этотъ языкъ и захватилъ меня... Да, да, именно благодаря этой нескладности или... не знаю, какъ это назвать, онъ захватываетъ необычайно и, помимо вашей воли, вкладываетъ вамъ въ душу прекрасные художественные образы...

Левъ Николаевичъ любилъ читать Чехова не только про себя, но и вслухъ.

И не слыхавши чеховскихъ разсказовъ въ толстов-

ской передачѣ, трудно представить, какіе художественные оттѣнки вносилъ иногда Левъ Николаевичъ въ чтеніе любимаго автора.

Одно время Чеховъ былъ даже какъ бы слабостью Толстого, и онъ могъ прочитывать одинъ и тотъ же Чеховскій разсказъ нѣсколько разъ въ одинъ и тотъ же вечеръ. Такъ было между прочимъ съ чудеснымъ чеховскимъ разсказомъ «Душечка».

Зимой 1898 г. пишущему это пришлось быть вечеромъ у Толстыхъ въ Москвѣ.

За вечернимъ чаемъ заговорили о литературѣ. Я сказалъ о новомъ чеховскомъ разсказѣ «Душечка», напечатанномъ въ журналѣ «Семья». Левъ Николаевичъ очень заинтересовался и спросилъ, читалъ ли я новый разсказъ и какъ нахожу его. Я сказалъ, что новый разсказъ Чехова ничего себѣ и что если Л. Н. интересуется имъ, то у меня этотъ разсказъ съ собою.

— Новый разсказъ Чехова! Хотите послушать? — какъ бы анонсировалъ Левъ Николаевичъ.

Всѣ изъявили согласіе.

Съ первыхъ же строкъ чтенія Л. Н. началъ произносить отрывочныя междометія одобрительнаго свойства. А затѣмъ не выдержалъ и во время чтенія обратился ко мнѣ съ оттѣнкомъ укора:

— Какъ же это вы сказали: «ничего себѣ»? Это перлъ, настоящій перлъ искусства.

И послѣ чтенія Л. Н. съ одушевленіемъ заговорилъ о «Душечкѣ», цитируя на память нѣкоторыя фразы.

— Какъ мѣтко и хорошо! — говорилъ Л. Н. — схва-

чемъ Чеховымъ языкъ телеграфиста. И эта удивительная телеграмма съ ея «хохоронами». И это истинное женское чувство, такъ сжато и такъ мастерски выраженное въ «Душечкѣ». Превосходный разсказъ! И какъ истинное художественное произведеніе, оно, оставаясь прекраснымъ, можетъ производить различные эффекты, подобно лакмусовой бумагѣ.

Черезъ нѣкоторое время къ Толстымъ пришли новые гости. Л. Н. поздоровался и спросилъ:

— А вы читали новый разсказъ Чехова «Душечка»? Нѣтъ? Хотите послушать?

И Л. Н. опять прочелъ «Душечку».

Какъ-то во время прогулки въ яснополянскомъ паркѣ одинъ изъ гостей Льва Николаевича заговорилъ о произведеніяхъ Горькаго, котораго почему-то всегда сравнивали съ Чеховымъ. Левъ Николаевичъ остановился и, заложивъ руку за поясъ блузы, сказалъ, какъ бы въ раздумьи:

— Гм... не понимаю, почему Горькаго сравниваютъ съ Чеховымъ. Чеховъ, по-моему, несравненный художникъ. А если ужъ кого сравнивать съ нимъ, то это Мопассана. Я недавно перечиталъ вновь почти всего Чехова. И все у него удивительно прелестно. Есть мѣста неглубокія, нѣтъ, совсѣмъ неглубокія. Но все прелестно. И Чехова, какъ художника, нельзя уже сравнивать съ прежними русскими писателями — съ Тургеневымъ, съ Достоевскимъ или со мною. У Чехова своя особенная форма, какъ у импрессіонистовъ. Смотришь, человѣкъ будто безъ всякаго разбора мажетъ красками, какія попадаются ему подъ руку, и ни-

какого какъ-будто отношенія эти мазки между собою не имѣютъ. Но отойдешь на нѣкоторое разстояніе, посмотришь, и въ общемъ получается цѣльное впечатлѣніе. Передъ вами яркая, неотразимая картина природы. И вотъ еще наивѣрнѣйшій признакъ, что Чеховъ истинный художникъ: его можно перечитывать нѣсколько разъ, кромѣ пьесъ, конечно, которыя совсѣмъ не его дѣло.

Восторженное отношеніе Толстого къ чеховской «Душечкѣ» не разсѣялось съ теченіемъ времени, а еще болѣе укрѣпилось, точно старое вино. И составляя «Кругъ чтенія», Л. Н. Толстой не только помѣстилъ «Душечку» въ числѣ избранныхъ «притчъ», но еще и написалъ къ «Душечкѣ» изумительное по красотѣ послѣсловіе. Толстой сравниваетъ Чехова съ библейскимъ пророкомъ Валаамомъ, который вмѣсто того, чтобы проклясть израильскій народъ, благословилъ его.

— Чеховъ, какъ Валаамъ, — говорилъ Л. Н.—намѣревался проклясть «Душечку», но Богъ поэзіи запретилъ ему, и онъ благословилъ и невольно одѣлъ такимъ чуднымъ свѣтомъ милое женское существо, что оно навсегда останется образцомъ того, чѣмъ можетъ быть женщина для того, чтобы быть счастливой самой и дѣлать счастливыми тѣхъ, съ кѣмъ сводитъ ее судьба... Разсказъ этотъ оттого прекрасный, что онъ вышелъ безсознательно... Я учился ѣздить на велосипедѣ въ манежѣ, въ которомъ дѣлаются смотры дивизіямъ. На другомъ концѣ манежа училась ѣздить дама. Я подумалъ о томъ, какъ бы мнѣ не помѣшать этой дамѣ, и сталъ смотрѣть на нее. И, глядя на нее, я сталъ

невольно все больше и больше приближаться къ ней и, несмотря на то, что она, замѣтивъ опасность, поспѣшила удалиться, я наѣхалъ на нее и свалилъ, т.-е. сдѣлалъ совершенно противоположное тому, что хотѣлъ, только потому, что направилъ на нее усиленное вниманіе.

То же самое, только обратное, случилось съ Чеховымъ: онъ хотѣлъ свалить «Душечку» и обратилъ на нее усиленное вниманіе, поэтому и вознесъ ее.

Однажды въ присутствіи Л. Н. Толстого заговорили о свойствахъ и особенностяхъ художественнаго дарованія. Въ чемъ его сущность? Послѣ нѣкотораго раздумья, Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Художникъ, это—нѣчто особенное и отличается отъ не художника тѣмъ, что способенъ заражать насъ своими чувствами, держать все время подъ гипнозомъ своей художественной власти и переносить нашу душу таинственной силой своего дарованія въ изображаемый имъ міръ. Таковъ былъ, напримѣръ, Чеховъ. И когда я читаю Чехова, то мнѣ кажется, что я не только вижу его героевъ, но даже слышу ихъ голоса. Когда же я читаю кропотливо-добросовѣстныя страницы (и Левъ Николаевичъ назвалъ одного изъ современныхъ писателей), то я ничего, кромѣ скуки, не чувствую.

Особенно высоко цѣнилъ Толстой мелкіе чеховскіе разсказы.

— Чеховъ гораздо интереснѣе Тургенева и меня въ этой области. Куда намъ до него, — сказалъ однажды Л. Н. серьезнымъ тономъ.

Но чего Толстой не признавалъ въ Чеховѣ, это его способности писать пьесы. Чеховскія пьесы никогда не нравились Толстому. Однажды онъ по поводу чеховскихъ пьесъ такъ мотивировалъ свое мнѣніе:

— Для того, чтобы вызвать «настроеніе», достаточно лирическаго стихотворенія. Драматическая же форма служитъ и должна служить другимъ цѣлямъ. Въ драматическомъ произведеніи должно поставить какое-нибудь еще неразрѣшенное людьми положеніе и заставить его разрѣшать каждое дѣйствующее лицо, сообразно его внутреннимъ даннымъ. У Чехова же именно этого нѣтъ. Онъ не заинтересовываетъ въ пьесахъ настолько, чтобы отдаться ему. Онъ останавливаетъ, напримѣръ, вниманіе зрителей на судьбѣ несчастныхъ дяди Вани и доктора Астрова, но жалѣетъ ихъ потому, что они несчастны, не обосновавши вовсе, заслуживаютъ ли они состраданія. А мнѣ кажется, они всегда были дрянными и ничтожными.

Уваженіе Толстого къ Чехову, какъ къ художнику, было такъ велико, что онъ могъ говорить ему и нелестныя вещи въ глаза относительно его пьесъ. Однажды Толстой, будто бы, сказалъ Чехову самымъ дружелюбнымъ тономъ:

— Я, знаете, терпѣть не могу Шекспира. Но его пьесы все-таки лучше вашихъ.

Таковы были отношенія между Толстымъ и Чеховымъ, какъ писателями.

Познакомились они другъ съ другомъ довольно поздно, только въ 1896 г.

Произошло это однако не по винѣ Толстого, ис-

кавшаго знакомства съ Чеховымъ, а вслѣдствіе скромности и застѣнчивости Чехова. Онъ все никакъ не могъ набраться храбрости, чтобы поѣхать къ автору «Войны и мира». И сколько полукомическихъ эпизодовъ произошло на этой почвѣ!

Однажды, будучи въ Москвѣ, Чеховъ совсѣмъ было собрался ѣхать къ Толстымъ. За нимъ долженъ былъ заѣхать одинъ его знакомый К. Но въ это время къ Чехову пришелъ въ гости писатель В. А. Тихоновъ. Чеховъ обрадовался ему и загудѣлъ баскомъ:

— Какъ это хорошо, что вы пришли!

— А что такое?

— Да видите ли, за мной сейчасъ долженъ заѣхать К., чтобы везти меня ко Льву Николаевичу Толстому. Ну, а я боюсь.

— Чего же вы боитесь? — спросилъ Тихоновъ.

— Да вотъ, подите. Самъ не знаю, а боюсь. Какъ это такъ, вдругъ самого Толстого вблизи увидать. Говорить съ нимъ... Нѣтъ, какъ хотите, это жутко. Ну, такъ вотъ вы пріѣхали, мы и того... и поѣдемъ всѣ вмѣстѣ, втроемъ.

Тихоновъ удивился.

— Позвольте, я-то съ какой стати поѣду? Съ Толстымъ я не знакомъ, знакомиться же со мной онъ, кажется, не выражалъ еще желанія. Какъ же я полѣзу туда незваный, непрошеный? Другое дѣло—вы. Левъ Николаевичъ самъ пожелалъ съ вами познакомиться. Значитъ, васъ тамъ ждутъ...

— Да, но я боюсь одинъ, — сказалъ Чеховъ.

— Такъ вѣдь вы же не одинъ поѣдете. Съ вами К. будетъ.

— Что жъ, что К.? Онъ тамъ свой человѣкъ. Онъ уйдетъ въ другую комнату, а я одинъ останусь. Страшно.

Тихоновъ сталъ убѣждать Чехова, что ничего тутъ страшнаго нѣтъ и что его въ семьѣ Толстыхъ, вѣроятно, встрѣтятъ, какъ родного. Но Чеховъ стоялъ на своемъ: страшно, да и только.

— Какъ это я вдругъ съ нимъ самимъ разговаривать стану!

Немного помолчали. Чеховъ опять спрашиваетъ:

— Такъ ни за что не поѣдете?

— Ни за что. Подумайте сами: вѣдь это съ моей стороны было бы наглостью.

— Тогда знаете что? — сказалъ Чеховъ, вставая съ дивана, — удеремте куда-нибудь.

— Т.-е. какъ «удеремте»! — удивился Тихоновъ.

— Да очень просто. Уѣдемъ изъ дому. К. заѣдетъ и не застанетъ меня. И «страшное свиданіе» отложится хоть на нѣкоторое время.

И они «удрали» въ ресторанъ «Эрмитажъ» и долго тамъ сидѣли, пили красное вино и говорили о томъ, что Левъ Толстой великій писатель, что онъ глубочайшій сердцевѣдъ и какъ было бы пріятно посмотрѣть на него и послушать его, но только такъ, чтобы самъ онъ не видѣлъ ихъ.

И такъ съ Чеховымъ было нѣсколько разъ.

Наконецъ онъ собрался и поѣхалъ въ Ясную Поляну. Пріѣхалъ онъ туда утромъ. Идетъ по парку и

видитъ вдали старика съ полотенцемъ черезъ плечо. Чеховъ всмотрѣлся, узналъ Льва Николаевича и заволновался. Но переспилъ себя и, приблизившись, назвалъ свою фамилію. Левъ Николаевичъ очень обрадовался Чехову, и, дружески бесѣдуя, они пошли къ рѣкѣ. Черезъ нѣсколько времени Чеховъ совершенно освоился и чувствовалъ себя въ Ясной Полянѣ, какъ у себя въ Мелиховѣ.

Во время пребыванія Чехова въ Ясной Полянѣ тамъ были: С. И. Танѣевъ, В. Г. Чертковъ, И. И. Горбуновъ, народный писатель С. Т. Семеновъ и др. С. Т. Семеновъ писалъ, что Чеховъ на него произвелъ обаятельное впечатлѣніе, даже и своей внѣшностью, хотя въ то время онъ уже находился во власти чахотки.

Послѣ обѣда предположено было чтеніе рукописи «Воскресенья» Л. Н. пошелъ отдохнуть, а гости отправились въ укромный уголокъ и расположились читать. Сначала читалъ В. Г. Чертковъ, потомъ его смѣнилъ И. И. Горбуновъ. Между слушателями былъ одинъ изъ сыновей Л. Н., который слушалъ разсказъ не совсѣмъ спокойно. Его возмутила офицерская среда, описываемая отцомъ, и онъ обратился къ В. Г. Черткову, бывшему гвардейскому офицеру, съ вопросомъ: «Неужели большинство офицеровъ такіе?» Чеховъ слушалъ чтеніе спокойно, внимательно, молча. Читали около двухъ часовъ. По окончаніи чтенія пошли въ кабинетъ Л. Н—ча. Онъ съ любопытствомъ, видимо, ожидалъ, что скажутъ по поводу его новой работы.

Чеховъ тихо и спокойно сталъ говорить, что все очень хорошо. Особенно правдиво схвачена картина

суда. Онъ недавно самъ отбывалъ обязанности присяжнаго засѣдателя и видѣлъ своими глазами отношеніе судей къ дѣлу; всѣ заняты были побочными интересами, а не тѣмъ, что имъ приходилось разрѣшать. Напримѣръ, въ одномъ дѣлѣ, которое шло въ очередную сессію, адвокатъ или прокуроръ, вмѣсто разбирательства дѣла, обратился съ диѳирамбами къ сидѣвшему на скамьѣ присяжныхъ засѣдателей Антону Павловичу. Очень вѣрно и то, что купца отравили, а не иначе покончили съ нимъ. Во время его бытности на Сахалинѣ онъ видѣлъ, что большинство женщинъ каторжанокъ сослано именно за отравленіе. Невѣрнымъ же ему показалось одно, что Маслову приговорили къ 2 годамъ каторги. На такой малый срокъ къ каторгѣ не приговариваютъ. Самый меньшій срокъ 4 года.

Левъ Николаевичъ принялъ это замѣчаніе и впослѣдствіи исправилъ свою ошибку.

* * *

Въ личныхъ своихъ отношеніяхъ къ Чехову Толстой всегда былъ братски простъ и ласково-привѣтливъ. Посѣщалъ его въ Остроумской клиникѣ, заботливо освѣдомлялся о его здоровьѣ, когда Чеховъ былъ боленъ, и всегда радовался свиданію съ нимъ.

Осенью 1901 г. мнѣ пришлось быть въ Крыму у

Толстыхъ, когда тамъ съ нетерпѣніемъ ожидали Чехова. Наконецъ доложили, что онъ пріѣхалъ. Всѣ оживились и обрадовались. И цѣлый день Левъ Николаевичъ любовно провелъ съ Чеховымъ, ѣздилъ съ нимъ въ Алупку, къ морю и съ радушнымъ гостепріимствомъ принималъ у себя.

За цѣлый день пребыванія Чехова у Толстого былъ только одинъ моментъ съ облачкомъ.

Сидѣли на длинной верхней террасѣ гаспринской виллы съ чарующимъ видомъ на море. День былъ тихій и ясный, похожій на наши сѣверные лѣтніе дни. Левъ Николаевичъ съ оживленіемъ говорилъ объ искусствѣ, цитируя, между прочимъ, на память и нѣкоторыя сцены изъ произведеній Чехова. Чеховъ скромно слушалъ, закрываясь рукой отъ солнца и, откашливаясь, бросалъ украдкой взглядъ на платокъ. Наступила пауза. Съ моря подулъ освѣжающій вѣтерокъ. Всѣ и безъ того чувствовали себя прекрасно, а тутъ всѣмъ стало еще лучше. Вдругъ меня дернуло обратиться съ вопросомъ къ Чехову: правда ли, что онъ пишетъ новую пьесу?

Левъ Николаевичъ нахмурился. Очевидно въ немъ возникла борьба двухъ ощущеній — чувства справедливости и чувства радушнаго хозяина, желающаго сдѣлать какъ можно больше пріятнаго для своего милаго гостя. Чеховъ, кажется, замѣтилъ появившуюся тучку и сказалъ что-то неопредѣленное. Чувство справедливости въ концѣ-концовъ взяло, однако, верхъ надъ любезностью хозяина.

— Ну, зачѣмъ же пьесы? — сказалъ Левъ Николае-

вичъ. — Пусть Антонъ Павловичъ пишетъ то, въ чемъ онъ наиболѣе силенъ.

Наступила легкая заминка. Но черезъ минуту облачко совершенно разсѣялось.

Разсказываютъ (и Чеховъ молчаливо поддерживалъ этотъ разсказъ), что онъ однажды пріѣхалъ въ Гаспру, когда Льву Николаевичу было особенно плохо. Чехова, однако, приняли. Левъ Николаевичъ былъ очень слабъ, и ему было запрещено много говорить. А между тѣмъ какъ разъ передъ этимъ Льву Н—чу читали чеховскихъ «Трехъ сестеръ». Пьеса ему не понравилась, и у него многое было сказать Чехову по этому поводу. Однако говорить не пришлось. Но когда Чеховъ сталъ прощаться, Левъ Николаевичъ не выдержалъ и, поцѣловавъ Чехова, съ усиліемъ шепнулъ ему на ухо:

— А пьеса ваша все-таки плохая.

Чеховъ, несмотря на торжественную минуту, разсмѣялся.

Все время, пока Левъ Николаевичъ жилъ въ Крыму, Чеховъ не только заботливо слѣдилъ за малѣйшими измѣненіями въ здоровьѣ великаго писателя, но простиралъ доброту своего сердца до того, что, не взирая на недосугъ и свою собственную болѣзнь, подробно извѣщалъ о состояніи здоровья Льва Николаевича его друзей. Письма Чехова за этотъ періодъ полны заботъ о состояніи здоровья Льва Николаевича.

«Я былъ нездоровъ мѣсяца полтора, — писалъ Чеховъ отъ 29-го декабря 1901 г., — не выходилъ изъ дому, но зналъ очень хорошо, что и какъ съ Толстымъ. Онъ здоровъ, докторъ, который лѣчитъ его,

бываетъ у меня очень часто и разсказываетъ все, что нужно. Т—ой какъ-то захворалъ и серьезно, потомъ поправился и теперь молодцомъ. Но старость замѣтно овладѣваетъ имъ. Это значитъ, что онъ можетъ прожить еще лѣтъ 20 и можетъ умереть отъ малѣйшаго пустяка каждый день. Въ его положеніи теперь каждая болѣзнь страшна, каждый пустякъ опасенъ. Кромѣ старости, у него никакихъ болѣзней нѣтъ и, вѣроятно, не было. Крымъ ему продолжаетъ нравиться; онъ очень доволенъ».

Думалъ ли Чеховъ, что тотъ самый человѣкъ, который «каждый день можетъ умереть отъ малѣйшаго пустяка», перенесетъ грудную жабу, тифъ, воспаленіе легкихъ и переживетъ своего любимаго собрата по оружію?..

Въ другомъ письмѣ отъ 2-го февраля 1902 года Чеховъ писалъ:

«Вотъ подробности насчетъ Л. Н. Онъ заболѣлъ вдругъ вечеромъ. Началась грудная жаба, перебои сердечные, тоска. Въ это время доктора, которые его лѣчатъ, сидѣли у меня. Ихъ вызвали по телефону. Утромъ мнѣ дали знать, что съ Толстымъ плохо, что онъ едва ли выживетъ. Началось воспаленіе легкаго, то самое воспаленіе, которое бываетъ у стариковъ передъ смертью. Мучительное, выжидательное настроеніе продолжалось два дня. Затѣмъ извѣстіе по телефону: «Процессъ въ легкихъ не идетъ дальше. Явилась надежда». Теперь Т—ой лежитъ на спинѣ, чрезвычайно слабый, но пульсъ у него хорошій. Надежда не ослабѣла, лѣчатъ его превосходно, въ томъ числѣ

московскій врачъ Щуровскій и ялтинскій Альтшулеръ. То, что Т—ой остался живъ, что есть надежда, я, хотя бы наполовину, отдаю на долю этихъ двухъ докторовъ.

Въ одномъ изъ писемъ къ М. Меньщикову Чеховъ особенно ярко выразилъ свое отношеніе къ Толстому:

«Болѣзнь его испугала меня и держала въ напряженіи. Я боюсь смерти Толстого. Если бы онъ умеръ, то у меня въ жизни образовалось бы большое пустое мѣсто...»

Толстой и Брайанъ.

Въ декабрѣ 1903 г. посѣтилъ Россію одинъ изъ самыхъ интересныхъ и выдающихся дѣятелей Америки—В. Брайанъ. Выборы президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ (1900 г.) едва не привели В. Брайана на высшую государственную ступень. Но его политическій или скорѣе финансовый противникъ — погибшій Макъ-Кинлей — оказался болѣе счастливымъ. В. Брайанъ отстаивалъ въ своей программѣ серебряную валюту, Макъ-Кинлей— золотую. В. Брайану въ настоящее время 50 лѣтъ. Онъ очень популяренъ на своей родинѣ, полонъ дѣятельной энергіи и несокрушимой вѣры въ свои принципы.

Потомокъ одного изъ ирландскихъ выходцевъ, Вильямъ-Дженкинсъ Брайанъ являетъ собою ярко выраженный типъ народнаго политическаго героя, который могъ откристаллизоваться только въ такой свободной странѣ, какъ Америка. Атлетически сложенный, привѣтливый, энергичный, съ бритымъ открытымъ лицомъ римскаго патриція, В. Брайанъ сразу привлекаетъ къ себѣ. У него звучный голосъ и горячій боевой темпераментъ. Но говоритъ В. Брайанъ всегда спокойно и такъ же непринужденно, какъ птица поетъ

на вѣткѣ. Онъ — настоящій прирожденный ораторъ, очень рано выступившій на общественное поприще и уже въ юности стяжавшій себѣ общеизвѣстную кличку Boy-Orator'a (мальчикъ ораторъ). Отъ его могучей фигуры и ясной спокойной рѣчи всегда вѣетъ свѣжестью, здоровьемъ и искренностью. Онъ очень находчивъ, легко аргументируетъ и охотно прибѣгаетъ для иллюстраціи своихъ идей къ наглядным житейскимъ примѣрамъ. Будучи принципіальнымъ противникомъ высокихъ пошлинъ и желая наглядно доказать на одномъ митингѣ, что тяжесть пошлинъ въ концѣ-концовъ переходитъ на спину народа, В. Брайанъ вдругъ оставилъ выкладки и привелъ такой примѣръ: къ трактирщику приходитъ посѣтитель, требуетъ на 10 центовъ хлѣба, затѣмъ выпиваетъ на 10 центовъ пива и хочетъ уйти. Трактирщикъ говоритъ: «А деньги?»— «Вотъ вамъ хлѣбъ въ 10 цент.». — «А за хлѣбъ деньги?» — «Я возвращаю вашъ хлѣбъ...»

Воспользовавшись въ 1903 году какъ бы каникулами передъ наступающими президентскими выборами, В. Брайанъ рѣшилъ побывать въ Европѣ и посѣтить Л. Н. Толстого, къ которому В. Брайана привлекалъ не только ореолъ имени нашего писателя, но и внутреннее тяготѣніе къ нему, какъ къ близкому по духу человѣку.

Изъ Англіи В. Брайанъ обратился съ запросомъ о свиданіи съ Толстымъ. Льву Николаевичу тогда нездоровилось, но какъ только стало лучше, онъ далъ знать американскому консулу въ Москвѣ, что будетъ радъ пріѣзду В. Брайана въ Ясную Поляну.

В. Брайанъ въ то время находился въ Римѣ для свиданія съ папой. Получивъ телеграмму, онъ тотчасъ же, не заѣзжая никуда по пути, поспѣшилъ въ Москву и, кое-какъ устроивши себя по-зимнему, поѣхалъ въ Ясную Поляну. В. Брайана сопровождали его 14-тилѣтній сынъ Вильямъ, секретарь-стенографъ г. Флинъ и переводчикъ г. Сусловъ. Не разузнавши отъ свѣдущихъ лицъ, какимъ поѣздомъ удобнѣе ѣхать въ Ясную Поляну, В. Брайанъ и его спутники выбрали самый неудачный почтовый поѣздъ и пріѣхали въ Тулу около часу ночи. До Ясной Поляны оставалось еще ѣхать на лошадяхъ почти 15-ть верстъ. Пріѣзжіе рѣшили заѣхать въ гостиницу и пробыть тамъ до утра, а затѣмъ уже ѣхать въ Ясную Поляну.

В. Брайанъ живо интересовался во время пути всѣмъ, относящимся къ Россіи. Но, къ его удивленію, въ Россіи многіе ничего не знали о Россіи, т.-е. не могли ему отвѣтить, что такое земская единица, каково правовое положеніе русскихъ крестьянъ и т. п.

На разсвѣтѣ, когда было еще совсѣмъ темно, пріѣзжіе, заручившись закрытымъ ландо, отправились въ Ясную Поляну.

Стояла свѣжая пронизывающая погода. Дорога была невозможная. Лучше сказать, не было никакой дороги — ни для колесъ, ни для саней. И не обезпечь себя американцы закрытымъ ландо, эта поѣздка не могла бы быть присоединена къ числу пріятнѣйшихъ воспоминаній В. Брайана о Россіи. Въ концѣ-концовъ, однако, доѣхали сравнительно скоро. Окрестности Ясной Поляны были еще окутаны сѣроватой вуалью раз-

свѣта, когда громоздкое ландо съ грохотомъ подъѣхало къ крыльцу яснополянскаго дома. Въ домѣ всѣ еще спали. Съ телеграммой Брайана, какъ это часто бываетъ у насъ, вышла путаница. Гостей ждали съ другимъ поѣздомъ. Черезъ нѣкоторое время однако вышелъ слуга Толстыхъ и учтиво пригласилъ пріѣзжихъ въ приготовленныя для нихъ комнаты.

Наступило утро. Къ пріѣзжимъ вышелъ живущій у Толстыхъ докторъ Г. М. Беркенгеймъ. Узнавши отъ него, что Левъ Николаевичъ выйдетъ не ранѣе, какъ часа черезъ два, Брайанъ попросилъ доктора проводить ихъ въ деревню и познакомить съ условіями крестьянской жизни, а, чтобы сдѣлать знакомство это какъ можно полнѣе и наглядиѣе, показать имъ самую богатую крестьянскую избу, самую бѣдную и среднюю.

Видъ крестьянъ и обстановка ихъ жизни глубоко поразили В. Брайана. Онъ ожидалъ неустройства и некультурности, ожидалъ бѣдности, но все же не думалъ, чтобы это было такъ удручающе бѣдственно и плохо. И, съ грустью озираясь кругомъ, В. Брайанъ сказалъ, что ничего подобнаго не знаетъ Америка. Я твердо увѣренъ, — добавилъ онъ, — что американецъ *не могъ бы* жить такъ, какъ живутъ русскіе крестьяне.

Тѣмъ временемъ проснулся Левъ Николаевичъ и вышелъ на воздухъ. Ежедневныя и продолжительныя прогулки пѣшкомъ или верхомъ составляли необходимѣйшее условіе его жизни.

Осмотрѣвши деревню, В. Брайанъ и его спутники направились къ яснополянской усадьбѣ, при чемъ В. Брайанъ всѣмъ живо интересовался, все стараясь схва-

тить и понять. Узнавъ, что меньшая дочь Льва Николаевича занимается съ крестьянскими дѣтьми и собирается на Рождество сдѣлать для нихъ елку, В. Брайанъ выразилъ желаніе участвовать матеріально въ устройствѣ елки для крестьянскихъ дѣтей.

Когда пріѣзжіе стали подходить къ дому, изъ-за угла показалась фигура Л. Н. Толстого. Онъ былъ въ черномъ полушубкѣ и войлочной шапкѣ, съ засунутой подъ воротникъ бородою.

В. Брайанъ ускоренно пошелъ навстрѣчу, назвалъ себя и представилъ своихъ спутниковъ. Левъ Николаевичъ легко и незамѣтно, какъ это онъ всегда дѣлалъ, установилъ почву для бесѣды, заговоривши о недоразумѣніи съ телеграммой. В. Брайанъ подалъ реплику. И черезъ минуту незамѣтно для всѣхъ завязался непринужденный разговоръ о томъ, какъ ѣхали, какъ провели ночь и т. д. Левъ Николаевичъ попросилъ гостей наверхъ въ большую комнату, игравшую въ Ясной Полянѣ роль пріемно-столово-гостиной, а самъ на время отправился въ свою рабочую комнату.

На длинномъ столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, уже блестѣла весело чайная посуда и привѣтливо шумѣлъ самоваръ, а въ воздухѣ аппетитно пахло свѣжимъ хлѣбомъ и завареннымъ кофе. Графиня Софья Андреевна въ этотъ день отсутствовала, и роль хозяйки исполняли попеременно то меньшая дочь Л. Н. Толстого гр. Александра Львовна, то живущая у Толстыхъ художница Ю. И. Игумнова.

Пріѣзжіе съ любопытствомъ оглядывали большую свѣтлую комнату съ почернѣвшими старинными портре-

тами, бѣлѣвшими въ углахъ бюстами Л. Н. Толстого и множествомъ русскихъ и иностранныхъ книгъ, лежавшихъ вездѣ, гдѣ только было свободное мѣсто.

Черезъ нѣкоторое время къ гостямъ вышелъ Левъ Николаевичъ, выпилъ свой ячменный кофе съ миндальнымъ молокомъ и опять легко и незамѣтно установилъ почву для разговора.

Левъ Николаевичъ былъ въ привѣтливо-свѣтломъ настроеніи, которое почти не покидало его въ послѣдніе годы. Черезъ нѣкоторое время пріѣзжіе уже чувствовали себя въ Ясной Полянѣ, какъ у себя дома, невольно поддаваясь тому духовному оживленію, которое такъ умѣлъ вызывать въ людяхъ Левъ Николаевичъ, когда бывалъ въ духѣ.

В. Брайанъ говоритъ только по-англійски, и бесѣда велась на англійскомъ языкѣ. Но безъ привычки говорить по-англійски Левъ Николаевичъ иногда затруднялся въ выраженіяхъ; тогда, чтобы не терять драгоцѣннаго времени, онъ взглядывалъ на переводчика и употреблялъ русское выраженіе; переводчикъ быстро переводилъ на англійскій языкъ; и Левъ Николаевичъ, кивая головою въ знакъ одобренія, продолжалъ тѣмъ же тономъ дальнѣйшее развитіе мысли.

Послѣ кофе В. Брайанъ съ чисто американской непринужденностью и дѣловитостью предложилъ Льву Николаевичу, перейти къ дѣлу, т.-е. отвѣтить на цѣлый рядъ приготовленныхъ вопросовъ. Г. Флинъ (корреспондентъ отъ американскихъ газетъ въ Англіи) досталъ записную книжку для стенографированія бесѣды какъ бы между Россіей и Америкой.

Во время завязавшагося разговора возникла рѣчь объ отъѣздѣ В. Брайана, т.-е. о томъ, чтобы попасть въ Москву въ извѣстное время. Недоразумѣніе съ поѣздами спутало его программу. Времени у него было немного. Между тѣмъ онъ долженъ былъ еще побывать въ Петербургѣ. В. Брайанъ подумалъ и рѣшилъ остаться до ночного поѣзда.

Послѣ нѣкотораго перерыва бесѣда опять завязалась и сначала носила нѣсколько условный, отрывочный характеръ, но затѣмъ все больше разгоралась и приняла форму оживленнаго діалога. Чувствовалось, что между бесѣдовавшими образовываются все новые мосты и нити, взаимно притягивающіе другъ къ другу. Левъ Николаевичъ, начавшій бесѣду не болѣе какъ учтивый хозяинъ, привыкшій къ подобнаго рода опросамъ, подъ конецъ свиданія замѣтно потянулся душою къ В. Брайану и почувствовалъ потребность высказаться передъ нимъ, какъ передъ близкимъ по духу и уважаемымъ человѣкомъ. Говорили о религіи, о войнѣ, о физическомъ трудѣ, объ экономическихъ и другихъ вопросахъ, сплетшихся съ жизнью современнаго человѣчества. И чѣмъ больше они говорили, тѣмъ замѣтнѣе нарастали между ними взаимное пониманіе и уваженіе другъ къ другу.

Послѣ завтрака Льва Николаевича по обыкновенію потянуло на воздухъ. Онъ спросилъ, не ѣздитъ ли В. Брайанъ верхомъ. В. Брайанъ изъявилъ живѣйшую готовность проѣхаться верхомъ, но сослался на свой неподходящій для этого костюмъ, т.-е. русскую распашную шубу и калоши. Левъ Николаевичъ рас-

порядился, чтобы поскорѣе подавали лошадей, и съ оживленіемъ началъ приспособлять В. Брайана къ верховой ѣздѣ, т.-е. далъ ему валенки и показалъ, какъ именно надо завернуть и приладить полы шубы къ поясу. Черезъ нѣкоторое время В. Брайанъ и Левъ Николаевичъ уже молодцовато сидѣли верхами на лошадяхъ. Гр. А. Л. Толстая сдѣлала въ это время нѣсколько фотографическихъ снимковъ. Гость и хозяинъ направились къ Тульскому шоссе, которое Левъ Николаевичъ въ шутку называетъ Тверскимъ бульваромъ. Вдругъ одна изъ лошадей поскользнулась на гололедицѣ. Въ виду плохой дороги всадники слѣзли съ лошадей и, держа ихъ за поводья, долго гуляли по лѣснымъ просѣкамъ, дружески бесѣдуя о будущихъ судьбахъ человѣчества.

По пріѣздѣ домой, видимо, очень довольные другъ другомъ, они разошлись по своимъ комнатамъ, чтобы отдохнуть. Но В. Брайанъ скоро опять появился въ гостино-столово-пріемной, чтобы воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Ясной Полянѣ и какъ можно больше узнать о Россіи и ея великомъ мыслителѣ. Многое, обычное для насъ дивило В. Брайана такъ, какъ если бы онъ очутился на Марсѣ. Такъ, напримѣръ, онъ несказанно изумился, когда узналъ, что нѣкоторыя заграничныя изданія печати получались Л. Н. Толстымъ не иначе, какъ съ такъ называемой «икрой», т.-е. съ черными штемпелями. Это настолько поразило В. Брайана, какъ американца, что онъ даже выпросилъ одинъ подобный экземпляръ, какъ нѣкотораго рода рѣдкость, для своей коллекціи. Вечеромъ

опять возникла между Львомъ Николаевичемъ и В. Брайаномъ оживленная бесѣда, которая часто прерывалась общимъ дружнымъ смѣхомъ. В. Брайанъ и Л. Н. Толстой, одаренные живымъ юморомъ, вносили въ свою бесѣду много комичныхъ эпизодовъ.

Вечеръ прошелъ незамѣтно. Наступилъ двѣнадцатый часъ. Надо было ѣхать на станцію Козловку-Засѣку. Къ крыльцу подали двое саней. Пріѣзжіе, очарованные радушіемъ и личностью великаго писателя, неохотно покинули Ясную Поляну.

Левъ Николаевичъ въ свою очередь неохотно разставался съ В. Брайаномъ, который произвелъ на него самое прекрасное впечатлѣніе. До пріѣзда В. Брайана Левъ Николаевичъ разсчитывалъ встрѣтить въ американскомъ гражданинѣ обычный типъ политическаго дѣятеля съ замкнутымъ и неподвижнымъ кругозоромъ. Но встрѣтилъ вдумчиваго, серьезнаго религіознаго человѣка, одушевленнаго самыми возвышенными стремленіями.

А В. Брайанъ, оставшись со своими спутниками, заявилъ имъ, что считаетъ день своего пребыванія въ Ясной Полянѣ прекраснѣйшимъ днемъ въ своей жизни и если бы для второго посѣщенія Л. Н. Толстого надо было сдѣлать вдвое большій путь, то онъ охотно сдѣлаетъ его.

— И я еще разъ пріѣду къ Толстому, — добавилъ съ оживленіемъ В. Брайанъ. — Съ женой моей пріѣду, которая жаждетъ увидѣть великаго русскаго писателя. Непремѣнно пріѣду...

Толстой и Іоаннъ Кронштадтскій.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о фрейлинѣ двора, графинѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой, г. Захарьинъ-Якунинъ сообщаетъ интересный эпизодъ *).

Когда въ 80-хъ годахъ минувшаго вѣка поднялась буря въ стаканѣ воды по поводу «непатріотическихъ» статей Л. Н. Толстого о свирѣпствовавшемъ у насъ голодѣ и тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Д. А. Толстой всячески старался «обуздать вреднаго писателя», — у родственницы Л. Н—ча, графини А. А. Толстой, произошелъ интересный разговоръ съ покойнымъ Государемъ Александромъ III о популярныхъ людяхъ въ Россіи *).

— Скажите, — спросилъ Государь, — кого вы находите самыми замѣчательными и популярными людьми въ Россіи? Зная вашу искренность, — добавилъ онъ, — я увѣренъ, что вы скажете мнѣ правду. Меня, конечно, и не думайте называть.

— Во-первыхъ, Льва Толстого, — сказала графиня.

— Этого я ожидалъ. А далѣе?

— Я назову вамъ еще одного человѣка.

— Отца Іоанна Кронштадтскаго.

Государь сказалъ:

*) См. „Вѣтн. Евр.“ 1905 г. Апрѣль—Іюнь.

— Мнѣ это не вспомнилось. Но я съ вами согласенъ.

И графиня А. А. Толстая была права.

Дѣйствительно; кого изъ современныхъ дѣятелей можно было бы поставить въ восьмидесятые годы рядомъ съ Толстымъ и съ о. І. Кронштадтскимъ по популярности въ Россіи?

Это были два полюса, два антипода. Но все же никто такъ долго и такъ властно не владѣлъ въ Россіи сердцами человѣческими, — какъ Левъ Толстой и Іоаннъ Кронштадтскій.

И чья власть, чье вліяніе были сильнѣе въ Россіи, — едва ли можно въ настоящее время опредѣлить это съ точностью.

Эта экспертиза принадлежитъ будущему.

Одно несомнѣнно: чудесный «талисманъ», который давалъ возможность І. Кронштадтскому подчинить своему вліянію милліоны людей, едва ли не чудеснѣе, чѣмъ толстовскій талисманъ. У послѣдняго изумительный художественный даръ, пытливый острый умъ и громкое имя. У Іоанна Кронштадтскаго только вѣра и ничего, кромѣ вѣры.

І. Кронштадтскій былъ лишенъ даже самаго посредственнаго проповѣдническаго дара, которымъ отличаются многіе изъ русскихъ миссіонеровъ средняго калибра. И всѣ писанія, и всѣ рѣчи о. Іоанна и съ технической и логической стороны всегда оставляли желать очень многаго.

И въ то же время, когда онъ говорилъ, то по выраженію одного слушателя, «будто небеса отверзались и слышался шелестъ ангельскихъ крыльевъ».

Чеховъ разсказывалъ объ одномъ священнослужителѣ, который такъ вѣрилъ въ силу своей молитвы, что, когда шелъ въ поле на молебствіе о ниспосланіи дождя, то бралъ съ собою зонтикъ.

Нѣчто подобное являлъ собою и І. Кронштадтскій.

И когда, окруженный немощными, обездоленными и обремененными, онъ горячо призывалъ милость Божію, то многимъ чудилось, что Раздаватель милостей стоитъ тутъ гдѣ-то за дверями притвора и только ждетъ, пока окончитъ І. Кронштадтксій свой пламенный призывъ, чтобы излить просимыя милости.

Таковъ былъ въ силуэтѣ Іоаннъ Кронштадтскій. Но истинный портретъ его, какъ и всякаго человѣка, былъ гораздо пестрѣе. Къ числу яркихъ бликовъ принадлежитъ, между прочимъ, и отношеніе І. Кронштадтскаго къ Л. Н. Толстому.

Было время, когда Л. Н. Толстой, уже выступившій со своими религіозными статьями, какъ бы исключилъ себя изъ списка «почитателей» І. Кронштадтскаго, но послѣдній все-таки относился къ великому писателю довольно терпимо и не выступалъ противъ него съ гнѣвными обличеніями — напротивъ, отъ времени до времени присылалъ иногда Льву Николаевичу черезъ общихъ друзей просфору, какъ знакъ своего благоволенія.

Со стороны Л. Н. Толстого, насколько я помню, въ теченіе многихъ лѣтъ было всегда одно и то же къ І. Кронштадтскому отношеніе: не дружеское, но и не враждебное и меньше всего озлобленное.

И мнѣ вспоминается такой случай:

Однажды извѣстный художественный критикъ В. В. Стасовъ заговорилъ въ присутствіи Льва Николаевича объ Іоаннѣ Кронштадтскомъ и о томъ, будто Л. Н. въ какой-то статьѣ высказался о немъ: «Этотъ попъ, который» и т. д., — Л. Н. прервалъ Стасова:

— Я никогда ничего подобнаго не говорилъ объ Іоаннѣ Кронштадтскомъ. И это совсѣмъ не мое слово: «попъ». Я терпѣть не могу этого слова въ примѣненіи къ извѣстному лицу.

Помню еще одинъ случай:

Какъ бы прислушиваясь къ враждебному гулу, доносившемуся въ Ясную Поляну изъ Кронштадта, Левъ Николаевичъ сказалъ однажды со вздохомъ:

— А мнѣ грустно: почему онъ такъ враждебно ко мнѣ относится. Я не питаю къ нему никакой непріязни.

Трудно допустить, чтобы въ выступленіяхъ о. Іоанна Кронштадтскаго противъ Л. Н. Толстого были отзвуки какихъ-нибудь личныхъ струнъ, хотя «толстовскія» уязвленія навѣрно испытывалъ І. Кронштадтскій, если не прямо со стороны Л. Н-ча, то черезъ другія руки.

Такъ, однажды у о. Іоанна была довольно непріятная встрѣча съ бывшимъ офицеромъ казачьяго полка, извѣстнымъ богачомъ и красавцемъ, княземъ Д. А. Хилковымъ, находившимся тогда въ періодѣ религіозныхъ исканій.

Въ домѣ княгини Хилковой, матери молодого князя, ждали пріѣзда знаменитаго кронштадтскаго пастыря. Были сдѣланы различныя приготовленія. Собралось много народу. Князь Д. А. Хилковъ тоже съ нетер-

пѣніемъ поджидалъ гостя, имя котораго гремѣло на всю Россію.

Наконецъ послышались голоса:

— Батюшка пріѣхалъ!..

Всѣ засуетились, затѣмъ всѣ замерли. Вошелъ худой, съ длиннымъ лицомъ и сжатымъ у висковъ черепомъ священникъ. Увидавъ молодого князя, онъ быстро и рѣшительно направился къ нему. Впослѣдствіи оказалось, что именно молодой князь и имѣлся главнымъ образомъ въ виду, какъ «попавшій въ трясину».

— Благословеніе Божіе! — произнесъ священникъ, благословляя молодого князя и протягивая ему руку для поцѣлуя.

Князь, не ожидавшій этого пріема, смутился. Онъ готовился къ диспуту, къ горячей религіозной бесѣдѣ, но меньше всего къ цѣлованію руки. И, взявъ руку Іоанна Кронштадтскаго, князь сказалъ:

— Здравствуйте!

Всѣ были смущены. Смутился на мгновеніе и І. Кронштадтскій. Но затѣмъ быстро овладѣлъ собою и, не выпуская руки князя изъ своей руки и сдвинувъ брови, сказалъ:

— Нехорошо, молодой человѣкъ! Вы законъ вѣры преступаете. Нехорошо это. Знаете, какія наказанія васъ ждутъ на томъ свѣтѣ, когда вы предстанете передъ Вѣчнымъ Судьей? И вы, и лжеучитель вашъ, Толстой, понесете такую кару, какая еще никогда не была уготовлена грѣшникамъ... Вы — грѣшники, вы оба великіе грѣшники... И силу ада я вижу уже на васъ

Она окружила васъ... Она властвуетъ надъ вами... Отвернитесь отъ пагубы и слѣдуйте за мной...

И о. Іоаннъ слегка потянулъ князя къ себѣ.

Но князь Дмитрій выдернулъ руку и сказалъ съ оттѣнкомъ укора:

— Простите! Но такъ могъ говорить только Тотъ, чей голосъ слышали Петръ и Матѳей... Но не вы. Простите меня: вы еще не Христосъ...

— Дима, Дима! Что ты говоришь? — вскрикнула старая княгиня, бросаясь къ сыну.

Но молодой князь уже не владѣлъ собою и въ волненіи выбѣжалъ изъ комнаты.

* *
*

Произошелъ однажды у І. Кронштадтскаго еще одинъ шероховатый эпизодъ, хотя и не съ толстовцемъ, но съ горячимъ почитателемъ Льва Николаевича. Это былъ писатель, безвременно сошедшій въ могилу, В. М. Михеевъ.

Дѣло было въ Ярославской губерніи. Освящалась деревенская церковь. На богослуженіи присутствовалъ и І. Кронштадтскій, который послѣ обѣдни, неизвѣстно почему, вдругъ обратился къ народу съ вопросомъ, знаютъ ли они, кто такой Левъ Толстой. И когда послышались отвѣты, что не знаютъ, І. Кронштадтскій

привелъ почти дословно рядъ толстовскихъ положеній. Деревенскіе слушатели были поражены новизной и смѣлостью положеній, которыя никогда имъ въ голову не приходили. И всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ одушевленнаго пастыря. Но когда о. Іоаннъ, изложивъ толстовскіе тезисы, приступилъ къ ихъ опроверженію, температура аудиторіи замѣтно начала понижаться. Тутъ, вѣроятно, сыграли значительную роль и утомленіе, и болѣе вялый, чѣмъ у Толстого, языкъ проповѣдника. Видимо, это почувствовалъ въ концѣ и самъ проповѣдникъ, отличавшійся необыкновенной чуткостью къ настроенію слушателей.

По дорогѣ отъ церкви къ усадьбѣ между І. Кронштадтскимъ и В. В. Михеевымъ зашла бесѣда.

— Какъ вы думаете? — спросилъ озабоченно, но съ ласковостью въ голосѣ І. Кронштадтскій, — не промахнулся я, что говорилъ имъ о Толстомъ?

Грузный Михеевъ пожалъ плечами:

— Какъ кто понимаетъ вещи? По-моему, вы не промахнулись.

— Я вѣдь вѣрно привелъ толстовскіе тезисы?

— По-моему — вѣрно.

— И вы думаете, что простой людъ все понялъ?

— По лицамъ видно было, что понялъ.

— А вы не замѣтили, что мое опроверженіе взглядовъ Толстого многіе слушали уже не такъ внимательно, какъ слова Толстого? Будто даже не интересовались моими словами?

— Я замѣтилъ это...

І. Кронштадтскій остановился:

— Какъ же вы говорите, что я «не промахнулся»?

— А вѣдь я сдѣлалъ оговорку: «какъ кто понимаетъ вещи». И, по-моему, вы не промахнулись.

І. Кронштадтскій досадливо махнулъ рукою и оставилъ Михеева.

Это было въ 90-хъ годахъ. И съ этого времени отношенія І. Кронштадтскаго къ Л. Толстому все болѣе обострялись, принимая подчасъ необычайно враждебный характеръ. Такъ, въ одной изъ своихъ проповѣдей о. Іоаннъ возгласилъ однажды:

«Вы знаете, что такое Левъ Толстой! Это левъ рыкающій, ищущій, кого поглотить. И сколькихъ онъ поглотилъ черезъ свои льстивые листки! Берегитесь его!» и т. д.

Особенно поразило всѣхъ выступленіе І. Кронштадтскаго по поводу «дерптской исторіи».

Юрьевскій университетъ избралъ своими почетными членами Л. Н. Толстого и Іоанна Кронштадтскаго. При обсужденіи предложенія профессора Шмурло объ избраніи Толстого въ почетные члены университета, профессоръ богословія Царевскій прочиталъ совѣту опредѣленіе Св. Синода объ «ересяхъ» графа и пытался доказать, что Левъ Николаевичъ, какъ отпавшій отъ церкви, тѣмъ самымъ лишенъ общенія съ православными гражданами, слѣдовательно недостоинъ быть и почетнымъ членомъ университета. Протестъ почтеннаго профессора не былъ, однако, признанъ уважительнымъ. Льва Николаевича избрали въ почетные члены Юрьевскаго университета, но вмѣстѣ съ

тѣмъ то же званіе было поднесено и кронштадтскому протоіерею о. Іоанну Сергіеву.

О. Іоаннъ, однако, не нашелъ для себя возможнымъ быть на одной доскѣ съ Л. Толстымъ и вернулъ обратно дипломъ на званіе почетнаго члена Юрьевскаго университета, приложивъ слѣдующее посланіе:

«Удивляюсь малодушію и рабскому поклоненію господъ профессоровъ передъ лицомъ графа Толстого и Іудину предательству Христа, такъ какъ имѣющіе общеніе съ нимъ и даже привѣтствующіе ею сообщаются, по апостолу, дѣломъ злымъ. Благодарю Юрьевскій университетъ за честь званія почетнаго члена, но подъ одной категоріей съ безбожникомъ быть не желаю».

Когда же ректоръ Юрьевскаго университета, чтобы какъ-нибудь смягчить эту непріятную исторію, обратился съ дипломатическимъ письмомъ къ отцу Іоанну Сергѣеву, послѣдній отвѣтилъ:

«Ваше превосходительство, высокочтимый ректоръ Юрьевскаго университета!

«Прочитавъ ваше почтенное и почтительное, исполненное тонкой деликатности письмо ко мнѣ и взвѣсивъ смыслъ его, я отвѣчаю вамъ и Юрьевскому университетскому совѣту, выбравшему меня большинствомъ голосовъ своимъ почетнымъ членомъ, — отвѣчаю рѣшительнымъ отказомъ отъ этой чести. Я не желаю ни подъ какимъ видомъ быть членомъ той корпораціи, хотя и почтенной и высоко ученой, которая поставила меня, по прискорбному недоразумѣнію, на ряду съ безбожникомъ графомъ Львомъ Толстымъ, злѣйшимъ еретикомъ нашего злополучнаго времени, превзо-

шедшаго въ своемъ высокоуміи и гордынѣ всѣхъ бывшихъ когда-либо еретиковъ. Не хочу быть рядомъ съ антихристомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я удивляюсь, какъ индиферентно совѣтъ университета отнесся къ осатанѣлому писателю и куритъ ему раболѣпно фиміамъ.

«Вотъ мой отвѣтъ на ваше письмо».

Такова была пропасть, лежавшая между двумя властителями русскихъ сердецъ.

Толстой и дѣти.

26-го іюня 1907-го года гости и обитатели Ясной Поляны не находили себѣ мѣста отъ жары. Особенно жарко было около дома. Ослѣпительно бѣлыя стѣны, отражая солнечные лучи, казалось, вѣяли зноемъ. У такъ называемаго «дерева бѣдныхъ» уже съ утра томились просители въ ожиданіи Льва Николаевича. Онъ совершалъ въ паркѣ свою обычную утреннюю прогулку, подготовляя себя къ текущей работѣ, а, можетъ быть, и къ предстоящему необычайному свиданію. Его должны были посѣтить дѣти изъ тульскихъ училищъ.

Между деревьями мелькнула, наконецъ, голубоватая блуза писателя. Онъ шелъ тихо, по-стариковски согнувшись. Невдалекѣ отъ дома Левъ Николаевичъ снялъ шляпу, и, медленно дыша, остановился. Видимо, онъ тоже изнемогалъ отъ жары. Воротъ блузы у него былъ разстегнутъ, виски облѣплены влажными волосками. Онъ казался ослабѣвшимъ и совсѣмъ-совсѣмъ старенькимъ.

Но это еще сильнѣе влекло къ нему...

Увидавъ томившихся просителей, Л. Н., быть-можетъ, вспомнилъ о своемъ правилѣ — «итти навстрѣчу всякому доброму дѣлу, какъ охотникъ ищетъ встрѣ-

ми съ дичью», и направился къ старому вязу; здѣсь онъ, прикрывъ голову отъ солнца, выслушалъ серьезно и внимательно каждаго изъ просителей и каждому оказалъ посильную поддержку. Но бесѣда съ просителями, невыносимая жара и продолжительная прогулка, видимо, утомили писателя. И, экономируя движенія, онъ направился къ себѣ наверхъ.

На длинной террасѣ, увитой зеленью, меланхолическій слуга началъ безшумно накрывать столъ для завтрака.

Съ разныхъ сторонъ стали появляться на террасу гости и обитатели Ясной Поляны.

Внезапно изъ главной аллеи выбѣжала запыхавшаяся дѣвочка и пронзительно закричала:

— Показались! Идутъ!

На террасѣ произошло движеніе. Заявленіе дѣвочки означало, что съ горы показалось дѣтское шествіе, направляющееся въ Ясную Поляну.

Гостившіе у Толстыхъ художникъ, писатель и другіе устремились съ альбомами и фотографическими аппаратами къ главной аллеѣ.

Уже издали слышалось нѣчто необыкновенное. Группы дѣтей наполнили всю окрестность своими голосами. Набралось около 1000 дѣтей, дѣвочекъ и мальчиковъ. Подвинчивая себя дружными криками, они оживленно двигались къ Ясной Полянѣ.

Шествіе растянулось почти на версту и издали казалось извивающейся пестрой лентой.

Особенно эффектно было зрѣлище, когда живая

цвѣтная рѣка, пересѣкши шоссе, потекла извилистымъ потокомъ къ Ясной Полянѣ.

Распорядители отбѣгали въ сторону и дѣлали различныя замѣчанія.

Чтобы установить нѣкоторый порядокъ среди кишащаго муравейника дѣтей, распорядителямъ пришла счастливая мысль раздѣлить дѣтей на группы и каждой группѣ присвоить извѣстный флагъ. Это устраняло сумятицу и придавало шествію эффектную красивость.

— Красный флагъ, впередъ!

Дѣти съ красными ленточками на рукавахъ выдѣлились изъ муравейника и, сгруппировавшись около краснаго флага, быстро дѣлали провѣрку, всѣ ли въ наличности и все ли обстоитъ благополучно.

Дѣти, подбадриваемые процессомъ шествія и предстоящимъ свиданіемъ съ Л. Н. Толстымъ, были радостно оживлены и стройно подвигались къ круглымъ каменнымъ башнямъ, бѣлѣвшимъ у входа въ Ясную Поляну.

И чѣмъ-то особеннымъ вѣяло отъ этого необыкновеннаго шествія русскихъ дѣтей къ писателю русской земли.

У башенъ шествіе на минуту застопорилось и вдругъ съ подмывающими криками «ура» потекло по главной аллеѣ, дробясь разноцвѣтными отраженіями въ ослѣпительномъ зеркалѣ яснополянскаго пруда. Завѣтная мечта писателя о Царствѣ Божьемъ приняла видъ дѣйствительности. Ясная Поляна была заполнена представителями Царства Божьяго на землѣ — дѣтьми.

Сквозь чащу деревьевъ мелькнули бѣлыя стѣны яснополянскаго дома. Распорядителями замѣтно начало овладѣвать нервное возбужденіе, которое быстро сообщилось и дѣтямъ. И, чувствуя приближеніе чего-то особеннаго, они начали обгонять другъ друга, суетиться и нервничать. Наконецъ, тѣснимые задними рядами, дѣти хлынули неудержимымъ потокомъ на площадку передъ домомъ и залили ее.

Разноцвѣтные флаги, цвѣты, темные шатры пышной зелени, яркія краски дѣтскихъ нарядовъ, напряженный гулъ дѣтскихъ голосовъ, — все это, залитое ослѣпительнымъ солнечнымъ свѣтомъ, слилось въ одну непередаваемую картину.

Площадка передъ домомъ съ разбросанными цвѣтными клумбами превратилась въ сплошной цвѣтникъ божьихъ цвѣтовъ.

Дѣтскій потокъ все прибывалъ. И всѣ жадно устремляли взоры на террасу. Но тамъ еще не было знакомаго милаго лица съ бѣлой бородою... Напряженіе все росло и взвинчивало всѣхъ.

Какъ онъ выйдетъ? Что скажетъ? Въ какую форму выльется столь необыкновенное свиданіе?

Распорядители отдаютъ послѣдніе приказы. Фотографы дѣлаютъ стойку. Общее напряженіе достигаетъ крайней степени. Наступаетъ критическій моментъ. Въ темномъ четырехъугольникѣ дверей показывается знакомая бѣлая голова. На мгновеніе все замираетъ...

Левъ Николаевичъ, заложивъ руку за поясъ блузы, тихо подвигается къ пестрому морю затихшихъ дѣтей

и попадаетъ подъ потокъ солнечнаго свѣта. Вся его бѣлая голова, какъ въ ореолѣ. Онъ блѣденъ и, видимо, взволнованъ. Но твердо взялъ себя въ руки и, сойдя по ступенькамъ, сразу перебрасываетъ мостъ между собою и учителями-распорядителями. Они, видимо, готовились къ чему-то иному, лихорадочно ихъ волновавшему. А вышло совсѣмъ другое, исключающее всякое волненіе. Надо было поскорѣе отвѣтить, въ которомъ часу они вышли, какой шли дорогой, и на рядъ другихъ, самыхъ обыденныхъ житейскихъ вопросовъ, заданныхъ такимъ простымъ, домашнимъ тономъ, что, отвѣчая на нихъ, нельзя было и въ свою очередь не войти въ такой же обиходно-житейскій тонъ. И незамѣтно простой и непринужденный тонъ сдѣлался доминирующимъ, а возбужденное состояніе исчезло само собою.

Дѣти, чутче взрослыхъ воспринимающіе психическіе эффекты, увидѣли, что передъ ними нѣтъ ничего подавляющаго и волнующаго, а, напротивъ, есть нѣчто умиротворяющее, особенно этотъ сутулящійся бѣлый старичокъ, котораго они какъ-будто уже много разъ видѣли и, несомнѣнно, хорошо знаютъ. Все это мгновенно передалось по безпроволочному телеграфу въ задніе ряды, и распорядителямъ не было уже никакой надобности прибѣгать къ мѣрамъ воздѣйствія. Дѣти сами себя дисциплинировали и держались съ удивительнымъ тактомъ. Ни одной шокирующей выходки, ни одного диссонанса.

Иностранецъ не повѣрилъ бы, что большинство этихъ маленькихъ джентльмэновъ, ведущихъ себя съ

такой корректностью, принадлежитъ къ крестьянскому сословію.

Невольно вспоминались вырвавшіяся однажды у Льва Николаевича слова:

— Какіе орлы — русскія дѣти!

И, слегка наклонясь, чтобы удобнѣе бесѣдовать, Л. Н. переходилъ отъ группы къ группѣ, завязывая съ дѣтьми непринужденныя бесѣды. Но въ тонѣ Льва Николаевича иногда проскальзывалъ какъ бы новый оттѣнокъ. Казалось, что именно дѣтей-то онъ и считаетъ за старшихъ и обращается съ ними наиболѣе серьезно, избѣгая всякаго заигрыванія и фамильярности. Первое время даже казалось, что Л. Н. нѣсколько суховатъ съ дѣтьми и не сдабриваетъ своей рѣчи общепринятыми шутливыми нотами.

Но дѣти, какъ тонкіе психологи, — чутко все схватили и, съ удивительной быстротою усвоивъ яснополянскій тонъ, въ теченіе цѣлаго дня ни разу не сбивались съ него. Они не шумѣли, не озорничали, но и не стѣснялись, не дичились, а вели себя все время, какъ нельзя проще, какъ-будто они были не случайными посѣтителями Льва Николаевича, а его любящими дѣтьми. И это производило обаятельное, непередаваемое впечатлѣніе. Совершилось какъ бы сліяніе двухъ міровъ — новаго и стараго...

Пройдя по жарѣ около 3-хъ верстъ и обливаясь потомъ, дѣти наслаждались тѣнистой прохладой яснополянскаго парка и быстро начали организовывать различныя игры. Между дѣтскими группами то-и-дѣло появлялся небольшого роста мальчикъ съ сосредоточен-

нымъ лицомъ и просительно повторялъ озабоченнымъ тономъ:

Господа! Пожалуйста, будьте поаккуратнѣе и не топчите цвѣтовъ!.. Господа! Пожалуйста...

И мальчикъ переходилъ къ другой группѣ.

Дѣвочки въ своихъ пестрыхъ нарядахъ, разбившись на группы, казались издали живыми букетами цвѣтовъ. Онѣ относились нѣсколько иначе ко Льву Николаевичу, нежели мальчики; какъ только онъ появлялся среди нихъ, онѣ съ волненіемъ окружали его тѣснымъ вѣнкомъ и не спускали съ него блестѣвшихъ умиленіемъ глазъ.

Небольшая, лѣтъ 9-ти, дѣвочка съ миловиднымъ личикомъ и прелестными широко раскрытыми свѣтло синими глазами долго ходила за Львомъ Николаевичемъ, видимо, томясь какимъ-то непреодолимымъ желаніемъ. Наконецъ она не выдержала и, поднявъ на Льва Николаевича свои немигающіе глаза, спросила, растягивая слова:

— Левъ Ни-ко-ла-е-вичъ, ска-жите, пожалуйста, который вамъ годъ?

Л. Н. наклонился и вздохнулъ:

— Ужасно много: 79!

Дѣвочка, какъ бы соображая что-то и шевеля губами, опять сказала нараспѣвъ:

— А я думала, Левъ Николаевичъ, что вамъ 97 лѣтъ.

— Это ты перепутала цифры: «9» поставила вмѣсто «7», а «7» вмѣсто «9».

Но ее, видимо, не удовлетворило это объясненіе. Она опять какъ бы запѣла:

— Я васъ видѣла, Левъ Николаевичъ, на картинкѣ — тамъ вы моложе и лучше...

Окружающія дѣвочки укоризненно покосились на собесѣдницу Льва Николаевича. Но онъ такъ весело разсмѣялся, какъ-будто услышалъ самый лестный комплиментъ.

Жара все усиливалась. Мальчики начали импровизировать фонтаны и обрызгивать себя водой изъ дождевыхъ кадокъ. Л. Н. съ улыбкой любовался ихъ выдумкой и вдругъ сказалъ призывно:

— Дѣти, хотите купаться?

Мальчики пришли въ восторгъ.

— Хотимъ, Левъ Николаевичъ! Хотимъ!

И около Л. Н. мигомъ образовался дѣтскій муравейникъ.

— Тогда идемте! Кто хочетъ купаться? Идемте къ рѣкѣ.

И Л. Н., сразу помолодѣвшій, направился юношески живой походкой съ дѣтьми къ рѣкѣ Воронкѣ.

И что за интересная была эта прогулка дѣтей въ сопровожденіи автора «Дѣтства»! По дорогѣ ему удалось завязать рядъ летучихъ бесѣдъ съ мальчиками. Они совсѣмъ освоились съ нимъ и относились къ нему, какъ къ милому дѣдушкѣ. И то обгоняли его, то шли рядомъ, то устремлялись по его сигналу въ перебѣжку, то вступали съ нимъ въ интимную бесѣду, наводя его на новыя мысли, относившіяся къ его тогдашней работѣ, — «Книгѣ для дѣтей». Шагая съ такой быстротой, что любители-фотографы никакъ не успѣвали забѣгать впередъ, Л. Н. весело велъ веселую ком-

пашію извилистыми тропинками черезъ кусты и полянки. Когда дѣти стягивались вокругъ него, онъ разсказывалъ имъ разныя исторіи и, очевидно, чувствовалъ себя среди этой компаніи, какъ равный между равными.

Дѣти заинтересовались бѣлой полотняной шляпой Льва Николаевича, напоминающей глубокую опрокинутую тарелку. И онъ демонстрировалъ имъ на припекѣ свою шляпу: снималъ ее, складывалъ въ комочекъ, пряталъ въ карманъ и опять надѣвалъ. Бесѣда не умолкала. Дѣти тянулись ко Л. Н—чу.

Вошли въ залитую солнцемъ березовую рощу.

Художникъ Нестеровъ, участвовавшій въ этомъ шествіи, былъ пораженъ красотою зрѣлища и говорилъ о немъ, какъ о чемъ-то сказочномъ. Быть можетъ, когда-нибудь онъ и передастъ на полотнѣ эту картину.

— Кто скорѣе добѣжитъ до тѣхъ двухъ березъ? — вызываетъ Л. Н. любителей и хлопаетъ въ ладони. — Ну, разъ, два, три!

Дѣти, наполняя рощу звонкими голосами, стремительно несутся къ указаннымъ березамъ.

А вотъ, наконецъ, и желанная Воронка, сверкавшая ослѣпительными зигзагами среди зеленыхъ береговъ. Дѣти устремляются къ купальнѣ и берутъ ее приступомъ. Распорядители сначала пытались было все устроить по порядку, по группамъ. Но скоро всѣмъ стало ясно, что это невозможно. Дѣти обливались потомъ, а Воронка такъ соблазнительно тянула къ себѣ зеркальною влагой. И черезъ минуту купалыня

превратилась какъ бы въ бочку съ живыми сельдями. Невозможно вообразить, что происходило въ ней. Казалось, что тамъ визжало, смѣялось и барахталось какое-то многоголовое сказочное существо.

Л. Н., какъ юноша, бѣгалъ то въ купальню, то изъ купальни, заразившись оживленіемъ своихъ юныхъ посѣтителей.

— Нѣтъ, вы пойдите туда, въ купальню, посмотрите, что тамъ дѣлается, — интригующе говорилъ онъ, понукая насъ заглянуть въ купальню.

Но въ купальнѣ была только часть дѣтей. Остальные мальчики, не надѣясь на скорую очередь, раздѣвались на лужайкѣ и бросались въ воду прямо съ берега. Ихъ примѣру послѣдовали и нѣкоторые изъ учителей. Л. Н. переходилъ отъ одной группы къ другой, восхищаясь дѣтскими движеніями и переговариваясь съ купальщиками о глубинѣ рѣки, о характерѣ дна, о температурѣ воды и т. п.

— Какъ красивы крестьянскія дѣти, — говорилъ Л. Н. нѣсколько разъ, поглядывая на бросающихся въ воду мальчиковъ.

Но интереснѣе всего было привѣтствіе Л. Н—чу, произнесенное однимъ изъ купающихся учителей. Онъ много лѣтъ мечталъ увидѣть когда-нибудь автора «Войны и мира». И вотъ ему выпало это счастье. Л. Н. стоялъ на берегу, точно на пьедесталѣ, а учитель, держась колебательными движеніями тѣла на глубинѣ, говорилъ взволнованнымъ голосомъ о своей осуществившейся мечтѣ...

Вылѣзая изъ воды, дѣти обсушивались на солнцѣ и

опять бросались въ воду, опять плавали, брызгались и, дрожа отъ охватившаго въ водѣ озноба, опять выбѣгали на лужайку. И тутъ-то происходили удивительныя жанровыя сцены! Левъ Николаевичъ стоялъ среди обнаженныхъ дѣтей, а тѣ, ежась послѣ купанія, стуча зубами и сверкая на солнцѣ мокрыми тѣлами, наполняли знойный воздухъ взрывами дружнаго смѣха. Л. Н. устраивалъ съ ними разныя гимнастическія штуки: заставлялъ бороться въ лежачемъ положеніи только при помощи ногъ, перепрыгивать другъ черезъ друга и, къ довершенію общаго удовольствія, собственноручно переворачивалъ дѣтей въ воздухѣ. Отъ времени до времени Л. Н. все-таки заглядывалъ въ купальню, безпокоясь, какъ бы въ такой кашѣ не произошло чего-нибудь.

Послѣ купанія произошли нѣкоторыя осложненія: спѣша раздѣться, мальчики растеряли свои цвѣтныя ленточки, которыми были перевязаны рукава. И Л. Н. съ такимъ напряженнымъ усердіемъ разыскивалъ на берегу утерянныя ленточки, а, находя ихъ, перевязывалъ рукава дѣтямъ съ такимъ радостнымъ оживленіемъ, точно вмѣстѣ съ ленточками завязывалъ навсегда съ дѣтьми узы дружбы.

Всѣ, наконецъ, выкупались, освѣжились, построились въ группы и, затянувъ подъ руководствомъ главнаго распорядителя хоровую пѣсню, стройными рядами направились къ дому.

Левъ Николаевичъ и нѣсколько душъ гостей, поджидая экипажъ, медленно поднимались въ гору. Между освѣщенными стволами березъ показались лоша-

ди. Но вмѣсто линейки выслали почему-то пару верховыхъ лошадей, при чемъ одна изъ нихъ была горячей крови и заранѣе обнаруживала протестующія движенія. Но Левъ Николаевичъ, уступивъ болѣе смирную лошадь одному изъ гостей, самъ подошелъ къ горячей лошади и заговорилъ съ нею. Но она затанцовала и попятилась. Онъ подошелъ къ ней ближе и, вдругъ нежиданно для насъ, быстрымъ, молодымъ движеніемъ вскочилъ въ сѣдло. Лошадь завертѣла крупомъ и рванулась въ сторону, прямо на березу. Мы обомлѣли. Но Л. Н. рѣшительнымъ движеніемъ рванулъ лошадь туда-сюда, нажалъ ногами, повелительно сказалъ что-то... И горячая лошадь, къ невыразимому нашему удовольствію, пошла мѣрнымъ, послушнымъ аллюромъ, какъ бы «гордясь могучимъ ѣздокомъ». Художникъ чуть не запрыгалъ отъ восторга.

Около 4-хъ часовъ дня Ясная Поляна представляла необычайную картину. У дома и въ тѣни деревьевъ, всюду виднѣлись пестрыя группы, устраивавшія различные хороводы. Но въ тѣни, подъ липами, происходило нѣчто въ родѣ свѣтопреставленія съ жаждущими чая. Бѣдныя учительницы и учителя сбивались съ ногъ, чтобы ублаготворить всю дѣтвору, томившуюся жаждой. Одинъ студентъ бѣгалъ на кухню и обратно, самоотверженно таская кипящіе самовары. Но, чтобы напоить 1000 жаждущихъ, сколько надо было самоваровъ!

Въ самый разгаръ общаго оживленія, пѣсенъ и хороводовъ произошло событіе, еще больше сблизившее хозяина Ясной Поляны съ его юными гостями. Не-

бо внезапно потемнѣло, загрохоталъ громъ и какъ изъ душа хлынулъ дождь... Можно себѣ представить какая произошла кутерьма, охватившая и гостей, и хозяевъ! Но Л. Н., не теряясь, началъ быстро устраивать прибѣжище. Съ удивительной легкостью и энергіей онъ началъ сдвигать на террасѣ столы и стулья, очистивъ такимъ образомъ значительное пространство для желающихъ. При этомъ случился одинъ эпизодъ, сильно напугавшій присутствовавшихъ.

Отодвигая въ сторону длинный обѣденный столъ, Л. Н. въ пылу рвенія забылъ о висѣвшей надъ столомъ лампѣ и, поднявъ голову, изрядно ударился. Видѣвшіе это невольно ахнули и бросились къ нему. Но онъ, машинально поднесъ руку къ ушибленному мѣсту, сейчасъ же опустилъ ее и продолжалъ сдвигать мебель, какъ бы ничего не случилось.

Дѣти хлынули на террасу, но и здѣсь держали себя какъ нельзя лучше, не переходя ни на одинъ шагъ за устроенный Львомъ Николаевичемъ «барьеръ» изъ стульевъ.

Едва отшумѣлъ громъ, какъ опять выглянуло солнце. И въ воздухѣ, и на дѣтскихъ лицахъ сдѣлалось еще свѣтлѣе. Начался настоящій праздникъ. Левъ Николаевичъ съ семьею и гостями сидѣлъ на террасѣ и любовался беззавѣтной веселостью юныхъ гостей. Графиня С. А. и одинъ любитель-фотографъ снимали нѣсколько разъ молодую Русь со старой Россіей.

Солнце начало склоняться къ закату. Распорядители подали знакъ дѣтямъ собираться. Дѣти построились

въ группы. Левъ Николаевичъ подошелъ къ барьеру террасы. Наступила незабвенная минута.

Распорядители поблагодарили хозяевъ за радушіе и подали знакъ дѣтямъ. Дѣти съ флагами, какъ съ хоругвями, начали проходить мимо Льва Николаевича и, обнажая головы, привѣтствовать его, какъ кто могъ. Онъ кланялся и благодарилъ за посѣщеніе, сохраняя наружное спокойствіе. Но, видимо, для этого ему нужны были значительныя усилія надъ собою.

Дѣти все больше и больше намагничивались энтузіазмомъ.

— До свиданія, милый Левъ Николаевичъ! Никогда васъ не забудемъ! — кричали они, махая фуражками.

Нѣкоторые же не выдерживали наплыва чувствъ и бросали вверхъ фуражки...

Пройдя старую березовую аллею и миновавъ сторожевыя башни, дѣти все еще продолжали оглашать воздухъ привѣтственными криками по адресу хозяина Ясной Поляны. У нѣкоторыхъ очевидцевъ долго была какъ передъ глазами картина: залитая солнечнымъ закатомъ изумрудная поляна... пестрыя группы дѣтей... мелькающія въ воздухѣ фуражки и стелющійся въ вечерней прохладѣ гулъ дѣтскихъ голосовъ.

Дѣти скрылись, а Л. Н. все стоялъ у барьера террасы въ той же позѣ, заложивъ руку за поясъ блузы, и смотрѣлъ въ глубину темнѣющей аллеи. Казалось, онъ былъ спокоенъ и только любовался прелестнымъ вечеромъ. Но кто знаетъ, что происходило въ это время въ его душѣ?

Прошла значительная пауза.

Левъ Николаевичъ обернулся и тихо заговорилъ о великихъ возможностяхъ, лежащихъ въ русскихъ крестьянскихъ дѣтяхъ. Въ голосѣ его звучали ласково-нѣжныя ноты. Одинъ изъ гостей, прислушиваясь къ доносившемуся издали гулу дѣтскихъ голосовъ, сказалъ:

— А вы помните, Левъ Николаевичъ, условленную фразу, произнеся которую, Фаустъ долженъ былъ отдать свою душу Мефистофелю.

Л. Н. поднялъ голову.

— Гм... Никакъ не могу вспомнить...

Гость подсказалъ:

«Остановись, мгновенье, ты — прекрасно».

— Да, да, теперь вспомнилъ, — сказалъ Л. Н. и, сдѣлавъ паузу, тихо добавилъ, словно отвѣчая на мысль гостя:

— И сегодня, пожалуй, похоже на «прекрасное мгновенье».

СОДЕРЖАНІЕ:

Толстой и Герценъ 1
Толстой и Некрасовъ 17
Толстой и Достоевскій 33
Толстой и Тургеневъ 41
Толстой и Н. Лѣсковъ 213
Толстой и Чеховъ 223
Толстой и Брайанъ 241
Толстой и Іоаннъ Кронштадскій 253
Толстой и дѣти 265

–40к.